

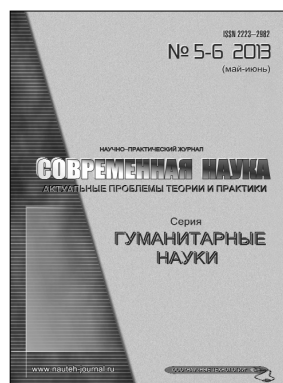
СОВРЕМЕННАЯ НАУКА :
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№ 5–6 2013 (май–июнь)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной
ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Scientific and practical journal

Редакционный совет

- В.Л. Степанов** – д.и.н., профессор, Институт экономики РАН
Ю.Б. Миндлин – к.э.н., доцент, Финансовый университет при
 Правительстве РФ
Э.Н. Алиева – д.ф.н., профессор, Московский институт
 экономических преобразований
А.А. Белик – д. филос.н., профессор, Институт этнологии и
 антропологии РАН
М.В. Михайлова – д.ф.н., профессор, МГУ им. М.В.Ломоносова
Я.М. Нейматов – д.п.н., профессор, Фонд развития
 инновационных технологий РФ
Н.О. Осипова – д.ф.н., профессор, Московский гуманитарный
 университет
В.В. Петрусинский – д.п.н., профессор, Российская Академия
 народного хозяйства и государственной службы при
 Президенте РФ
Г.М. Пономарева – д.филос.н., профессор, МГУ им.
 М.В.Ломоносова
Н.Л. Пушкарева – д.и.н., профессор, Институт этнологии и
 антропологии РАН
А.И. Савостьянов – д.п.н., профессор, Московский
 педагогический государственный университет
А.Е. Чирикова – д.соц.н., Институт социологии РАН
В.Н. Шаленко – д.соц.н., профессор Российского
 государственного социального университета
Н.А. Шведова – д.полит.н., профессор, Институт США и Канады
 РАН
С.А. Экштут – д.филос.н., профессор, Институт всеобщей
 истории РАН

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр–т, 116–1–10
Тел./факс: 8(495) 755–1913
E–mail: redaktor@nauteh-journal.ru
Http: //www.nauteh-journal.ru
Http: //www.vipstd.ru/nautehЖурнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в
сфере массовых коммуникаций, связи
и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77–44913 от 04.05.2011 г.**В НОМЕРЕ:**

**КООПЕРАЦИЯ В СИБИРИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В:
 СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ,
 ИСТОРИЯ,
 ПЕДАГОГИКА, ПОЛИТОЛОГИЯ,
 СОЦИОЛОГИЯ,
 ФИЛОСОФИЯ**

Журнал издается с 2011 года

Редакция:Главный редактор
В.Л. СтепановВыпускающий редактор
Ю.Б. МиндлинВерстка
VIP Studio ИНФО (www.vipstd.ru)Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Почта России» – 80015В течение года можно произвести
подписку на журнал непосредственно в редакции.Авторы статей
несут полную ответственность за точность
приведенных сведений, данных и дат.При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: Актуальные проблемы
теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии

ООО «КОПИ–ПРИНТ»
тел./факс: (495) 973–8296Подписано в печать 12.06.2013г.
Формат 84x108 1/16
Печать цифроваяЗаказ № 0000
Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

КООПЕРАЦИЯ В СИБИРИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ
XX В: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Г.М. Запорожченко – Проблемы формирования и развития низовой сети потребительской кооперации в городах Сибири в начале XX в.: Новониколаевский кооператив "Экономия"
G. Zaporozhchenko – Problems of formation and development of grass-root network of consumer cooperation in the cities of Siberia in the beginning of XX century: cooperative "Saving" in Novonikolayevsk 3

Н.Ю. Пивоваров – Особенности формирования Сибирских потребительских кооперативных союзов (1913–1919 гг.)
N. Pivovarov – Features of formation the Siberian unions of consumer cooperative (1913–1919) 11

В.М. Рынков – Роль сибирской кооперации в заготовках продовольствия в годы Первой мировой войны
V. Rynkov – The role of siberian cooperation in provision procurements during the world War I. 18

В.А. Ильиных – Сибирская кооперация на хлебозаготовительном рынке в условиях НЭПА: борьба за монополию
V. Ilyinykh – Siberian cooperation on grain market in the conditions of NEP: the struggle for the monopoly 24

А.А. Николаев – Кадры дореволюционных Кооперативных Союзов в советской системе кооперативного управления Сибири в 1920–х – начале 1930–х гг.
A. Nikolaev – The personnel of the pre-revolutionary Cooperative unions in the Soviet system of cooperative management of Siberia in the 1920's – early 1930's 30

ИСТОРИЯ

А.В. Гусев – Производственная база реактивной авиации в годы Великой Отечественной войны
A. Gusev – Production base of jet aircraft during World War II .37

А.В. Гусев – Сверхурочные работы на трубных предприятиях Урала в годы Великой Отечественной войны
A. Gusev – Overtime work on the tube factories in the Urals during World War II 40

М.В. Ковалева – Детство и юность в восприятии европейцев XVII века
M. Kovaleova – Childhood and Youth as seen by of Europeans of the 17th century 43

М.А. Новоселов – Роль Канады в освоении Арктического шельфа
M. Novoselov – Canada's role in the development of the Arctic shelf 50

О.Г. Сикорская – Категориальный аппарат сферы межэтнических отношений: проблема выбора термина
O. Sikorskaya – Categorical apparatus of inter-ethnic relations: problem of term choice 53

ПЕДАГОГИКА

Т.В. Гарбуза – Особенности профессиональной подготовки учителей иностранного языка по дистанционной форме обучения в Великобритании
T. Garbuza – Features of professional foreign language teacher's training in distance education in Great Britain 58

И.Н. Зварич – Сущность оценивания педагогической компетентности преподавателей Украины и США
I. Zvarych – Essence of evaluation the teachers' pedagogical competence in Ukraine and USA 62

Е.П. Максачук – Социальная активность юных спортсменов как составляющая спортивного воспитания в условиях ДЮСШ
E. Maksachuk – Social activity for young athletes as part of sports education in Sports School 68

ПОЛИТОЛОГИЯ

В.А. Волков – Структурно-логическое содержание предмета политической философии
V. Volkov – Structural-logical content the subject of the political philosophy 70

С.Ю. Чимаров – "Джиар" и лоббизм – диалог между государством, обществом и бизнесом
S. Chimarov – GR and lobbying as a dialogue between state, society and business 76

СОЦИОЛОГИЯ

Ю.А. Яковлева – Нетрадиционные религиозные сообщества как референтные группы
Y. Yakovleva – Non-traditional religious communities as reference groups 82

Ю.А. Яковлева – Феномен социального контроля в нетрадиционных религиозных сообществах
Y. Yakovleva – The social Control in Non-traditional Religious Communities 88

ФИЛОЛОГИЯ

Т.П. Соломенникова – Культурологическая обусловленность способа вербализации медицинского концепта
T. Solomennikova – The culturological causation of the verbalization method of the medical concept 93

ИНФОРМАЦИЯ

Наши Авторы / Our Authors 96

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале 97

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ НИЗОВОЙ СЕТИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ В ГОРОДАХ СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX В.: НОВНИКОЛАЕВСКИЙ КООПЕРАТИВ "ЭКОНОМИЯ"*

* Работа выполнена при поддержке РФНФ, проект № 12-01-00105а.

PROBLEMS OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF GRASS-ROOT NETWORK OF CONSUMER COOPERATION IN THE CITIES OF SIBERIA IN THE BEGINNING OF XX CENTURY: COOPERATIVE "SAVING" IN NOVONIKOLAYEVSK

G. Zaporozhchenko

Annotation

On the basis of a wide range of sources the article presents the process of forming a grass-root network of consumer cooperation in the cities of Siberia in the second half of the XIX – beginning of XX centuries. The author investigates the organizational-economic development of the large urban consumer cooperative of Siberia in the city Novonikolayevsk of the Tomsk province in the 1912–1920, considers its social composition, trade, industrial and cultural-educational activities.

Keywords: Siberia, consumer cooperation, the consumption society, trade, cultural and educational activities, the Union of urban cooperatives.

Запороженко Галина Михайловна
К.и.н., ст. научный сотрудник
Института истории
Сибирского отделения РАН

Аннотация

На основе широкого круга источников в статье представлен процесс формирования низовой сети потребительской кооперации в городах Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Исследуется организационно-хозяйственное развитие крупного городского потребительского кооператива Сибири в г. Новониколаевске Томской губернии в 1912–1920 гг. Рассматривается его социальный состав, торговая, производственная и культурно-просветительная деятельность.

Ключевые слова:

Сибирь, потребительская кооперация, потребительное общество, торговый оборот, культурно-просветительная деятельность, союз городских кооперативов.

Для Сибири начала XX в. развитие потребительской кооперации имело важное значение, так как торговый капитал ввиду высоких транспортных затрат был не в состоянии обеспечить отдаленные районы товарами по доступным ценам. На 1 января 1917 г. в Сибири, включая Семипалатинскую и Акмолинскую области, насчитывалось около 5000 кооперативов разных видов, до 1000 из них приходилось на долю потребительных обществ [18, с. 10–11]. Подавляющее большинство из них (80%) находились в сельской местности, однако в городских условиях деятельность потребительской кооперации являлась наиболее естественной в силу большей оторванности горожан от производства необходимых предметов потребления.

В 1869 г. возникли два первых городских общества потребителей в Иркутске и Барнауле. История Иркутского общества, примечательна тем, что оно явилось первым в Сибири, устав которого был утвержден государственной властью – Министерством внутренних дел. Первые общества потребителей просуществовали недолго. Для кооперативной практики того времени было характерно

"незнакомство с кооперативным делом, бесхозяйственность, бесконтрольность правления, плохая постановка счетоводства, равнодушие членов и малодушие их в тяжкие периоды жизни обществ" [23, с. 13].

За последующий период 70–80-е гг. XIX в., который в истории российской кооперации назван "ликвидационным", нет каких-либо сведений о возникновении потребительских кооперативов в Сибири. Их численный рост начался на рубеже XIX–XX вв. в условиях ускоренной индустриальной модернизации. В Сибири, несмотря на общую социально-экономическую отсталость, нарастание темпов развития капитализма было связано с железнодорожным строительством и усилившейся колонизацией. Всесословные и корпоративные чиновничьи потребительские кооперативы учреждались в Тобольске, Томске, Красноярске, Иркутске, Барнауле, Ялуторовске, Тюмени, Чите, Омске, Бийске. Образованное в 1895 г. красноярское городское общество потребителей через два года распалось, но успело стать одним из восемнадцати учреждений Московского союза потребительных обществ. Читинское потребительное общество почтово-телег-

рафных чинов было самым долговечным в этот период, действовало с 1898 по 1906 г. и распалось после подавления читинского вооруженного восстания. Создание именно этого общества имел в виду В. Махов, делая вывод о "последовательном и непрерывном росте потребительской кооперации в Сибири с 1898 года" [22, с. 3].

Исследователи отмечали, что, "несмотря на относительно значительный рост, кооперация этого периода "являла собой довольно жалкую картину: высокие паевые взносы, большой процент продажи в кредит, высокие дивиденды на паи" [20, с. 68]. Рабочая кооперация существовала лишь в зависимой форме. Отсутствие права на дивиденд у рядовых пайщиков, подмена общего собрания собранием уполномоченных, материальная зависимость от администрации являлись ее отличительными чертами. В 1897 г. подобное общество потребителей открылось на Зырянском руднике, в 1898 г. – на Гурьевском заводе. В 1899 г. в Чите при главных железнодорожных мастерских образовалось знаменитое общество потребителей служащих Забайкальской железной дороги. Одновременно с ним открылось общество потребителей служащих Сибирской железной дороги с главной конторой в Томске. Деятельность двух железнодорожных кооперативов представляла заметное явление в хозяйственной жизни Сибири. Вместе с тем, зависимый характер обществ, закрепленный в уставах, не позволял им удовлетворительно выполнять свои задачи, торговая и неторговая деятельность была противоречивой: "грабилровкой", "обираловкой", "теребилровкой" называли их пайщики.

На тех же принципах создавались в 1905–1906 гг. потребительные общества на обслуживающих железную дорогу Судженских каменноугольных копях Л.А. Михельсона в Томской губернии и при Александровских заводах Даниловых в Минусинском уезде. Из независимых начинаний известен лишь рабочий кооператив в Чите – Забайкальское общество потребителей, действовавшее в 1904–1907 гг. Оно являлось членом Московского союза потребительных обществ, положило начало кооперативной книжной торговле в Сибири.

В первое десятилетие XX в. потребительское движение с переменным успехом набирало силу. Городские всесословные кооперативы были учреждены в Омске, Бийске, Минусинске, Тайге, Красноярске, Томске. Кратковременная деятельность почти всех из них закончилась банкротством. С 1910 г. вели работу по созданию потребительского кооператива студенты Томска. Предполагалось, что кооператив объединит студентов–универсантов, технологов и слушательниц высших женских курсов. Именно это и послужило причиной отказа в утверждении устава Министерством внутренних дел. В 1907–1912 гг. рабочие потребительные общества "Свечка" и "Труженики" действовали в Барнауле, "Труд" в Тюмени. Кооперативы предоставляли средства местным

подпольным комитетам РСДРП и были закрыты по указанию Министерства внутренних дел [15, л. 67; 39, л. 1–2, 8]. В 1911 г. был утвержден устав зависимого потребительского кооператива на Анжерской каменноугольной копи в Томской губ., рабочие и служащие которой несколько раз безуспешно обращались с ходатайством о переходе на нормальный устав. [30, л. 27, 47, 57].

Массовое кооперативное движение потребителей среди городского и рабочего населения Сибири началась с 1912 г. Именно к этому времени относится создание ряда крупных потребительских кооперативов, переживших революции и Гражданскую войну, положивших начало сибирским кооперативным союзам. В 1912–1913 гг. были утверждены уставы городских кооперативов в Мариинске, Новониколаевске ("Экономия"), Томске ("Деятель"), Верхнеудинске ("Экономия"), Красноярске ("Самодетельность"), Чите ("Трудовой союз"), образованы независимые рабочие кооперативы в селе Черемхово среди работников копей П.К. Щелкунова и Товарищества "В.А. Рассушин и К" (Ангарский горный округ, Иркутская губ.) и рабочий кооператив железнодорожников "Трудовая копейка" на станции Иланская Томской железной дороги.

Первая мировая война явилась мощным катализатором кооперативного строительства, резко актуализировав его непосредственные причины – дороговизну и бестоварье. В 1914 г. открылись кооперативы в Кургане и Чите ("Эконом"). В 1915 г. оживилась деятельность городского потребительного общества в Минусинске, были учреждены кооперативы в Омске, Кузнецке, Кольвани, Ачинске, Енисейске ("Самопомощь"), Нижнеудинске, Канске, Нарыме, Тайге, возродилась кооперация в Барнауле ("Сотрудник"). В 1916 г. начали деятельность городские кооперативы в Тобольске ("Самосознание"), Тартарске, рабочий кооператив "Пчела" в Тюмени, в 1917 г. – "Север" в Сургуте и "Общая польза" в Бийске. Параллельно с зависимой кооперацией создавались независимые рабочие кооперативы железнодорожников, судовых рабочих и матросов–речников, рабочих копей и рудников.

При прямой правительственной поддержке усилился рост корпоративных и ведомственных, замкнутых по составу потребительских кооперативов. В декабре 1916 г. кооперативные начинания томских студентов наконец увенчались частичным успехом – утверждением устава замкнутого по составу общества потребителей служащих Министерства народного просвещения, магазины которого были доступны для студентов. Учреждались также жилищные и дровяные кооперативы, кооперативные столовые.

Д.И. Голенищев–Кутузов утверждал, что по степени "насыщенности" кооперацией Сибирь в период войны

еще отставала от Европейской России, но по напряженности кооперативного строительства могла поспорить с любой российской губернией, хотя была удалена от таких вспомогательно-организующих учреждений как земства, Московский союз потребительных обществ и Московский народный банк [19, с. 140]. В 1916 г. в журнале "Союз потребителей" отмечалось: "В прежние годы Сибирь отличалась крайне резким преобладанием сельских потребительных обществ над городскими и рабочими. В настоящее время доля участия рабочих и горожан в потребительской кооперации сильно увеличилась, приблизившись к общероссийской норме" [37, с. 156–157]. Развитие всесословной городской и рабочей кооперации Сибири происходило в русле аналогичного процесса в европейской части страны. Возникнув практически одновременно с кооперацией европейской России, она была значительно скромнее как по числу потребительных обществ, так и по количеству пайщиков в них. В то же время крупные городские кооперативы Сибири дореволюционного периода достигали численности 4–5 тыс. чел., оценивались специалистами как хозяйственные механизмы, которые были организованы лучше, чем более многочисленные сельские потребительные общества, и участвовали в общем торговом обороте сибирской потребительской кооперации не менее чем в размере 30% [21, с. 105].

Одним из крупных городских кооперативов являлось потребительное общество "Экономия" в Новониколаевске Томской губернии (ныне Новосибирск), устав которого был утвержден томским губернатором в апреле 1912 г. Организаторами выступили представители местной интеллигенции. Размер паевого взноса составлял 3 руб., членский взнос – 50 коп. вместо разрешенных нормальным уставом соответственно 10 и 3 руб. При внесении паев полагалась рассрочка на три месяца в целях облегчения вступления малоимущих. На пай выдавался минимальный процент дивиденда – 1% вместо предусмотренных нормальным уставом 10%, остальная прибыль распределялась пропорционально закупкам каждого члена [2, с. 122]. Таким образом, по важнейшим уставным принципам "Экономия" представляла собой городское потребительное общество, ориентированное на широкие слои населения.

В 1912 г. в "Экономии" состояло 630 членов, с членами семей – около двух тысяч человек, или 3% населения города. В 1914 г. кооператив насчитывал 870, в 1916 г. – 1297 членов. Социальный состав кооператива известен по результатам проведенного анкетирования. В октябре 1912 г. из 558 членов было 67% рабочих, 20% – конторщиков и приказчиков, 7% – учителей, юристов, врачей, чиновников, 6% – домовладельцев и коммерсантов [24]. "Экономия" объединяла представителей всех слоев населения, но главным контингентом были малоимущие рабочие, приказчики, мелкие служащие, небогатая интел-

лигенция, крестьяне окрестных деревень. Представления о социальном составе дают также данные о количестве паев на одного члена, относящиеся к 1916 г. Из 1282 членов общества один пай имели 736 чел., два – 193 чел., три – 33 чел., четыре – 9 чел., пять – 25 чел., десять – 13 чел. 229 чел. обладали одним неполным паем, 44 – смешанными паями [8]. Таким образом, основная масса членов являлась однопайщиками и неполнопайщиками и относилась к мало и средне обеспеченным слоям населения.

В 1912 г. в члены правления "Экономии" были избраны счетовод, владелец типографии, управляющий конторой, домашний учитель, в 1914 г. – врач, артельщик, инструктор полеводства, три члена правления являлись выходцами из крестьян, остальные из мещан, один – из дворян (это был председатель общества А.К. Скворцов, близкий к эсерам). В 1916 г. председателем "Экономии" стал известный сибирский социал-демократ В.Р. Романов. Как и в других городских всесословных кооперативах, представительство рабочих в кооперативном активе "Экономии" было непропорционально их доле в общей массе членов.

Первое время общество работало по так называемой "скидочной системе", которая применялась кооперативами во всех крупных городах Сибири в качестве временной формы торговли. Кооператив заключал с фирмами договор, по которому их владельцы, заинтересованные в расширении рынка сбыта, при продаже членам общества делали скидку в цене до 10–12%. Члены общества рассчитывались с торговцами при покупке особыми марками, которые выдавались в конторе "Экономии". Скидочная система перестала оправдывать себя, когда торговцы увидели в кооперативе своего конкурента и стали отказываться от своих обязательств.

В соответствии с Положением о государственном промысловом налоге 1898 г. для организации собственной торговли потребительные общества регистрировались в губернской казенной палате как торгово-промышленные заведения с оборотом от 50 до 800 тыс. руб. в год и приобретали торговый патент второго разряда. Для открытия торговли необходимы были, прежде всего, оборотные капиталы и торговые помещения. "Экономия" начала торговлю, имея всего 765 руб. паевых взносов, в то время как по самой скромной смете ей необходимы были 3360 руб.: на покупку товаров – 2500 руб., на оборудование лавки – 560 руб., на ежемесячные расходы по торговле – по 300 руб. [25]. Таким образом, общество сразу встало перед необходимостью привлечения кредитов и займов.

Нормальный устав разрешал кредитование потребительских кооперативов в размере основного паевого капитала, то есть 13 руб. (членских и паевых взносов) на

каждого члена, позволяя увеличивать оборотные средства до 26 руб. на одного члена. В дополнение к этому ограничению в юридической практике того времени не был разработан вопрос о гарантиях возвращения общественно-торговыми организациями денежных ссуд. Все это затрудняло получение кооперативами необходимых денежных средств. В своих финансовых операциях "Экономия" сотрудничала с городским общественным банком, Новониколаевским отделением Московского Народного Банка, Новониколаевским обществом взаимного кредита, а также привлекала вклады членов общества с выплатой 4–6% годовых.

Первое торговое отделение "Экономии" было оборудовано на приобретенном у города участке земли, к 1918 г. кооператив имел 4 торговых отделения в центральной и окраинных частях Новониколаевска. В его магазинах продавались бакалейные, галантерейные и канцелярские товары, важное значение имела организация торговли мукой, мясом и рыбой. Закупочная деятельность "Экономии", так же как и других сибирских кооперативов, осуществлялась в основном в Сибири. Товары приобретались у местных оптовиков, кредитно-сбытовых союзов, приезжающих в город крестьян. Являясь с 1912 г. членом Московского союза потребительных обществ, кооператив имел также возможность пользоваться торговым кредитом и закупать различные товары из первых рук в Москве, Астрахани, Одессе, на Нижегородской ярмарке.

Более низкий уровень торговых издержек и минимальная прибыль, которой ограничивались потребительные общества, позволяли им продавать товары дешевле, чем частным фирмам. Наценка на оптовую цену товара при розничной продаже в сибирских кооперативах устанавливалась от 7 до 27%, в то время как в частной торговле – не ниже 28%. Основная масса кооперативов придерживалась наценки 12–13%. Низшая наценка 7–8% наблюдалась в кооперативах Нижнеудинска и Красноярска, где членами состояло много рабочих. В красноярской "Самодетельности" существовал "фонд уценок", который в 1913–1915 гг. возрос по сравнению с другими статьями сметы в 4–5 раз, что позволяло обществу придерживаться низких розничных цен. Процент наценки определялся как общественными устремлениями кооперативного актива, так и конкретными условиями рынка. Так, рабочий кооператив "Труд" в Тайге с ликвидацией на станции в 1916 г. торговли ряда крупных торговцев остался практически единственным распределителем продуктов. Монопольное положение кооператива, несмотря на его однородный рабочий состав, позволяло ему придерживаться довольно высокой наценки 19% [17, л. 4, 23].

Исследователь сибирской кооперации В. Махов показал, что в период войны средний показатель наценки в

кооперативах Сибири повышался: в 1915 г. – от 9,1% до 24, 5%, в 1916 г. – от 17,2% до 20,5%. Объясняя это снижением скорости оборота капиталов., он установил факт неоднозначного влияния войны на кооперацию: с одной стороны, наблюдался рост торговых оборотов, с другой – замедление скорости оборота капиталов, с одной стороны – сохранение довоенных цен или торговля по ценам ниже рыночных, с другой – относительное повышение наценки. Малая скорость оборота капитала, которая в Сибири в среднем составляла 8–10 раз в год, в то время как в Европейской России – 10–12 раз в год, считалась показателем отсталости кооперации [15, с. 108]. Наиболее развитые городские кооперативы улучшали этот показатель до 25 раз в год, как, например, в Омском городском потребительном обществе [28].

Новониколаевская "Экономия" торговала по средне-рыночным ценам, сохраняя это правило и в годы Первой мировой войны. Товар отпускался за наличные, в кредит обслуживались только общественные организации и учреждения городского муниципалитета – школы, больницы, богадельни, комитеты помощи раненым и беженцам. Наблюдался разрыв цен в пользу кооперативной торговли по сравнению с частной (соль – 2 коп. за фунт, нитки – 15 коп. шпулька, карандаш – 36 коп. против соответственно 5, 18, 25 коп.) и лавкой Продовольственного комитета на железной дороге, поддерживаемого правительственными ссудами (крупа – 10 коп., горох – 8 коп., пшено – 10 коп. за фунт против соответственно 16, 12, 12 коп.). Кооператив выступал регулятором цен, так как жители городских окраин отмечали, что с приостановкой у них кооперативной торговли началось спекулятивное взвинчивание цен в мелких лавочках [7].

При начале торговли в 1912 г. 80% товарооборота "Экономии" приходилось на долю членов, 20% на долю посторонних. С открытием новых торговых отделений рынок сбыта за счет посторонних расширился. Если на один рубль покупок пайщиков в 1913 г. приходилось 54 коп. от посторонних, то в 1914 г. – уже 1 руб. 27 коп. Вместе с тем наблюдалось абсолютное сокращение продажи на одного покупателя: в 1913 г. – 16 руб., в 1914 г. – 12 руб., в 1915 г. – 4 руб. в год, что свидетельствовало о падении интереса населения к кооперации [3]. В процессе своего организационного и хозяйственного развития "Экономия" пережила ряд кризисов. Особенно тяжелым для кооператива оказался 1914 г. Приток членов заметно уменьшился, оборудование новых торговых помещений повлекло дополнительные затраты в ущерб закупочной деятельности. В условиях начавшихся военных действий задержка движения грузов по железной дороге привела к недопоставке ряда товаров. В результате товарооборот в 1914 г. (21 690 руб.) почти не вырос по сравнению с 1913 г. (21 650 руб.) [1].

На общем собрании по итогам 1914 г. говорилось о

безнадежном положении кооператива, обреченного на постоянный дефицит из-за отсутствия солидного основного капитала. Среди причин назывались также бесхозяйственность правления, неумелый подбор сотрудников, хаос в счетоводстве и делопроизводстве [26, с. 17]. В дальнейшем работа кооператива улучшилась, что вызвало приток новых членов и рост популярности "Экономии". В 1916 г. в общество вступило наибольшее число членов – примерно 1/5 от численного состава кооператива. Торговые обороты по сравнению с 1914 г. выросли до 93 тыс. руб. – более чем в 4 раза [3]. Паевой взнос был увеличен до 6 руб. Свидетельством преодоления кризисных явлений являлся тот факт, что в конце 1916 г. "на общее собрание явились новые лица, были не только присяжные ораторы, но и выступающие из народа, а также большое количество женщин" [9].

Первая мировая война привела к снижению производства товаров массового потребления, значительная часть продукции, минуя рынок, поступала в армию. Наряду с сильными транспортными проблемами это привело к ухудшению снабжения гражданского населения продуктами первой необходимости, росту дороговизны и бестоварья. В этих условиях частная торговля, кооперация и местные продовольственные комитеты оспаривали друг и друга право на заготовку и распределение товаров. Частный торговый капитал выступал главным конкурентом кооперации на рынке. В то же время, идея кооперации стала настолько привлекательной в годы войны, что в большинстве городов к середине 1916 г. органы местного самоуправления использовали кооперативную сеть для распределения товаров среди горожан, а кооперативы осуществляли свои закупки через городские управы. Городская дума Новониколаевска на заседании 15 сентября 1915 г. признала, что дороговизна приняла характер глубокого социального явления, и рассмотрела предложение представителей "Экономии" о передаче продовольственного дела в руки кооперации. Однако созданная в ноябре 1915 г. городская продовольственная комиссия собралась под председательством городского головы без представителей общественности в составе исключительно предпринимателей-мукомолов. Лишенная заинтересованных общественных сил, комиссия не могла соответствовать своему назначению. При проверке ее деятельности выявились факты срыва поставок продовольствия, прежде всего муки, в пользу входящих в нее торговцев [10, л. 19–19 об.; 11, л. 23, 41].

Почти синхронно потрясали сибирские города сахарные, мучные и другие кризисы. Важнейшие продукты были припрятаны на складах местных торговцев до лучших времен, поскольку городскими управами на них были установлены твердые цены. "В нашем городе нет сахара, – писали из Новониколаевска в газету "Сибирская жизнь", – в каком смысле "нет" лучше знают купцы и спекулянты" [31]. С августа 1915 г. в городе была введена карточная

система снабжения сахаром, в организации которой приняла участие городская управа и общественные организации, в том числе кооператив "Экономия". Через магазины "Экономии" сахар получили 45 233 чел., через городские лавки 43 581 чел. Для "Экономии" сахарная операция была убыточной, так как потеря при развесе в розничной продаже не полностью возмещалась поставщиком сахара – городской управой, имевшей, наоборот, выгоду от сахарных операций. В торговле мукой городские власти также опирались на торговый аппарат кооператива, передавая ему ежемесячно для реализации населению по 5 вагонов поступавшей в город муки. Важная роль кооператива в снабжении населения этими важнейшими продуктами отмечалась местной прессой [6]. Городская дума также признавала положительное значение потребительного общества для городского хозяйства. На одном из заседаний гласные подчеркнули необходимость развития таких организаций как кооператив "Экономия", который удовлетворял продовольственные нужды не только своих членов, но всего населения города и вел борьбу с возрастающей дороговизной на предметы первой необходимости [11, л. 23, 41, 45].

Тем не менее сами кооператоры оценивали отношение местных властных и бизнес элит к кооперативу как "определенно-отрицательное" [5]. Служащим "Экономии" было отказано в отсрочке от призыва в действующую армию. Лишь к концу 1916 г. было удовлетворено ходатайство о снижении арендной платы. Вопрос о предоставлении беспроцентной ссуды из государственной дотации на борьбу с дороговизной многократно откладывался из-за правил кредитования потребительных обществ не свыше основного капитала. На заседании биржевого комитета выяснилось также, что торговые фирмы, считая кооперацию явлением временным, охотнее отпускали товар, особенно большими партиями, частным торговцам, с которыми надеялись сохранить партнерские отношения и после войны. Исследователи противостояния кооперации и частного капитала отмечают, что монопольное положение кооперации на рынке в период войны завоевывалось преимущественно путем политического лоббирования. Кооперация опиралась на государственные структуры, которым было выгодно заключать сделки на поставку крупных партий продовольственных товаров по более низким ценам с кооперативными союзами [29, с. 47]. Что касается городских потребительских кооперативов, то они находились на линии этого противостояния. Цензовое городское самоуправление, состоящее из представителей торгово-промышленного класса, видело в потребительных обществах своих конкурентов и, признавая на словах заслуги кооперативов в деле борьбы с дороговизной, всячески препятствовало предоставлению им финансовой поддержки. Исключениями могут служить примеры сотрудничества кооперации и власти в Омске и Ачинске. Городское самоуправление Ачинска, устранившись от сложной работы по организации складов и хле-

бопекарни, выделило местному потребительному обществу на борьбу с дороговизной беспроцентную ссуду и бесплатные торговые помещения. В Омске кооператорам также была предоставлена ссуда, одновременно городская управа вступила членом в потребительное общество с введением своего представителя в ревизионную комиссию [14, л. 5–5 об., 11].

В годы войны потребительские кооперативы приступили к организации собственного производства. В 1916 г. "Экономия" открыла кондитерский цех и сапожную мастерскую. Военно-промышленный комитет способствовал получению кооперативом необходимых материалов и рабочей силы в лице военнопленных. Попытка открыть мыловаренный завод и хлебопекарню не увенчалась успехом из-за отсутствия сырья. Практика производственной деятельности кооператива показала, что предприятия развивались на прибыльной основе, продукция отличалась хорошим качеством, зарплата была выше, чем в частных мастерских, цены на продукцию ниже, чем в частной торговле. В отчете правления указывалось, что кондитерский цех работал с прибылью 12–13%, цены на конфеты в кооперативе были в два раза ниже, чем на рынке. Ботинки продавались не дороже 14–15 руб. при нормировочной цене 17 руб. 80 коп. и ценах в частных мастерских – 25–30 руб. за пару [27, с. 20–21].

Стимулирующую роль в развитии кооперативами промышленного производства сыграла армия. В ноябре 1915 г. "Экономия" взяла подряд на поставку для армии 200 тыс. пудов прессованного сена со сдачей на станциях Алтайской железной дороги. Уполномоченные общества покупали сено непосредственно у крестьян, а затем перерабатывали его на пяти прессах с помощью наемных артелей. В отчете о заготовке сена упоминалось, что в 1914 г. в этом же районе заготовка для армии производилась частным подрядчиком-спекулянтom, скупавшим у крестьян сено за бесценок по 8 коп. за пуд. "Экономия" платила крестьянам-артельщикам за пуд прессованного сена 27 коп. Кроме сена "Экономия" поставила в армию 60 тыс. пудов овса [32; 33].

Важное значение сибирские кооперативы придавали неторговой стороне своей деятельности, особенно в условиях стремительного численного роста рядов кооперации в годы войны за счет "кооператоров-поневоле". Необходимость культурно-просветительных мероприятий они выводили из факта культурной отсталости населения и отсутствия в Сибири земства, считая, что кооперация должна взять на себя работу по организации сети учреждений внешкольного образования, Народных домов, библиотек для сельского и городского населения. Правление новониколаевской "Экономии" положило начало культурно-просветительному фонду в 1912 г., отчислив средства, полученные от проведения лекции известного петербургского кооператора А.В. Поссе. С 1913 г. выписывались

кооперативные периодические издания и календари, начался сбор книг для создания собственной библиотеки. В 1914 г. Томскому губернатору было подано прошение об открытии при центральном торговом отделении "Экономии" книжного магазина. В устройстве книжной торговли кооперативу было отказано из-за политической неблагонадежности председателя правления эсера А.К. Скворцова [16, л. 2, 13, 23]. Активно развернулась культурно-просветительная работа кооператива в 1916 г. Толчком послужило письмо рабочих завода Крюкова в правление "Экономии", содержащее много подписей. "Было бы хорошо, – писали рабочие, – если у вашего общества окажутся силы при отделении открыть чайную и бесплатный читальный зал. Духовная пища трудовому люду также постоянно необходима, как свет, хлеб и вода. Бесплатная читальня с книгами и газетами принесет большую пользу и борьбе с пьянством, которое существует в значительной степени потому, что для рабочего люда нет ни библиотек, ни вечерних и праздничных занятий, чтений и никаких других культурных учреждений" [4]. Созданная при кооперативе культурно-просветительная комиссия начала работу в тесном контакте с обществом попечения о народном образовании. В октябре 1916 г. начала работу воскресная школа для взрослых, запись в которую проходила в лавках "Экономии". Лекции в школе для рабочих и городской бедноты по кооперативной, общественно-политической и художественной тематике оплачивались "Экономией" из расчета 50 руб. в месяц. Образованный в библиотеке общества попечения о народном образовании кооперативный отдел занимался комплектацией книг по кооперативной тематике отечественных и зарубежных авторов, трудов кооперативных съездов. В дальнейшем один из членов правления выделил для кооперативной библиотеки помещение в своем доме и поддержал начинание кооператива беспроцентной ссудой в 1000 руб. Свои пожертвования он мотивировал желанием содействовать делу кооперации и просвещения окраинной бедноты в память об убитом на войне сыне. В декабре 1916 г. при "Экономии" был организован кооперативный клуб и проведены два вечера с участием самодеятельного хора жителей Закаменской части города. В прессе отмечалось, что клубные вечера произвели большое впечатление на участников, которые высказывали пожелания о регулярном проведении подобных мероприятий [34].

Итак, фактический рост сибирской городской потребительской кооперации начался за несколько лет до Первой мировой войны. В военный период кооперация получила повсеместное распространение. В период, когда на Западе успешно шел процесс превращения городских кооперативов из мелких лавочек в огромные торговые дома с многоотраслевой торговлей и признанием самых широких слоев населения, в России она действовала среди хаоса, без средств, без кооперативного закона. В условиях войны потребительские кооперативы про-

явили гибкость, оперативность и завидную приспособляемость к недостаточно развитой экономической инфраструктуре и административно-бюрократическому воздействию властей и сыграли существенную роль в процессе выживания самых широких слоев населения, но привлекательная кооперативная идея подверглась серьезной деформации. Численный рост кооперативов не сопровождался ростом показателей эффективности экономической деятельности. Потенциальные возможности кооперации постепенно сводились на нет в результате институционального усложнения кооперативной сети, нарастания бюрократизации кооперативной верхушки, стремления к всеохватности и сращиванию с государством. Не случайно газета "Сибирская жизнь" писала в начале 1917 г.: "Кооперативное дело нужно признать зданием без прочного фундамента" [35].

После Февральской революции численность потребительских кооперативов в городах Сибири значительно увеличилась. В Новониколаевске действовало 14 потребительных обществ, самым крупным и значимым из которых продолжала оставаться "Экономия", имевшая 11 506 членов, 4 магазина, 108 544 руб. паевого капитала [36, с. 76]. Дискриминационные условия обслуживания городских обществ потребителей в составе районных и областных кооперативных союзов побуждали их к созданию самостоятельных союзных объединений. В 1918 г. в Сибири сложились Томский, Новониколаевский и Омский союзы городских и рабочих кооперативов. Новониколаевский союз городских кооперативов был зарегистрирован в апреле 1918 г., в августе к нему присоединилась "Экономия". Кроме "Экономии" в союз входили основанные в 1917–1918 гг. потребительные общества служащих и рабочих почтово-телеграфного ведомства (321 член), учащихся (1874 члена), Алтайской копи (271 член), Омской железной дороги (3285 членов), городских работников (718 членов), кооперативы "Свобода", "Культура", "Дом польский", "Холодильник", "Пробуждение", "Сила", "Бережливость". Всего союз включал 32986 членов и обслуживал около 160 тыс.чел. населения [12, л. 8].

Частным совещанием представителей городских кооперативов на Омском кооперативном съезде в сентябре 1918 г. была выдвинута идея создания Всесибирского союза городской и рабочей кооперации. Первый съезд городских и рабочих кооперативов Сибири 15–24 марта 1919 г. в Иркутске ограничился созданием координационного Бюро. Кроме того, съезд призвал к перестройке союзных объединений городской кооперации в единые многолапочные кооперативы [13, л. 1–1 об.]. Немногочисленные противники многолавок считали, что мелкие общества имеют преимущества в поиске и приобретении товаров на рынке малыми партиями, и в них прочнее сохраняется естественная связь членов со своим кооперативом. Однако в течение 1918 г. сибирские кооперативы перешли на устав многолапочного потребительного общества, управляемого собранием уполномоченных, что считалось "важнейшим явлением финансовой жизни потребительских кооперативов в 1918 году" [38, с. 14]. Непроизводительные расходы Новониколаевского союза городских потребительных обществ по содержанию 16 правлений и 16 канцелярий прекратились в связи с реорганизацией в многолапочное потребительное общество в июне 1919 г.

Конец свободному самодеятельному периоду развития городской кооперации Сибири был положен реализацией в 1920 г. декрета СНК "О потребительских коммунах" от 20 марта 1919 г. На основании декрета все городские и рабочие потребительные общества и их союзы были ликвидированы, и вместо них были созданы единые рабоче-крестьянские потребительские общества (ЕПО) в губернских и уездных городах Сибири, объединенные в губсоюзы в соответствии с территориально-административным делением. Из общественно-хозяйственной системы потребительская кооперация превращалась в технический аппарат государственных продовольственных органов, который занимался карточным распределением государственных товаров, заготовкой сельскохозяйственной продукции в порядке государственной разверстки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтайское дело (Новониколаевск). 1914. 18 июня.
2. Вестник кооперации (М.). 1912. № 6.
3. Голос Сибири (Новониколаевск). 1916. 18 авг.
4. Голос Сибири. 1916. 14 сент.
5. Голос Сибири. 1916. 28 сент.
6. Голос Сибири. 1916. 9 нояб.
7. Голос Сибири. 1916. 12 нояб.
8. Голос Сибири. 1916. 17 нояб.
9. Голос Сибири. 1916. 29 нояб.
10. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 201.
11. ГАО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 221.
12. ГАО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 303.

13. ГАНУ. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 476.
14. Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 30. Оп. 1. Д. 32.
15. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. ДПОО. 1913. Д. 32, ч. 82., лит. Б.
16. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 7. Д. 160.
17. ГАТО. Ф. 196. Оп. 7. Д. 86.
18. Известия общества потребителей служащих и рабочих Забайкальской железной дороги (Чита). 1917. № 2.
19. Илимский Д. (Д.И. Голенищев-Кутузов). От распыления к организации очерки сибирской кооперации // Сибирские записки. 1916. № 1. С. 140–151.
20. Кремнев Г. Развитие кооперации. Л.: Изд-во кооп. союза "Кооперация", 1925. 130 с.
21. Махов В. Сибирская потребительская кооперация в процессе ее исторического развития. Новониколаевск: Изд-во Сиб. отд-ния Центросоюза, 1923. 242 с.
22. Махов В. Откуда и как пошла сибирская потребительская кооперация. Новосибирск: Изд-во Сибкрайсоюза, 1925. 12 с.
23. Меркулов А.В. Исторический очерк потребительской кооперации в России. 2-е изд. М.: Изд-во Моск. союза по-реб. об-в, 1917. 112 с.
24. Обская жизнь (Новониколаевск). 1912. 22 апр.
25. Обская жизнь. 1912. 14 июня.
26. Объединение (Москва). 1916. № 14.
27. Объединение. 1917. № 15–16.
28. Омский телеграф (Омск). 1916. 8 марта.
29. Пивоваров Н.Ю., Рынков В.М. Сибирская кооперация в системе властных отношений в эпоху войн и революций 1914–1920 гг. // Власть и общество в Сибири в XX веке: сб. науч. трудов. Новосибирск: Параллель, 2012. Вып. 3. С. 35–59.
30. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 188. Д. 208.
31. Сибирская жизнь (Томск). 1915. 21 окт.
32. Сибирская жизнь. 1915. 12 нояб.
33. Сибирская жизнь. 1916. 9 нояб.
34. Сибирская жизнь. 1916. 22 дек.
35. Сибирская жизнь. 1917. 22 янв.
36. Сибирская кооперация (Новониколаевск). 1919. № 1.
37. Союз потребителей (М.). 1916. № 5.
38. Союз потребителей. 1919. № 1–2.
39. Тобольский филиал Государственного архива Томской области. Ф. 152. Оп. 23. Д. 195.

© Г.М. Запорожченко, (galinakoop@yandex.ru), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»,

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СИБИРСКИХ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ КООПЕРАТИВНЫХ СОЮЗОВ (1913-1919 гг.)*

* Работа выполнена при поддержке РФНФ, проект № 13-01-00100а.

FEATURES OF FORMATION THE SIBERIAN UNIONS OF CONSUMER COOPERATIVE (1913-1919)

N. Pivovarov

Annotation

This article is devoted to the problems of organization and enterprise of the siberian unions of consumer cooperative. The organizer of cooperative unions were local cooperatives net (con-sumer cooperatives, butter-making artels, credit partnerships), social organizations and state in-stitutions. The author draw a conclusion about, what proliferation of number cooperative unions were accompanied with increasing intermediary structures. This fact led to the fall of the real economic power of cooperative unions.

Keywords: peasantry, cooperation, consumer cooperative, cooperative union, the Great World War, Siberia.

Пивоваров Никита Юрьевич
Младший научный сотрудник,
Институт истории
Сибирского отделения РАН,
Новосибирск

Аннотация

В статье рассмотрены вопросы организации и деятельности сибирских потребительских кооперативных союзов. Организаторами кооперативных союзов являлись низовые кооперативы (потребительские общества, маслодельные артели, кредитные товарищества), общественные организации и государственные учреждения. Автор сделал вывод о том, что рост числа кооперативных союзов сопровождался ростом посреднических структур. Это отразилось на падении реальной экономической мощи кооперативных союзов.

Ключевые слова:

Крестьянство, кооперация, потребительский кооператив, кооперативный союз, Первая мировая война, Сибирь.

В начале XX в. кооперация являлась самой масштабной хозяйственной организацией в России. Кооперативы успешно справлялись с решением торговых, финансовых, производственных и культурно-просветительных задач, являясь одним из важнейших элементов самоорганизации населения. Кооперативное движение в России приняло массовый характер с середины 1900-х гг. Общее число кооперативных обществ разных видов возросло с 4 тыс. в 1904 г. до 30 тыс. в 1913 г. [16, с. 193, 200–201]. Появились и первые кооперативные союзы. В 1898 г. был основан Московский союз потребительских обществ.

В Сибири в начале XX в. также наблюдался рост числа кооперативов. Общая численность первичных организаций всех видов кооперации достигла к началу 1914 г. почти 3,5 тыс., что составляло 11,6 % от общероссийских показателей [21, с. 39]. По темпам кооперативного строительства Сибирь оказалась одним из передовых регионов Российской империи. Наиболее активно в Сибири развивалась потребительская кооперация. К 1913 г. в Сибири действовало 368 кооперативов, а в 1914 г. это

число возросло до 586 [7, с. 22]. Быстро нараставший спрос на товары первой необходимости среди потребителей в годы Первой мировой войны способствовал росту числа пайщиков и открытию новых кооперативов. Уже к 1915 г. в Сибири насчитывался 961 потребительский кооператив, в 1916 г. – 2123, в 1917 г. – 5135, наконец, в 1918 г. число потребительских обществ достигло своего максимума – 7318, а в 1919 г. число кооперативов снизилось до 6960 [7, с. 22]. Если в целом по России с начала войны до 1918 г. численность потребительских обществ выросла в 2,5 раза, то в Сибири – в 12 раз [21, с. 40].

В Сибири развитие потребительской кооперации шло в двух направлениях. Абсолютное большинство потребительских кооперативов были созданы в сельской местности. Сельские кооперативы учреждались как самостоятельно, так и путем преобразования потребительских лавок при маслодельных артелях. Сельские низовые потребительские кооперативы выполняли не специализированные, а универсальные функции: занимались торговлей промышленными товарами, сбывали сельскохозяйственную продукцию.

Значительно уступали сельским кооперативам городские потребительские общества, учреждавшиеся в виде всесословных и рабочих кооперативов. Их доля в общей численности потребительской кооперации колебалась от 1,6 % до 6,1 % [7, с. 100, 102; 19, с. 178]. Однако городские и рабочие кооперативы по величине своих товарооборотов, численности пайщиков и общей постановке кооперативного дела заметно превосходили сельские потребительские кооперативы. Товарообороты в городских и рабочих кооперативах превосходили аналогичные показатели в сельских кооперативах почти в 50 раз [19, с. 178]. При этом городские потребительские общества занимались почти исключительно торговлей продовольственных товаров.

Городские и рабочие потребительские общества, как правило, старались выйти за пределы местного рынка и получить товар непосредственно от производителя или в местах более дешевой закупки, что давало шансы конкурировать с местными частными торговцами [13, с. 122].

С этой целью некоторые кооперативы активно сотрудничали с крупнейшим российским кооперативным союзом – Московским союзом потребительских обществ. Но в силу отдаленности закупки через Московский союз не заняли главного места в товарообороте городских и рабочих потребительских обществ. Например, в 1916 г. иркутский городской кооператив "Труженик" продал товаров почти на 408,5 тыс. руб., из которых доля товаров, приобретенных через Московский союз, составила лишь 0,73 % [13, с. 123]. Некоторые городские кооперативы заключали договоры о ведении совместной закупочной деятельности. Так поступили в 1912 г. новониколаевская "Экономия" и барнаульский "Труженик". Но чаще руководство городских кооперативов отправляло своих уполномоченных в близлежащие деревни для организации совместной закупки товаров с низовыми сельскими кооперативами. Первыми на этот путь встал в 1911 г. барнаульский городской кооператив "Труженик", заключивший договор с несколькими сельскими потребительскими обществами в Барнаульском уезде.

В 1912 г. Мариинское общество потребителей выступило инициатором создания уездного кооперативного объединения, в которое помимо городского кооператива вошли еще 26 сельских низовых потребительских обществ. Но спустя несколько месяцев в силу внутренних противоречий из состава Мариинского кооперативного объединения вышли восемь сельских потребительских кооперативов, которые вскоре образовали Бюро оптовых операций кооперативов Мариинского уезда. Руководители сельских кооперативов заявляли о том, что Мариинское кооперативное объединение в своей торговой деятельности удовлетворяет в первую очередь интересы городских жителей и не поставяет необходимые промышленные товары в деревню.

Бюро оптовых операций кооперативов Мариинского уезда оказалось весьма успешной формой организации сельской низовой потребительской кооперации: число членов за год работы увеличилось вдвое, а запланированный торговый оборот вырос в полтора раза. В ноябре 1913 г. члены Бюро на общем собрании подписали договор, что позволило преобразовать его в Мариинское торгово-промышленное товарищество кооперативов, ставшее первым сибирским потребительским кооперативным союзом [7, л. 92].

Такой специфический алгоритм образования кооперативных союзов, когда ведущей силой выступало местное городское или рабочее потребительское общество, нашел широкое применение в сибирской кооперативной практике. Деревня потянулась к финансовым, товарным и интеллектуальным ресурсам города, а город – к продовольственным и сырьевым деревни [19, с. 198]. Так, в открытии Забайкальского областного кооперативного товарищества в 1914 г. приняли участие два городских кооператива – "Экономия" из Верхнеуденска и "Трудовой союз" из Читы [8, л. 44]. В создании Енисейского губернского союза кооперативов в 1915 г. активно участвовало красноярское общество потребителей "Самодетельность" [8, л. 40]. Благодаря усилиям Минусинского потребительского общества в 1915 г. было создано Посредническое товарищество кооперативов Минусинского уезда и Усинского пограничного округа [7, л. 42]. Новониколаевское общество потребителей "Экономия" выступило инициатором создания двух кооперативных союзов: в 1915 г. "Обского кооператора" [7, л. 69], а в 1918 г. – Новониколаевского городского союза кооперативов [8, л. 4]. Руководство томского потребительского общества "Деятель" в 1916 г. провело съезд сельских кооперативов Томского уезда, в ходе которого был подписан договор и образован кооперативный союз "Томский кооператор" [7, л. 81]. В 1916 г. благодаря усилиям председателя Семипалатинского общества кооперативов Т.Б. Кузина был созван кооперативный съезд, на котором образован Семипалатинский союз кооперативов [7, л. 20]. В том же году Черемховский рабочий кооператив и Нижнеудинское рабочее потребительское общество инициировали создание Ангарского торгово-промышленного товарищества и Нижнеудинского кооперативного товарищества [1, с. 7]. В 1916 г. при содействии Омского городского потребительского общества было создано товарищество потребительских кооперативов "Потребитель". Наконец, в 1918 г. на базе якутского городского потребительского кооператива был создан первый якутский кооперативный союз – "Холбос".

Объединение сельских и городских потребительских обществ в рамках кооперативных союзов порождало массу противоречий, обусловленных разнородностью потребностей городских и сельских жителей. Для крупных городских потребительских обществ кооперативные со-

юзы представлялись лишним товаропроводящим звеном. Член правления семипалатинского общества потребителей В.И. Николаев на кооперативном совещании в августе 1916 г. в Новониколаевске, подчеркивая невыгодность пребывания городских потребительских обществ в составе кооперативных союзов, заявлял: "Районное объединение, созданное для обслуживания потребностей и запросов кооперативной деревни, организовав у себя склад товаров, потребных для нужд именно этой кооперативной деревни, организовав кредит на условиях, определяющихся степенью быстроты перемещения капитала в сельском кооперативе – не может по существу своей организации удовлетворить и минимума тех запросов и потребностей, которые к нему мог бы предъявить городской или рабочий кооператив" [11, с. 47]. Такие настроения были весьма характерны для руководителей городских и рабочих кооперативов. Поэтому в августе 1916 г. на частном совещании городских кооперативов в Новониколаевске была принята резолюция о том, что городским и рабочим потребительским обществам невыгодно входить в кооперативные союзы. Признавалось желательным создание самостоятельного общесибирского кооперативного союза городской и рабочей кооперации [12, с. 93].

Сибирские кооперативные потребительские союзы образовывались также путем выхода маслодельных артелей из состава Союза сибирских маслодельных артелей. К 1914 г. маслодельный союз представлял собой довольно мощную организацию, которая вела операции по сбыту масла и снабжала население потребительскими товарами. Маслодельный союз был чрезвычайно централизованной организацией, полностью контролировавшей деятельность всех низовых маслодельных артелей. Пайщики маслодельного союза выражали недовольство подобной политикой. В 1914–1915 гг. ряд алтайских маслодельных артелей открыто выступили с критикой деятельности дирекции Союза сибирских маслодельных артелей, предложили провести децентрализацию организации и увеличить количество масла, оставляемого в артелях для самостоятельной реализации. Руководство маслоделов расценило это как проявление сепаратизма, направленного на разрушение устоев организации. В ответ руководители алтайских артелей вышли из состава маслодельного союза и объединились в 1915 г. с сельскими потребительскими кооперативами в Алтайский кооперативный союз [7, л. 4]. В 1916 г. в Бийском уезде Томской губернии маслодельные артели также объявили о выходе из состава Союза сибирских маслодельных артелей и создали независимый кооперативный союз – Алтайский Горный союз кооперативов [7, л. 12]. В 1917 г. таким же образом был создан Каменский и Черепановский союзы кооперативов.

Были и другие пути образования сибирских кооперативных союзов. Так, в 1916 г. на базе трудовой сельско-

хозяйственной артели в Павлодарском уезде был организован Павлодарский кооперативный союз [7, л. 28]. Омский кооперативный союз "Агросоюз" был первоначально создан в 1916 г. как коммерческий отдел при Омском отделении Московского общества сельского хозяйства и лишь в 1917 г. выделился в самостоятельный кооперативный союз. Учредителем Змеиногорского кооперативного союза в 1917 г. стала уездная продовольственная управа [9, л. 3].

Еще одной тенденцией в кооперативном строительстве в Сибири стало объединение небольших по числу пайщиков и торговым оборотам кооперативных объединений в более крупные кооперативные союзы. В 1916 г. в Иркутске на общегубернском кооперативном съезде представители трех кооперативных союзов – Ангарского торгово-промышленного товарищества, Иркутского районного кооперативного товарищества и Нижнеудинского кооперативного товарищества – подписали договор об образовании Иркутского кооперативного союза [7, л. 31]. В марте 1917 г. омские кооперативные союзы "Агросоюз" и "Потребитель" объединились в Союз Западно-Сибирских кооперативов. В декабре того же года руководство Союза Западно-Сибирских кооперативов созвало кооперативный съезд, на котором присутствовали представители семи районных кооперативных союзов: Атбасарского ("Бирлик"), Иссык-Кульского, Кокчетаевского ("Степь"), Называевского, Тарского, Тюменского и Чановского. На съезде было принято решение объединиться в Союз кооперативных объединений Западной Сибири (Центросибирь) [7, л. 35].

Широкое распространение среди сибирских кооперативных союзов получили так называемые смешанные или интегральные объединения, в состав которых входили помимо потребительских обществ маслодельные артели, кредитные и сельскохозяйственные кооперативы. Первым таким кооперативным союзом был Алтайский

Рабочие и служащие Вознесенского Рабоче-крестьянского потребительского общества.

кооперативный союз, который наполовину состоял из потребительских кооперативов и маслодельных артелей. Уникальным можно считать Змеиногорский кооперативный союз, состоявший примерно из равного числа потребительских обществ, маслодельных артелей и кредитных кооперативов. Отношение к смешанным кооперативным союзам среди сибирских кооператоров было неоднозначным. Одна часть кооператоров считала, что интегральные объединения являются не просто "поставщиками товаров и перевалочными пунктами, но и носителями уникальной хозяйственной культуры" [4, л. 79]. Другая группа сибирских кооператоров выступала только за "чистые" (т.е. потребительские) кооперативные союзы [4, л. 67]. Спор между сторонниками "чистых" и смешанных кооперативных союзов был окончательно разрешен только в августе 1918 г. на Третьем Всесибирском кооперативном съезде, на котором было принято постановление о том, что "все действующие виды кооперативных объединений имеют полное основание на свое существование и дальнейшее развитие" [10, л. 57].

Среди непосредственных организаторов кооперативных союзов было большое число политических ссыльных, оказавшихся в Сибири после Первой русской революции. Кооперативные союзы в Енисейской и Томской губерниях были созданы почти всецело под влиянием ссыльных. Один из журналистов столичного кооперативного журнала писал: "Не будет преувеличением, если скажу, что в местах ссылки они (ссыльные. – Н.П.) первые являются инициаторами, организаторами кооперативов. Не состоя членами, все же они руководили их деятельностью, направляя ее по пути наиболее правильного развития, подготавливая кооперативных работников из местного населения, [...] ссылка дает лучший контингент работников, при этом людей идейных, интеллигентных, что особенно ценно в жизни деревенской кооперации" [15, с. 388–389].

У истоков ряда кооперативных союзов стояли различные государственные чиновники – правительственные

Артельное маслоделие Вологодской губернии.

агрономы и инструкторы по маслоделению, инспекторы управления по делам мелкого кредита Государственного банка. Например, в 1916 г. правление Благовещенского общества потребителей "Союз" совместно с амурской инспекцией по делам мелкого кредита организовали сельскохозяйственный съезд, на котором был образован кооперативный союз "Амурский кооператор" [8, л. 14]. Инициатором создания Сравагородского кооперативного союза "Кулундинский кооператор" в 1917 г. был государственный инструктор по полеводству Н.И. Стародубцев [8, л. 1], а фактическим создателем Акмолинского союза кооперативов был уездный инспектор мелкого кредита О.В. Толстиков [9, л. 56]. В 1917 г. войсковой агроном Пресногорьковской станицы Петропавловского уезда Акмолинской области совместно с руководством Пересногорьковского потребительского общества учредили потребительский союз кооперативов [6, л. 39].

Процесс образования кооперативных союзов был значительно ускорен Первой мировой войной. Если в 1913 г. действовал один кооперативный союз, в 1914 г. – два, то уже в 1915 г. – восемь, в 1916 г. – 21, в 1917 г. – 42, в 1918 г. – 54, а в 1919 г. – 52 [20, с. 18]. Увеличению числа кооперативных союзов способствовал кооперативный закон, принятый в марте 1917 г. Временным правительством. Стали формироваться так называемые "карликовые союзы", или мелкорайонные кооперативные объединения, в состав которых входило не более трех десятков потребительских обществ. В итоге к 1919 г. в Акмолинской области и Томской губернии функционировало по 10 кооперативных союзов, в Алтайской и Тобольской губерниях – по девять, в Забайкальской области – пять, в Семипалатинской области – три и по два кооперативных объединения работали в Енисейской и Иркутской губерниях, а также в Приморской и Якутской областях [18, с. 126]. Все это порождало неизбежную борьбу кооперативных союзов между собой за простого потребителя.

Сопоставляя число всех низовых кооперативов с числом кооперативов, объединенных в кооперативные союзы, можно увидеть следующую картину: в 1913 г. Мариинский кооперативный союз объединял всего 9,7 % всех сибирских потребительских обществ, в 1914 г. кооперативные союзы объединяли уже 20,0 % кооперативов, в 1915 г. – 27,5 %, 1916 г. – 58,0, в 1917 г. – 90,1, 1918 г. – 93,9 и в 1919 г. – 96,5 % [18, с. 126; 20, с. 18]. Таким образом, в 1917–1919 гг. в кооперативные союзы входили почти все сибирские низовые потребительские кооперативы. Но дело еще осложнялось и тем, что низовые потребительские общества для получения товаров входили в несколько кооперативных союзов. Правда, руководство союзов всегда пресекало подобную практику, ссылаясь на то, что "многочленство" является признаком несознательности масс. Выход виделся в усилении централизации кооперативных союзов. В 1918 г. в коо-

перативной прессе развилась агитация за замену мелкорайонных кооперативных союзов едиными многолапочными обществом [17, с. 84]. В 1919 г. наиболее мощные в экономическом плане кооперативные союзы предложили сконцентрировать кооперативный капитал путем слияния кооперативных союзов в общегубернские и общеобластные кооперативные объединения. Впервые с такой инициативой выступило правление "Томского кооператора" в начале 1919 г., заявив о необходимости объединить все кооперативные союзы губернии в единый кооперативный союз [14, с. 31]. Правление Забайкальского областного предложило создать единый кооперативный союз Восточной Сибири [2, с. 36]. В планах кооператоров было объединение кооперативных союзов Алтайской и Енисейской губерний, Семипалатинской области [4, л. 154].

Рост числа кооперативных союзов привел к увеличению различных управленческих и посреднических структур. Руководство Алтайского кооперативного союза справедливо отмечало: "Наша слабость заключается в том, что мы насадили слишком много кооперативных посредников" [2, с. 9]. Система кооперативного строительства в Сибири включала пять ступеней: на нижней ступени располагались общества потребителей, вторая ступень была представлена мелкорайонными кооперативными объединениями, третья ступень – крупнорайонные объединения, четвертая – общесибирское кооперативный союз, которым стал созданный в 1916 г. Союз сибирских кооперативных союзов (Закупсбыт), и, наконец, на вершине располагалось Всероссийский кооперативный союз – Московский союз потребительских обществ, переименованный в 1917 г. в Центросоюз. Каждая из ступеней являлась торговым посредником, через которого проходили товары, прежде чем дойти до потребителя, что в итоге приводило к удорожанию товара для конечного пользователя на 70–80 % [2, с. 9].

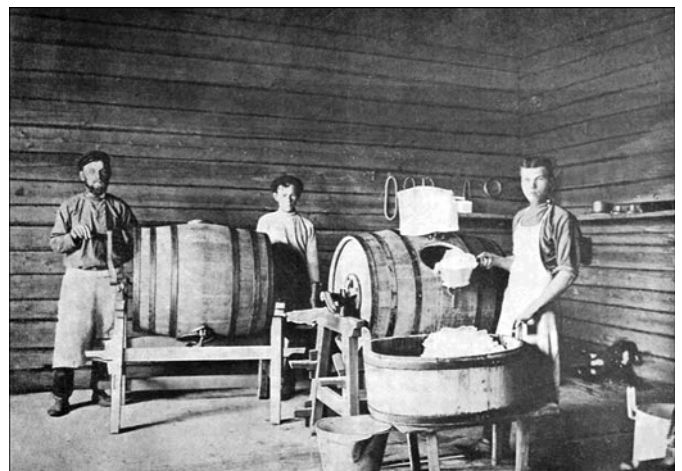
Всеобщий дефицит и товарный голод привели к наплыву населения в потребительские кооперативы. Пайщиками потребительской кооперации вместе с членами семей являлись почти 5,5 млн чел., или почти половина населения Сибири. Совокупный баланс в кооперативных союзах в эти же годы достиг фантастических показателей. Если в 1915 г. средний баланс в кооперативном союзе составлял около 74,4 тыс. руб., то в 1916 г. – 138,5 тыс., в 1917 г. – 288,3 тыс., в 1918 г. – 252,6 тыс., а в 1919 г. – 279,8 тыс. руб. [18, с. 141]. Но при этом, несмотря на стремительное увеличение числа пайщиков, рост собственных капиталов, включая основной для любого кооператива капитал – паевой, уменьшился по отношению к совокупному балансу. Если в 1914 г. у двух кооперативных союзов собственные капиталы составляли 20,2 % от совокупного баланса, то в 1916 г. это соотношение упало до 8,3 %, в 1917 г. – до 3,2 %, в 1918 г. – выросло до 5,3 %, а в 1919 г. – даже до 8,7 % [18, с. 138];

20, с. 28]. Кооперативные союзы существовали исключительно за счет банковских кредитов. Такое положение вещей противоречило так называемым рочдельским принципам, на которых базировалась потребительская кооперация. Согласно одному из ключевых рочдельских принципов любой кооператив мог осуществлять деятельность только за счет собственных капиталов. Однако подобная ревизия основ потребительской кооперации позволила сибирским кооперативным союзам привлечь дополнительные финансовые источники и шире развернуть торговую деятельность.

Совокупный торговый оборот всех кооперативных союзов в 1914 г. составил 397 тыс. руб., в 1915 г. – 3,6 млн, в 1916 г. – 18,5 млн, в 1917 г. – 140,0 млн, в 1918 г. – 392,9 млн и в 1919 г. – 385,3 млн руб. [18, с. 148–149; 20, с. 16]. При этом в 1915 г. товарооборот сибирских кооперативных союзов составлял 24,5 % от товарооборота крупнейшего российского кооперативного союза – Московского союза потребительских обществ, в 1916 г. – 26,2 %; в 1917 г. – 67,4 % от товарооборота Центросоюза, а в 1918 г. этот показатель упал до 48,0 % из-за начала боевых действий в ходе Гражданской войны и фактического разрыва экономических отношений между Сибирью и Европейской Россией [20, с. 15].

Сибирские кооперативные союзы совмещали в себе интегрирующие функции, одновременно снабжая население товарами и занимаясь сбытом продукции сельского хозяйства и промышленной деятельности. В среднем один кооперативный союз делал следующий оборот по продаже товаров: в 1914 г. – 132,6 тыс. руб., в 1915 г. – 583,4 тыс., в 1916 г. – 814,8 тыс., в 1917 г. – 4,1 млн руб., в 1918 г. – 12,6 млн, в 1919 г. – 57,6 млн руб. [18, с. 148].

Обороты по сбыту в среднем на один кооперативный союз составляли: в 1915 г. – 385,7 тыс. руб., в 1916 г. – 583,3 тыс., в 1917 г. – 1,6 млн руб., в 1918 г. – 1,8 млн, в 1919 г. – 6,5 млн руб. [18, с. 149]. Приведенные данные

Артельное маслоделие Вологодской губернии.

спорны и весьма относительны, особенно при учете низкой покупательной способности рубля в годы революции и Гражданской войны. Исследователь В.Н. Махов считает, что обороты по продаже товаров у кооперативных союзов росли до 1919 г., а затем снизились из-за военных действий. Обороты по сбыту достигли максимума в 1917 г., а затем начали снижаться из-за сокращения поставок для нужд армии. Только в 1919 г. процесс уменьшения сбыта приостановился в связи с увеличением экспорта сибирской продукции в страны Юго-Восточной Азии и САСШ [18, с. 149–150].

Кооперативные союзы активно занимались производственной деятельностью. Собственная промышленность у сибирских потребительских союзов появились только в годы войны. Пионерами в этом направлении хозяйственной деятельности были Мариинский кооперативный союз, купивший в 1915 г. завод фруктовых вод, и Забайкальский кооперативный союз, открывший в том же году сушено-пряничное производство. В 1916 г. уже три кооперативных союза имели шесть промышленных предприятий, в 1917 г. 13 кооперативных союзов располагали 39 производственными объектами, в 1918 г. у 26 кооперативных союзов было 58 фабрик и заводов и в 1919 г. у 32 потребительских кооперативных союзов насчитывалось 139 предприятий. Правда, к середине 1919 г. ряд производств закрылся и общее число сократилось до 92 [3, л. 121–123]. Почти половина всех кооперативных предприятий занималась обработкой животных продуктов. Большая часть этих заводов была занята выделкой кож, варкой мыла, изготовлением валяной обуви и кошм. Обработкой растительных продуктов было занято 30 предприятий. Ведущую роль среди них играли мукомольные фабрики, веревочно-шпагатные и деревообрабатывающие заводы. Менее были распространены маслобойное, дрожжевое производства и сухая перегонка (пиролиз) древесины. Большая часть промышленных предприятий, связанных с обработкой металлов, являлась преимущественно ремонтными мастерскими, в которых наряду с ремонтом сельхозинвентаря изготавливали жестяную посуду, скобяные изделия, плотницкий инвентарь. Кроме того, 17 кооперативных союзов имели типографии, четыре – кирпичные заводы, по одному объединению располагали шапочными, ткацкими и чулочными мастерскими, заводом фруктовых вод, пряничным производством и предприятием по соледобыче.

Формирование промышленной базы происходило стихийно, без учета долгосрочных вложений и модернизации оборудования. Большая часть производственных объектов была скуплена в первой половине 1918 г., когда частные предприниматели под давлением политических обстоятельств почти за бесценок расставались со своими фабриками и заводами. Уже в 1919 г. многие кооперативные союзы столкнулись с недостатком сырья, топлива, отсутствием необходимого оборудования и ре-

монта износившихся частей. Все это имело отрицательные последствия для производственной деятельности. Валовая прибыль от промышленных операций составила в 1916 г. 0,016 %, в 1917 г. – 3,94, в 1918 г. – 2,06, в 1919 г. – 1,43 % [18, с. 148–149, 154].

После установления советской власти в Сибири в конце 1919 г. вся потребительская кооперация на основании декрета от 20 марта 1919 г. превратилась в аппарат по распределению в деревне промышленных товаров, продуктов питания и сырья, поступавшего по подразверстке от государственных заготовительных органов. Вместо многообразных по формам и видам деятельности кооперативов в каждом населенном пункте было создано единое потребительское общество (ЕПО). К концу 1920 г. в Сибири было образовано 3146 ЕПО с 6316 лавками. Кооперативные союзы были ликвидированы, а вместо них созданы губернские союзы (губсоюзы) в соответствии с административным устройством Сибири. Вместо 52 кооперативных союзов стали действовать только 16 губсоюзов [18, с. 133].

Формирование потребительских кооперативных союзов пришлось на годы Первой мировой войны, когда в кооперативы устремились наиболее социально незащищенные слои населения, искавшие здесь защиту от растущей дороговизны, бушующей спекуляции и повального бестоварья. Главную роль в организации кооперативных союзов сыграли городские и рабочие потребительские общества, ставшие центрами притяжения сельских низовых кооперативов. Казалось, что благодаря кооперативным союзам можно было разрешить ключевые проблемы, возникшие в годы войны: горожанам дать дефицитные хлеб, масло, мясо, а крестьянам – столь необходимые в деревне промышленные товары.

Однако кооперативные союзы лишь породили противоречия в сибирской потребительской кооперации. Несмотря на то, что операции с сельскими кооперативами давали необходимый приток средств и возможность закупать из первых рук продукты сельского хозяйства, в целом такое посредничество привело городских и рабочих кооперативы на грань финансового кризиса. Расходы по содержанию штата служащих кооперативных союзов, аренда складских помещений – все это было возложено на плечи городских кооперативов, которые исполняли роль союзных центров. Но самое главное, что характер товарных закупок не отвечал потребностям крестьянского хозяйства. Сельские кооперативы жаловались, что кооперативные союзы очень мало закупали товаров для деревни, тратя львиную долю финансов на продовольствие для горожан. Перманентные конфликты внутри кооперативных союзов привели к тому, что к середине 1916 г. значительная часть городских кооперативов, некогда инициировавших объединение с сельскими потребительскими обществами, прервали свое членство в потре-

бительских кооперативных союзах.

Но это никак не отразилось на численности кооперативных союзов. Более того, усиление экономического кризиса и тотальный дефицит товаров способствовали увеличению в Сибири кооперированного населения и, как следствие, росту числа кооперативных союзов. Организаторами потребительских союзов были маслодельные артели, кредитные товарищества, государственные учреждения и общественные организации. Большую роль в становлении кооперативных союзов сыграли политические ссыльные и государственные чиновники. Сибирские потребительские кооперативные союзы достигли главного – в течение нескольких лет они объединили миллионы людей, ранее не имевших никакого отношения к кооперации.

Но при этом кооперативные союзы вобрали в себя все существовавшие в обществе социально-экономические противоречия. Это привело к вырождению кооперативных принципов, базовых установок, которые отличали кооперацию от частного капитала. Чтобы хоть как-то утолить товарный голод населения, кооперативные союзы

стали активно прибегать к банковскому кредиту, сбывали сельскохозяйственную продукцию и пушнину в Китай, Северную Америку, Японию, приобретая за рубежом на вырученные деньги промышленные товары. Многие кооперативные союзы в годы войны покупали или арендовали фабрики и заводы, тем самым активно включаясь в процесс промышленной переработки сибирских животных и растительных продуктов.

Вместе с тем рост числа кооперативных союзов сопровождался нарастанием противоречий кооперативной бюрократической верхушки и массы рядовых членов. На фоне претензий на всеохватность и особое положение кооперации в хозяйственной системе Сибири реальный экономический потенциал кооперативных союзов стремительно таял. Кооперативные союзы уже не могли в полном объеме удовлетворить запросы многомиллионного крестьянства. К концу 1919 г. некогда массовая организация потеряла народную поддержку, поэтому советская власть сравнительно легко превратила независимые кооперативные союзы в государственные распределительные аппараты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтайский кооператор (Барнаул). 1919. № 3–4.
2. Алтайский кооператор (Барнаул). 1919. № 10–12.
3. Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. Д–51. Оп. 1. Д. 247.
4. ГАНО. Ф. Д–51. Оп. 1. Д. 267.
5. ГАНО. Ф. Д–51. Оп. 1. Д. 484.
6. ГАНО. Ф. Д–51. Оп. 1. Д. 600.
7. ГАНО. Ф. Д–51. Оп. 1. Д. 601.
8. ГАНО. Ф. Д–51. Оп. 1. Д. 602.
9. ГАНО. Ф. Д–51. Оп. 1. Д. 603.
10. ГАНО. Ф. Д–51. Оп. 1. Д. 716.
11. Журнал второго очередного совещания членов Комиссии сибирских кооперативов по закупкам и сбыту при Новониколаевском отделении Московского народного банка 14–16 августа 1916 года. Барнаул, б.г. 64 с.
12. Запороженко Г.М. Город и деревня в кооперативном союзном строительстве Сибири в начале XX в. // Сибирская деревня: проблемы истории: сб. науч. трудов. Новосибирск: Новосиб. гос. ун–т, 2004. С. 85–95.
13. Запороженко Г.М. Городская и рабочая потребительская кооперация Сибири. Новосибирск: Сибпринт, 2004. 259 с.
14. Известия Горсоюза (Бийск). 1919. № 1.
15. Кооперативное слово (Москва). 1916. № 8.
16. Корелин А.П. Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М.: Росспэн, 2009. 391 с.
17. Ловцов И.А. О строительстве городской и рабочей потребительской кооперации в Сибири // Сибирская кооперация (Новониколаевск). 1919. № 1.
18. Махов В.Н. Потребительская кооперация в Сибири в процессе ее развития (1898–1920 гг.). Новониколаевск: Сиб. отд. Центросоюза, 1923. 241.
19. Николаев А.А. Основные виды кооперации в России: историко-теоретический очерк. Новосибирск: Б.и., 2007. 279 с.
20. Огановский Н.П. Закупсбыт и союзы. Новониколаевск: Б.и., 1919. 58 с.
21. Пивоваров Н.Ю., Рынков В.М. Сибирская кооперация в системе властных отношений в эпоху войн и революций 1914–1920 гг. // Власть и общество в Сибири в XX веке: сб. науч. тр. Новосибирск: Параллель, 2012. Вып. 3. С. 35–58.

РОЛЬ СИБИРСКОЙ КООПЕРАЦИИ В ЗАГотовКАХ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

* Работа выполнена при поддержке РФНФ, проект № 12-01-00105а.

THE ROLE OF SIBERIAN COOPERATION IN PROVISION PROCUREMENTS DURING THE WORLD WAR I

V. Ryukov

Annotation

The article analyzes forms, methods and scales of food procurements of Siberian cooperation during the World War I. The author draws the main attention to procuring work of the state in the butter and grain Siberian markets. Contradictions of state monopoly establishing on butter procurements, reasons of purveyors and manufacturer's' disaffection are shown and the conclusion about stimulant influence of bread procurement on setting up of cooperative union building is proved. Established scheme of credit financing of bread procurements and supply of large bread procurements with materials was focused on prior support of credit unions. The conclusion about connection between the state and cooperative unions is of key value.

Keywords: Cooperation, agriculture, Siberia, provision procurement, market.

Рынков Вадим Маркович
К.и.н., ст. научный сотрудник,
Институт истории СО РАН

Аннотация

В статье анализируются формы, методы и масштабы продовольственных заготовок сибирской кооперации в годы Первой мировой войны. Основное внимание автор уделит заготовительной работе государства на масляном и зерновом рынках Сибири. Им показаны противоречия становления государственной монополии на заготовки масла, причины недовольства частных заготовителей и производителей, а также обоснован вывод о стимулирующем влиянии заготовок хлеба на развитие кооперативного союзного строительства. Сложившаяся схема кредитования хлебных заготовок и снабжения крупных хлебозаготовителей материалами была ориентирована на первоочередную поддержку кредитных союзов. Ключевое значение имеет вывод о тесной связи государства и кооперативных союзов.

Ключевые слова:

Кооперация, сельское хозяйство, Сибирь, продовольственные заготовки, рынок.

Вступление России в Великую войну поставило перед государством задачи совершенно невиданного масштаба. Мобилизация в армию более чем десяти миллионов человек, перевод части промышленности на производство вооружения и боеприпасов оторвала этих людей от созидательного труда. Необходимость снабжать громадную массу населения продовольствием, одеждой и обувью, другими предметами повседневного обихода заставила буквально на ходу заниматься реорганизацией заготовительного аппарата и принимать беспрецедентные меры по стимулированию производства. Эти обстоятельства вызвали к жизни ряд структур – государственных и общественных, объединявших производителей продукции или координировавших их работу.

Кооперация очень удачно выстроилась в новые реалии. Она и раньше являлась институтом, объединявшим массы производителей и потребителей, в своей деятельности провозглашала приоритет некоммерческих целей. Поэтому царские чиновники, всегда с опаской относившиеся к активистам кооперативного движения, подзревая в них политический оппозиционер, в условиях войны сделали ставку на экономическое сотрудничест-

во с кооперативными организациями.

Первоначально основные усилия государство направляло на заготовку продовольствия в прифронтовых районах европейской части России. Лишь когда стало понятно, что война приняла затяжной характер, осенью 1915 г. правительство пошло на системную заготовку продовольствия в Сибири. Существенным исключением являлись заготовки масла, в отношении которых государство изначально сделало упор на сибирский рынок.

Настоящая статья призвана определить масштаб участия кооперации в заготовках продовольствия в Сибири, методы, которыми они проводились, характер ее взаимодействия с государственным аппаратом и частными торговыми организациями, влияние продовольственных заготовок на динамику соотношения государственного, кооперативного и частнокапиталистического уклада в сибирской экономике.

Государственный аппарат обеспечил организационный каркас для проведения поставок продуктов питания для армии и милитаризованной экономики. С лета 1914 г. продовольственные заготовки призваны были осуществлять специальные уполномоченные Главного управления земледелия и землеустройства (с 1915 г. –

уполномоченные министерства земледелия). Таких уполномоченных назначили как в отдельных сибирских губерниях, так и в масштабах всего сибирского субрегиона. Уполномоченным по заготовке хлеба в Западной Сибири был назначен управляющий сельскохозяйственными складами в Омске Н.Ф. фон Штейн, уполномоченным по заготовкам масла для нужд армии в Сибири – С.М. Кочергин. Довольно быстро правительственные агенты оказались втянуты в жесткую конкуренцию между частными заготовителями и кооперативами, но предпочли не сложную игру на рынке, а жесткое государственное вмешательство и свертывание свободной торговли.

Особенно характерной в этом отношении стала деятельность Кочергина. Летом 1914 г. на масляном рынке возник ажиотаж. В связи с тем, что война грозила обрывом связей с Европой и сокращением заготовок масла, заготовители резко снизили цены и стали скупать масло по дешевке. При этом они вели себя так, будто закупают его себе в убыток из милости к производителям, не рассчитывая его сбыть. Такое поведение уронило цены на 54–66% от прошлогодних.

В сентябре, когда на рынок вышли государственные заготовители, положение стало меняться. Спрос усилился и цена пошла на повышение. Главная причина перелома кризисной ситуации крылась в особой связи, установившейся между представителями государства и кооперацией. В конце августа С.М. Кочергин заключил договор с Союзом сибирских маслodelьных артелей (ССМА), на основании которого союз стал скупать масло как единственный контрагент казны. Причем он мог производить закупки не только у членов союза, но и у частных производителей. Цена скупки была установлена в 12 руб. 20 коп., в то время как на рынке стояла цена в 10 руб. 40 коп.

Началась жесткая и неравная борьба за производителя. Частники резко взвинтили цены до 12 руб. за пуд, рассчитывая скупить как можно больше масла. Узнав о договоре Кочергина с ССМА, условия которого, кстати, являлись коммерческой тайной, маслоторговцы из Омского биржевого комитета предложили уполномоченному ежедневно предоставлять для осмотра все закупаемое на бирже масло. Любую партию уполномоченный мог купить по себестоимости без всякой комиссии. При этом товар готовился к отправке в армию совершенно бесплатно. "Экспортные конторы предоставляют Главному управлению земледелия и землеустройства свой опыт, знание дела на местном рынке, избавляя тем самым от труда покупки масла на базаре и на пристанях" [7, л. 45–46]. Такой экстравагантный ход позволял торговцам отвести от себя обвинения в недостатке патриотизма и не уступить контроль над рынком.

Конфликт финансовых интересов на масляном рынке вскоре получил продолжение. Чтобы окупить свои операции, связанные с целенаправленным повышением рыночных цен, как ССМА, так и частные кампани стали предлагать государству партии масла старой закупки по текущим рыночным ценам. Такая операция, внешне вполне оправданная, позволяла получить прибыль, необходимую для нового витка конкурентной борьбы. ССМА

спокойно сбыл государству свои летние заготовки, нажив по 1–2 рубля на каждом пуде [7, л. 77]. Но аналогичные устремления частников были расценены как посягательство на государственные интересы и попытка извлечения сверхприбыли. 21 октября 1914 г. последовало решение о реквизиции масла у частных заготовителей, осуществленное в следующие несколько недель в Омске – крупнейшем в Сибири оптовом центре скупки масла. Причем в первую очередь реквизиции подверглось именно то масло, которое торговцы закупили в августе–сентябре по низким ценам. Реквизиция затронула 24 частные фирмы и проводилась по заготовительным ценам с прибавкой только 10–20 коп. в качестве прибыли. Реквизиционные комиссии отказались учитывать в себестоимости масла банковские залоги и страховку, которые составляли обычно 8% от заготовительной цены, расходы на транспортировку и хранение масла [5, л. 103, 168, 184]. Заготовители в результате этой операции понесли огромные убытки.

Чтобы блокировать нелегальные пути сбыта масла за пределы региона, всем заготовителям была воспрещена его погрузка в вагоны и вывоз за пределы Сибири. Принятое ранее к погрузке масло тоже объявили реквизиционным. Причем весь изъятый товар лишь передавался в ведение государства, но физически никуда не перемещался. Его опечатали и оставили на хранение в тех же складах и пакгаузах, где оно находилось ранее под ответственность его бывших хозяев. За хранение масла прибавляли 30 коп. за пуд к его реквизиционной цене [6, л. 181; 8, л. 11].

В Омске реквизиционная комиссия опечатала 800 тыс. пуд. сливочного масла, причем как соленое, так и скоропортящееся сладкое. В течение месяца государственные уполномоченные не приняли ни одного бочонка масла. Запасы масла экспортных контор лежали в подвалах и портились, а это значит, что мертвым грузом лежал и оборотный капитал, предприятия разорялись. Лишившись средств, частные конторы недозаготовили в сезоне 1914/1915 г. около 2 млн пуд. масла. Искусственное устранение с рынка конкурировавших с кооперацией заготовителей вызвало его дефицит [7, л. 74–74об]. Но все сигналы биржевиков игнорировались в правительственном аппарате. В свою очередь, С.М. Кочергин был решительно настроен на изъятие с рынка всего частного масла [7, л. 100, 103, 309].

Действиями ССМА были недовольны не только частные торговцы, но и производители масла, как за пределами союза, так и внутри него. Хорошо было известно, что, добившись от государства права на монопольную скупку масла, правление ССМА установило дискриминационную цену. Несоюзные молокоздатчики и маслodelы сдавали товар в союз по цене более низкой, чем союзные. Материалы для производства масла при этом отпускались не членам союза на 20–30% дороже. По сути дела, ССМА вел целенаправленный курс на разорение несоюзных маслodelов или вынуждал их вступить в союз.

Как отмечали критики, ССМА успевал еще и спекули-

ровать мас-лом внутри Сибири, продавая его местным розничным торговцам опто-выми партиями по 18–20 руб. [7, л. 156; 23, с. 95]. Осудив в начале вой-ны частных маслоторговцев за склонность к спекуляции, ССМА сам занялся ею. При этом кооперативные функционеры нарушали интересы городских обывателей Сибири, но делали это не в пользу крестьян, что их отчасти могло бы оправдать в глазах общественности, а в интересах управленческого аппарата союза. Дополнительные торговые надбавки не отражались на закупочных ценах. Получалось, что после введения монополии на масло не кооператоры, а частные торговцы в большей степени лоббировали интересы сельских маслоделов.

Но позиции производителей масла не были столь однозначны и прямолинейны. Как утверждали представители кооперированного крестьянства, до начала государственных заготовок маслоделие находилось в критическом состоянии. Частные скупщики душили производителя низкими ценами. Государство, заключив договор с ССМА, спасло мас-лоделов, внося в их жизнь элемент стабильности. Теперь они получили уверенность в сбыте своей продукции [8, л. 16–16 об., 18–20, 22–26, 47–47 об., 52–52 об., 55–55 об.]. Получалось, что государство, связав закупки масла с монопольным посредничеством ССМА, спасло отрасль от разорения ее спекулянтами, по крайней мере, в первое время. Положительную роль сыграло изменение порядка приемки масла. Уполномоченные по заготовкам предписали делить его на сорта, которые оплачивались по разной цене. Это заставляло следить за качеством, чего раньше не наблюдалось. Наконец, с первых месяцев войны стала вводиться новая форма заготовок, предусматривавшая своеобразные фьючерсные контракты в виде ссуд Государственного банка производителям под залог масла через ССМА.

Введение масляной монополии через посредство союза позволило сохранить объемы производства масла примерно на довоенном уровне. Но при этом происходило перераспределение рынка. Численность кооперативных артелей росла, как и доля масла, закупавшегося союзом у сибирских крестьян. Очевидно, что в интересах производителей масла, да и всей отрасли в целом было сочетание монополии и конкуренции на рынке. Ведущий скупщик вносил стабильность на рынок, но в то же время нельзя было устранять и конкурировавшие с ним структуры, присутствие которых заставляло монополиста учитывать материальные интересы производителей и заботиться о рентабельном производстве.

Крупнейший кооперативный союз Сибири взял курс на устранение конкуренции на рынке масла, причем руками государства. Но государство при этом получило возможность сдерживать рост цен, создавая ценную диспропорцию. Так, если до войны, в 1913 г., крестьяне получали в среднем 42% прибыли от переработки молока в масло, в 1916 г. – только 8% [12, с. 7]. Более того, оказавшись в положении монополиста, ССМА проводил политику дискриминации и собственных артелей. За масло, сданное союзными артелями, выплачивалось сразу 82–88% от закупочной стоимости молока в качестве

аванса. Остальное следовало после оплаты продукции государством, то есть через несколько месяцев. Товары в артельные лавки союза покупались часто у ближайших частных торговцев, поэтому они оказывались дороже, чем на свободном рынке.

Крупнейший в Сибири союз раздирали внутренние противоречия. Внутрикооперативная дискуссия велась не только в кооперативных кругах, но и через прессу стала достоянием широкой общественности. С весны 1915 г. работавшая целый год ревизионная комиссия пришла к не очень утешительным выводам. В частности, она указала на неоправданно высокие надбавки на цену масла для розничных торговцев, накрутку на розничные товары в 10–16% вместо положенных 5–6 [23, с. 95]. К этому времени недовольство союзным начальством стало массовым. Из союза вышли 60% артелей. Часть из них, находившаяся на Алтае, образозвала Алтайский союз кооперативов.

Скандал внутри ССМА заставил внести корректировку и в государственную политику. В 1916 г. условия на рынке поменялись в сторону создания большей конкуренции. Для Уполномоченного Министерством земледелия по заготовкам масла в Сибири С.М. Кочергина заготовляли масло восемь организаций: ССМА, Приуральский союз маслодельных артелей, Касса мелкого кредита Камышловского уездного земства, Шадринский союз кредитных товариществ, Коммерческий отдел при омском отделе Московского общества сельского хозяйства и другие [9, л. 7]. Но материальная база маслоделия была подорвана, в 1916 г. производство масла сократилось на 37%, хотя кооперативные заготовки продолжали увеличиваться [19, с. 11].

Несмотря на избыток хлеба в Сибири, Главное управление землеустройства и земледелия старалось производить его закупки в европейской части страны, ближе к фронту. Но общий вывоз хлеба из региона был значительно больше, чем до войны. Сибирь выступила важнейшим поставщиком этого ключевого для российской экономики продукта не столько для армии, сколько для населения европейской части страны. Особенностью военного времени стала скупка в Сибири овса и сена для создания фуражных запасов в армии. До войны их товарность была не-высока. Теперь многие хозяйства переориентировались на выращивание неприхотливого и находящегося регулярный сбыт овса на продажу и сено-кошение. Сено было в изобилии в Тобольской и Томской губерниях, ставших наиболее активными его поставщиками для армии. В 1914 г. сибирские кооперативы сдали уполномоченному по заготовкам 1 млн 800 тыс. пуд. сена, что составило 18% от общероссийских кооперативных заготовок, хотя и оставалось ничтожно малой долей (менее 1%) от общего количества его поставок в армию [16, с. 45–49]. В 1915 г. ССМА даже провел кампанию по организации особых сенных товариществ, специально создававшихся для выполнения контракта по сдаче сена в казну. Впрочем, и дальше этот вид поставок не получил развития. Всего за годы войны было поставлено из Сибири 8 млн пуд. прессованного сена, а в 1916 г. фуражные за-

готовки решили свернуть, опасаясь, что они сократят кормовую базу в районах маслоделания [15, с. 99–100].

Н.Ф. фон Штейн ориентировал свою работу прежде всего на со–трудничество с кооперативными организациями, причем выбор этот был сделан буквально в первые недели войны. 24 августа 1914 г. Уполномо–ченный заключил договор с ССМА на поставку для армии в течение осени 1 млн пуд. овса, выплатив авансом 100 тыс. руб., или около 20% от стоимости [4, л. 3–4 об.]. 4 сентября 1914 г. он собрал в Омске сове–щание и передал кооперативам подряд на весь объем овса, необходимо–го казне (3 млн пуд.), и на 1,5 из 2 млн пудов ржаной муки [13, с. 16].

Наибольшую активность на хлебном рынке проявила кредитная кооперация, под влиянием войны постепенно трансформировавшаяся преимущественно в сельскохозяйственную. Ее финансово–денежная ра–бота отошла на второй план, а организация хлебозаготовок превратилась в основное направление. В первую "военную" осень многие кредитные товарищества попытались взять подряды на поставку хлеба для армии. Возникла ситуация чистой конкуренции. В борьбе за потребителя част–ные торговцы и кооперативы шли на повышение закупочных цен. От–слеживая шаги друг друга, обе стороны искали районы, не охваченные деятельностью конкурентов, использовали временные перерывы в рабо–те противоположной стороны, моментально реагируя временным снижением заготовительных цен. Но соревноваться с хорошо отлаженным частноторговым аппаратом кооперативам было сложно. Узким местом оказалось хранение заготовленных товаров. Успешная работа кооператива приводила к тому, что зерно приходилось складировать под откры–тым небом или договариваться о его хранении в амбарах крестьян–сдатчиков.

Заготовительная деятельность государства способствовала органи–зации крупных союзов кредитной кооперации. Они формировались, прежде всего, в районах, специализировавшихся на производстве товар–ного хлеба, брали на себя заготовку зерновых продуктов для казны, их сортировку, хранение, доставку до станций, пристаней, складов.

Характерна динамика событий в прилегавших к железной дороге местностях Томской губернии. Уже осенью 1914 г. прошла серия район–ных совещаний кредитных кооперативов в Болотном, Ояше, Мариинске. Поначалу речь шла только о том, чтобы консолидировать свои договоры с интендантством, выработать общую тактику поведения на рынке, со–гласовать ценовую политику, оптимально распределить ареал работы каждого товарищества. Но после первых месяцев встал вопрос о хране–нии [20; 21]. На 1915 г. уже наметили целую программу строительства кооперативных зернохранилищ: в Мошково – 100 тыс. пуд., в Ояше – 200 тыс., в Болотном, Чике, Коченево – по 300 тыс. пуд. [2]. Крупный кооперативный элеватор на 750 тыс. пуд. зерна к осени 1915 г. открылся на ст. Лебяжье Омской железной дороги [15, с. 102]. Затеявая такое стро–ительство, кооперативные союзы запрашивали государственную ссуду в размере 90% от

общей сметы [1, с. 17].

На таких совещаниях, проводившихся по всей Сибири, выкри–сталлизовывалась идея организации союзов. В 1915 г. были основаны Ялutorовский, Ишимский, Петропавловский и Мариинский кредитные союзы, в 1916 г. – Курганский, Семипалатинский, Черепановский, Ново–николаевский, Бийский и Славгородский кредитные союзы. Любой из таких союзов был более крупным и надежным партнером, чем частные контрагенты, и уполномоченные предпочитали заключать договоры именно с ними. Например, в Тобольской губернии два союза за 1914–1915 г. предоставили казне 770 тыс. пуд. овса, 26 тыс. пуд. ржи и 550 тыс. пуд. сена [26, с. 49–50], Мариинский союз заключил договор на по–ставку 500 тыс. пуд., в Новониколаевском районе 42 кредитных товарищества взяли подряд на 400 тыс. пуд. Хороший урожай позволил пре–взойти все первоначальные ожидания. Поэтому, например, кредитные кооперативы Ново–Николаевского района в действительности поставили 1,3 млн пуд. овса и 491 тыс. пуд. других зерновых продуктов [15, с. 100, 103; 20]. Другие кооперативные объединения также продавали государ–ству зерно и муку сверх контрактов.

Пример ССМА, который в условиях войны осуществлял поставки не только масла, но и широкого спектра продовольственных продуктов, подсказывал путь дальнейшей централизации и для других видов кооперации. В 1916 г. в Ново–Николаевске был основан Закупсбыт – сибир–ский союз потребительских союзов, создание которого позволяло замк–нуть в единой организационной структуре и заготовку сельскохозяйст–венной продукции, и обеспечение населения товарами. В 1917 г. в этом же городе образовался Сибирский союз кредитных союзов. Ключевым фактором его роста стало посредничество в заготовках.

Осуществление поставок породило сложные многосторонние взаимоотношения между кооперативами, сельскохозяйственными скла–дами, уполномоченными по заготовкам и финансовыми учреждениями. В частности, в расширении возможностей кредитных кооперативов огромную роль сыграли хлебозалоговые операции. Осень 1914 г. прошла под знаком популяризации этого нового для Сибири дела. Пресса убеж–дала использовать возможности залога и предупреждала против спешки в деле поставки хлеба.

Некооперированные производители получали залоги лишь на чет–верть стоимости хлеба, а отдельные крестьяне вообще не могли вступать в отношения с банком. Союз заключал контракт на поставку определен–ного количества хлеба и получал от банка аванс в размере 50% от его рыночной стоимости. Деньги распределялись между товариществами и дальше между крестьянами, принявшими на себя обязательства перед кооперативом, пропорционально количеству законтрактованного хлеба. Это позволило кооперативам не торопиться с его поставкой, а выжидать сезона повышения цен. Известно, что весенние цены на хлеб в Сибири поднимались на 30–50% против осенних, и взявшие залоговые ссуды имели возмож–

ность выждать до весны [11; 13, с. 16].

Но в первый заготовительный сезон залог хлеба не получил широкого распространения, и в условиях обильного урожая кооперативные организации, опасаясь не сбыть весь хлеб, спешно вывозили его на рынок дешево и мелкими партиями. Кроме того, рыночные цены на хлеб в первую осень войны упали, оставались нестабильными, поэтому сибирские отделения Государственного банка, выдававшие раньше для залога кредитным товариществам 2/3 от нормальной цены хлеба, осенью 1914 г. разрешали выдавать только половину. Суммы, зарезервированные банком для таких операций, оказались совершенно недостаточны. Во многих местах банковские залоги позволили покрыть лишь несколько процентов от всего объема товарного хлеба нового урожая [18, с. 12]. Но именно война привела к быстрому распространению банковского залога через кооперативы. В 1913 г. лишь 15% кредитных товариществ Томской губернии прибегали к хлебозалоговым операциям, в 1914 г. – 30%, в 1916 г. – почти все [24, с. 90]. За это время практически полностью исчез частный залог, а частные торговцы оказались вытеснены с рынка кооперативами.

Но в отличие от залога масла владелец хлеба оставался волен продавать на рынке и не был связан обязанностью сдавать его казне по твердым ценам. Из сибирского региона в заготовительный сезон 1914/1915 г. было вывезено 81 млн пуд. хлеба, причем интендантству удалось заготовить для армии 46 млн пуд. зерна, или 16% от общего в стране количества [10, с. 25]. Из них около 10 млн пуд. пришлось на поставки кооперативного сектора [22, с. 144], причем 4 млн поставил ССМА [14, с. 55]. В 1915 г. урожай в Сибири оказался плохим, ввоз упал до 53,6 млн пуд., причем он включал и нереализованные прошлогодние остатки. В 1916 г. было заготовлено 39 млн пуд.

С осени 1915 г. на рынках Сибири действовали параллельно уполномоченные Министерства земледелия и Особого совещания по продо-вольствию. И те, и другие работали через посредников, главным образом кооперацию и сельскохозяйственные общества, скупавшие хлеб и фураж у всех производителей. Частная заготовка хлеба сокращалась, а доля кооперативного сектора увеличивалась. Но точных данных, отражавших этот процесс, не выявлено ни одним исследователем. Поэтому степень преобладания кооперативных заготовок над частными определить не-возможно.

По условиям контрактов, приемка от производителей продукции должна была проходить в крупных конторах или пунктах кооперативных организаций в присутствии представителей от департамента земледелия. Широкое распространение получило создание при союзах специального штата хлебных инструкторов. К примеру, в Алтайском кредитном союзе их работало 14. Специалисты помогли наладить сортировку зерновых продуктов и их правильное хранение [15, с. 101; 25, с. 14], то есть продолжали на местах ту работу, которая возлагалась на правительственных уполномоченных по заготовкам и

работали в тесной связи с ними. В организации поставок хлеба через кооперативные товарищества активное участие принимали инспектора мелкого кредита. Данное обстоятельство указывает на быстрое складывание сети тесных личных взаимодействий кооперативных организаций и государственного заготовительного аппарата. Кроме того, различные ведомства предоставляли кооперативным союзам оборудование и инвентарь, необходимые для заготовок. В частности, департамент земледелия, заключая контракты на поставку сена, передавал им в пользование машины для прессовки сена, сельскохозяйственные склады предоставляли кредитным союзам мешки, кроме того, в пользование кооперативных союзов перешло около десятка крупных зернохранилищ, принадлежавших казне [6, л. 14].

Мясозаготовки являлись для Сибири третьим по значению направлением работы государственного заготовительного аппарата. Макрорегион имел огромные территориальные анклавы, связанные с кочевым скотоводством, а у сибирских земледельцев поголовье скота на душу населения превышало общероссийские показатели. Но на этом рынке сохранилось преобладание частных скотопромышленников. Кооперативные заготовки мяса оставались незначительными. Более того, несбалансированная ценовая и заготовительная политика государства привела к тому, что начиная с 1915 г. производство мяса стало выгоднее, чем мяса, даже в районах традиционно маслодельческих. Осенью этого года закупочные цены на мясо, в том числе и на говядину, были установлены выше рыночных, что не на шутку испугало сибирскую общественность, особенно связанных с маслоделием кооператоров. Они не без основания полагали, что это подтолкнет крестьян избавляться от молочного скота и стали требовать введения для Сибири пониженных закупочных цен на мясо [17, с. 93–95].

В отечественной историографии ведется немало дискуссий вокруг социально-классовой природы кооперативного движения. Если раньше принято было делить кооперацию на буржуазную и социалистическую, то в последнее время авторы все чаще стараются определять ее как элемент рыночных отношений и гражданского общества, более того, как мостик между мелким крестьянским хозяйством и крупнокапиталистическими предприятиями. Велись подобные дискуссии и среди сибирских кооператоров, все чаще в годы Первой мировой войны встречавшихся на кооперативных форумах разного уровня. Их споры более чем поучительны. Подавляющее большинство участников призывало полностью исключить частных торговцев с рынка как ненужных посредников между производителем сельскохозяйственной продукции и государством. Были и те, кто признавал необходимость взаимодействия кооперации и частного капитала, указывали, что они являются не антагонистами, а дополнением друг друга. Но весь вопрос в том, каким виделся характер этого сотрудничества. Оказывается, даже такие "примиренцы" считали, что там, где есть кооперативы, заготовка сельскохозяйственной продукции и сбыт товаров широкого потребления населению должен

целиком сосредоточиться в руках кооперации. "Привлечь частного нецелесообразно..." [3]. Но там, где их нет, на то время, пока они не будут созданы, чтобы не возник товарный вакуум, необходимо допустить к торговле-закупочной деятельности представителей торгового класса. Сотрудничество с "частным капиталом" признавалось мерой временной, допустимой в отдельных случаях на период перехода к всеобщему кооперированию населения. И даже эта позиция многим коллегам по кооперативной работе казалась неприемлемой уступкой спекулянтам.

В годы Первой мировой войны кооперация превратилась в ведущую силу на сельскохозяйственном рынке Сибири. Это стало возможно благодаря тесному взаимодействию с представителями государственного заготовительного аппарата, сделавшими ставку на сотрудничество с кооперацией как главным и наиболее выгодным контрагентом казны. На трех важнейших рынках продовольственных продуктов сложились разные формы ко-

оперативной работы. В маслodelии установилась государственная монополия на заготовку, аппаратом проведения которой стали кооперативные союзы. Это позволило снизить издержки на заготовку, но, прежде всего, за счет ущемления интересов производителей и рядовых сибирских потребителей. Такой прецедент являлся уникальным для России в целом и в то же время обозначил готовность государства отказаться от посредничества рынка, сделать ставку на выстраивание централизованной заготовительной системы, работавшую в интересах казны. На хлебном рынке в сложной конкурентной среде была выстроена схема финансовой поддержки производителей, сформировался разветвленный кооперативный заготовительный аппарат. Кооперативные союзы выступили предпочтительным, но не исключительным партнером государства, хотя и получили режим наибольшего благоприятствования. На мясном рынке сохранилась полностью конкурентная среда, в которой кооперативы были влиятельным, но далеко не доминировавшим игроком.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтайский крестьянин. 1916. № 8.
2. Алтайское дело. 1916. 3 янв.
3. Алтайское дело. 1916. 19 окт.
4. ГАОО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 210а.
5. ГАОО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 3.
6. ГАОО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 4.
7. ГАОО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 9а.
8. ГАОО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 22.
9. ГАОО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 43.
10. Еремин И.А. Западная Сибирь в период Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918 гг.): учеб. пособие. Барнаул: АлтГПА, 2010. 293 с.
11. Жизнь Алтая. 1915. 18 июня.
12. И.М. Твердые цены на масло // Алтайский крестьянин. Барнаул, 1917. № 4. С. 6–10.
13. О поставках хлеба в армию кредитными товариществами // Алтайский крестьянин. 1914. № 37. С. 14–16.
14. Орлов А. Кооперация в России накануне и во время войны. М.: Изд-во Тов-ва Кушнерова, 1915. 72 с.
15. Панова М.В. Сельская кооперация Западной Сибири в период первой мировой войны и революции (1914–1918 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. 320 с.
16. Протопопов Б.В. Сеноснабжение и война. М.; Л.: Государственное издательство, 1929. 192 с.
17. Рынков В.М. Государственное регулирование аграрного рынка Сибири в годы Первой мировой войны в оценках Омского сельскохозяйственного съезда // Исторический ежегодник 2007. Новосибирск: РИПЭЛ, 2007. С. 88–103.
18. С хлебом, но без денег // Алтайский крестьянин. 1914. № 37. С. 11–14.
19. Сведения о Союзе сибирских маслodelельных артелей с диаграммами /сост. Г.Я. Маляревский. Курган, 1918. 14 с. + 18 диагр.
20. Сибирская жизнь. 1914. 23 сент.
21. Сибирская жизнь. 1914. 12 нояб.
22. Сибирское сельское хозяйство. 1916. № 7.
23. Спекторский А. Общее собрание Союза сибирских маслodelельных артелей // Справочный листок по сельскому хозяйству и артельному маслodelию. (Курган). 1916. № 4. С. 94–104.
24. Суслина С.А. Региональный зерновой рынок Сибири в 1900–1917 гг. (по материалам Томской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2002. 200 с.
25. Хлебные инструкторы // Алтайский крестьянин. 1916. № 45. С. 14–15.
26. Шишкина С.Ю. Провинция и война: тобольская губерния в годы Первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917 г.). Тюмень: ТОГИРРО, 2006. 208 с.

СИБИРСКАЯ КООПЕРАЦИЯ НА ХЛЕБОЗАГОТОВИТЕЛЬНОМ РЫНКЕ В УСЛОВИЯХ НЭПА: БОРЬБА ЗА МОНОПОЛИЮ

SIBERIAN COOPERATION ON GRAIN MARKET IN THE CONDITIONS OF NEP: THE STRUGGLE FOR THE MONOPOLY

V. Ilyinykh

Annotation

In the article the author defines the place of the cooperation in the centralized storage of bread in Siberia in conditions of the NEP. It is concluded that by the end of the 1920s, co-operation took on preparing market position, close to monopoly. The organizational structure has acquired a strong central character. In turn all stages of the cooperative system from top to bottom were subordinated to the dictates of the party-state apparatus.

Keywords: Cooperation, grain market, harvesting, NEP, the peasantry, Siberia.

Ильиных Владимир Андреевич
Д.и.н., зав. сектором аграрной истории,
Институт истории
Сибирского отделения РАН

Аннотация

В статье определяется место кооперации в централизованных хлебозаготовках в Сибири в условиях нэпа. Автор приходит к выводу, что к концу 1920-х гг. кооперация заняла на заготовительном рынке положение, близкое к монопольному; ее организационная структура приобрела жесткий централизованный характер; при этом все ступени кооперативной системы сверху донизу подчинялись диктату партийно-государственного аппарата.

Ключевые слова:

Кооперация, хлебный рынок, заготовки, нэп, крестьянство, Сибирь.

Сибирская кооперация в начале XX века хлебной торговлей практически не занималась. Ситуация изменилась во время Первой мировой войны. Потребительские и кредитные кооперативы и их союзы, стремясь наладить снабжение своих городских членов ставшим дефицитным и постоянно дорожающим продовольствием, активно вышли на хлебный рынок. Заготовительная деятельность кооперации получила поддержку Царского правительства, поставившего ее в привилегированные по сравнению с частными скупщиками условия. К 1917 г. сибирская кооперация фактически монополизировала заготовки и распределение хлебопродуктов в регионе.

Во время революции и Гражданской войны ситуация на хлебном рынке несколько раз кардинально менялась [18, с. 83–94]. Временное правительство ввело государственную монополию на заготовку хлеба, передав ее осуществление в Сибири в руки местных кооперативных союзов. Колчаковское правительство демонополизировало рынок. Тем не менее кооперация, хотя и потеряла свое монопольное положение в сфере хлебозаготовок, но осталась самым крупным скупщиком зерна.

Установившие свою власть в регионе большевики ввели жесткую продовольственную монополию в форме безвозмездной разверстки и фактически национализировали кооперацию, превратив ее в часть государственного аппарата, отвечающего за распределение продо-

вольствия и других товаров народного потребления. Кредитная кооперация прекратила самостоятельное существование. Сельскохозяйственные кооперативы включались в состав единых потребительских обществ.

Весной 1921 г. советское руководство под давлением широкого крестьянского повстанческого движения приняло решение о переходе от продразверстки к продналогу. Государство теперь становилось собственником не всей произведенной сельхозпродукции, а только ее части, отчуждаемой в форме строго фиксированного натурального налога. Хлебопродуктов по первому продналогу в целом по стране предполагалось собрать примерно в половинном объеме от фактически собранной разверстки. Возместить разницу между потребностями государства и объемами получаемой по натуральному налогу продукции планировалось за счет ее приобретения у крестьян. При этом монополия на вненалоговые хлебозаготовки передавалась в руки потребительской кооперации. Рабочие кооперативы и государственные учреждения, нуждавшиеся, помимо получаемых через систему снабжения, в дополнительных объемах продовольствия, обязывались заключать договоры на его поставку с Центросоюзом или, с санкции последнего, с областными и губернскими потребительскими союзами.

Центросоюз также получил задание вести вненалоговые заготовки для государственных нужд. Его заготовительная программа разверстывалась по нижестоящим отделениям и союзам. В своей деятельности потреби-

тельская кооперация не была свободна и находилась под жестким контролем Наркомпрода и местных продкомов. Выполняя в первую очередь задание Центра, кооперация обязывалась вести заготовки исключительно путем прямого товарообмена по соотношению обменных эквивалентов (цен) 1:3, в соответствии с которыми закупочные цены на сельхозпродукцию должны были быть равными их довоенному уровню, а на промтовары – превосходить его в 3 раза [10, с. 16–18].

Монополия потребкооперации на централизованные вненалоговые заготовки показала свою полную несостоятельность. До 1 сентября 1921 г. Сибцентросоюзу удалось собрать 222 тыс. пудов хлебопродуктов, что составляло всего лишь 1,9% от полученного им задания [9, с. 29]. Основная причина подобного провала заключалась в нежелании крестьян обменивать излишки продукции, объемы которых были крайне невелики, по низким и не соответствующим рыночному уровню эквивалентам. Не удовлетворял крестьян ассортимент и качество предлагаемых к обмену промтоваров. Непосредственные товарообменные операции сопровождались необычайной волокитой. Для того чтобы сдать продукцию и получить за нее товар, крестьянин должен был обойти не менее четырех контор. Кроме того, крестьяне, имея запасы хлеба, образовавшиеся в результате утайки от продрозверстки, не желали их сдавать государству, опасаясь конфискации. А местные власти продолжали реквизировать у крестьян продукты, которые они могли вывезти на рынок.

Недостаток продовольствия, получаемого в централизованном порядке, вынудил власти пойти на частичную либерализацию рынка. В начале августа 1921 г. СНК разрешил потребительской кооперации, "где это возможно и выгодно", переходить к денежной форме обмена. В октябре все государственные учреждения и кооперативы получили право в случае невозможности заключения договоров с потребкооперацией или невыполнения таковых с ее стороны вести самостоятельные заготовки на вольном рынке или обращаться к другим контрагентам, в том числе ("в крайнем случае") и к частным лицам. Отменялся обязательный эквивалент 1:3, а заготовительные организации получили право устанавливать закупочные цены и обменные эквиваленты по соглашению с заказчиком, учитывая при этом среднерыночные цены соответствующих районов [20, ст. 403; 21, ст. 527; 22, ст. 576].

Избавив организации, нуждавшиеся в продовольствии, от необходимости заключения договоров с потребкооперацией, власти не освободили последнюю от обязательств перед государством. Сибцентросоюз получил "ударное задание" приобрести для продорганов 7 млн пудов хлебопродуктов [23, с. 13]. С тем чтобы создать условия для его выполнения, декретом СНК от 18 октября 1921 г. территории Алтайской и Омской губерний бронировались исключительно для заготовок потребсоюзов [22, ст. 574]. Несмотря на это, централизованные вненалоговые заготовки проходили неудовлетворительно. За-

готовительная программа Сибцентросоюза, в которую помимо государственного задания вошли его договорные обязательства с различными государственными и кооперативными учреждениями и организациями (2,5 млн пудов), к 1 января 1922 г. была реализована на 32% [8, ст. 71].

На слабый ход заготовок в первую очередь влияли особенности продналоговой кампании 1921/22 г. По Сибири в целом сумма первого продналога составляла примерно 58% к фактически выполненной продрозверстке. Однако в связи с падением сельскохозяйственного производства уровень обложения сибирского крестьянства не только не уменьшился, но даже несколько увеличился [9, с. 36]. Для обеспечения выполнения завышенного налогового задания во многих районах Сибири вводился запрет на хлебную торговлю. Исключение не составляли и районы, забронированные для заготовок потребкооперации.

Неудовлетворительно проходили вненалоговые заготовки потребкооперации и в районах, в которых они были официально разрешены. Кооперация, согласно договору, заключенному с Наркомпродом в начале ноября 1921 г., могла корректировать закупочные цены раз в месяц. Рыночные же цены на хлебопродукты росли едва ли не ежедневно, и уровень кооперативных цен постоянно от них отставал. Вследствие этого крестьяне либо стремились продать свои небольшие товарные излишки частникам, либо задерживали их реализацию в надежде на дальнейший рост цен.

Советское государство, не способное удовлетворить даже минимальные потребности населения голодающих регионов в продовольствии, с февраля 1922 г. было вынуждено пойти на достаточно радикальную демонаполизацию рынка. Снимались ограничения на свободу торговли, в том числе бронирование вышеуказанных губерний под вненалоговые заготовки потребкооперации. Разрешался свободный вывоз продовольствия из производящих районов. Право вести самостоятельные заготовки сельхозпродукции по свободным ценам получили промышленные предприятия, которые (за исключением оборонных заводов) были сняты с государственного продовольственного снабжения [10, с. 27].

Сразу же после разрешения свободной торговли в ранее закрытых районах туда устремилось множество самых разнообразных инорайонных государственных и кооперативных организаций и учреждений. Все они везли с собой деньги и имеющиеся у них запасы товаров с единственной целью – во что бы то ни стало и не останавливаясь ни перед какими ценами приобрести продовольствие для своих голодающих работников. В деревне излишки хлеба были практически исчерпаны. Цены на него росли с головокружительной быстротой.

Либерализация рынка отрицательно сказалась на заготовках сибирской потребительской кооперации, тем более, что способная дать оборотные средства рыночная реализация заготовленной продукции ей была запреще-

на вплоть до 20 апреля 1922 г. Весь закупленный хлеб следовало сдавать продорганам в счет выполнения "ударного" задания или рабочим кооперативам по договорам, заключенным до 1 февраля [19]. В итоге к 1 августа 1922 г. Сибирское отделение Центросоюза и подчиненные ему губернские союзы приобрели 5,3 млн пудов хлебопродуктов. Из этого количества 4,9 млн пудов было передано продорганам (70% "ударного" задания) [1].

Летом 1922 г. радикальному реформированию была подвергнута и кооперативная система. Из потребительской кооперации выделяется сельскохозяйственная. Все звенья кооперации, включая низовые кооперативы, переводились на хозрасчет и получили право на свободное установление закупочных цен. Разверстка плановых заданий сверху донизу отменялась. Региональные коопсоюзы должны были теперь либо вести самостоятельные закупки, открывая заготовительные (ссыпные) пункты в местах массового предложения продукции (в городах, на станциях, пристанях), либо заключать договоры на поставку с низовой кооперацией. При этом навязывание ей подобных договоров запрещалось. Выбор партнера в торгово-закупочных операциях должен был определяться теперь коммерческой целесообразностью. Коопсоюзы потребляющих регионов получали право ведения хлебозакупа в производящих регионах, в том числе на собственных заготпунктах.

Либерализация рынка в сочетании с относительно высокими урожаями 1922 и 1923 гг. благоприятно сказалась на заготовках в основных производящих регионах европейской части страны, в которых существенно выросли как абсолютные, так и относительные объемы рыночной реализации хлебопродуктов. В отличие от европейских губерний, и 1922, и 1923 гг. в Сибири были неурожайными. В связи с этим крупные оптовые покупатели из центра (как государственные и кооперативные, так и частные) не обращали внимания на бедный сибирский рынок и практически не финансировали заготовительную деятельность своих отделений и контор в регионе. Собственных средств у местных заготовителей катастрофически не хватало.

Чтобы стимулировать их спрос на сельхозпродукцию (несмотря на неурожай, он был ниже предложения) и тем самым поднять крайне низкий уровень сельскохозяйственных цен, Сибревком и губисполкомы изыскивали средства для финансирования заготовительных операций в крае. Эти кредиты выделялись непосредственно сибирским кооперативным центрам и союзам, а также местным конторам созданной летом 1922 г. государственной заготоорганизации – акционерного общества "Хлебопродукт". Кроме того, Сибревком в начале сентября 1922 г. разослал всем губисполкомам циркулярное письмо, в соответствии с которым всем государственным и кооперативным организациям и учреждениям, нуждающимся в продовольствии, предписывалось приобретать его исключительно у "Хлебопродукта" или союзов потребительской кооперации. Право на предоставление ваго-

нов под продовольственные грузы получали только те организации, которые исполняли указанное предписание [9, с. 46]. В этих условиях возможности низовой кооперации в Сибири в поисках партнера были крайне сужены, и она в финансово-административном отношении оказалась более привязанной к кооперативным союзам и центрам, нежели кооперативы европейской части страны.

С января 1924 г. натуральный налог в СССР был отменен, и после этого хлебозаготовки стали осуществляться исключительно коммерческим путем. Отмена натурального налога, расширив сферу применения товарно-денежных отношений между городом и деревней, вместе с тем способствовала началу процесса ремонополизации хлебного рынка. Государство, лишившее себя бесплатного налогового хлеба, тем не менее продолжало нуждаться в их централизованных заготовках для нужд армии, оборонной промышленности, системы соцобеспечения и т.п. Монополия внешней торговли также предполагала концентрацию в руках государства хлебной продукции, предназначенной на экспорт. В связи с этим Наркоматом внутренней торговли СССР с санкции СТО были разработаны планы централизованных хлебозаготовок, которые распределялись по районам, культурам и календарным срокам и в качестве государственного задания доводились до наиболее крупных государственных и кооперативных организаций, получивших статус основных плановых заготовителей. Этим организациям (в их число были включены центральные союзы потребительской и сельскохозяйственной кооперации) выделялись централизованные целевые кредиты для организации заготовительной деятельности. Каждый из основных плановых заготовителей распределял свое задание между региональными отделениями и конторами.

Так, обязательный план хлебозаготовок в размере 13,2 млн пудов получил от Центросоюза Сибирский краевой союз потребительской кооперации – Сибкрайсоюз [24, с. 39] (до февраля 1924 г. – Сибцентросоюз). Своими силами последний столь большой объем хлебопродуктов закупить не мог и поэтому разверстал задание по районным союзам. Те, в свою очередь, довели соответствующие планы до сельпо. Гарантией исполнения плановых заданий, коммерческая целесообразность которых для низовых кооперативов была в большинстве случаев сомнительна, могла быть лишь более жесткая централизация кооперативной системы. Именно этой задаче были посвящены состоявшиеся в июне и августе 1924 г. собрания уполномоченных сибпотребкооперации.

Согласно решениям июньского собрания уполномоченных райсоюзы и потребительские общества должны были подчиняться директивам крайсоюза. Если до этого (в 1922–1923 гг.), по мнению руководства краевого союза, "каждый союз в отдельности рассматривал себя <...> как самодовлеющий оформленный организм, связывающийся со своими объединениями постольку, поскольку это выгодно", то с 1924 г. создавалась "необходимость тесной спайки всей кооперативной системы и полная не-

целесообразность ее распыления на ничем меж собой не связанные кооперативные ячейки. Обстоятельства в данное время требуют возможно большей цементировки всех звеньев кооперативной системы между собой и осуществления наиболее тесной связи между ними и согласованных действий" [12, с. 79].

Августовское совещание приняло решение об "объединении хлебных операций всей системы в единое целое". Каждый союз получал план хлебозаготовок по календарным срокам и культурам и финансировался в централизованном порядке. В полном соответствии с планом Сибкрайсоюза должна была осуществляться отправка хлеба по железнодорожным и водным путям и его сбыт. "Самостоятельные выступления союзов по продаже хлеба исключаются, весь хлеб проходит через Сибкрайсоюз". 1924 год, таким образом, должен был стать годом, "в котором должно быть положено начало проведению хлебных операций под флагом коммерческой незаинтересованности кооперации. Ведение операций, как говорят, на "коммерческих началах" должно быть в этом году отменено. Хлеб должен заготавливаться и продаваться в полном соответствии с общегосударственной политикой в этом вопросе" [13, с. 5].

Наряду с этим многие кооператоры были сторонниками монополизации заготовительного рынка. Так, ответственный работник крайсоюза В. Махов считал, что аппарат государственных торговых организаций должен быть упразднен, а "вся заготовительная работа должна вестись через кооперацию". Причем госорганизации, по его мнению, могли сотрудничать только с райсоюзами, их непосредственное обращение к потребительским обществам должно было быть исключено [11, с. 17]. Сибирское руководство монополистических настроений потребкооперации не поддержало. Председатель Сибревкома Р.И. Эйхе на первом заседании Особого хлебного совещания в начале сентября 1924 г. заявил: "Нас пугает не то, что низовая кооперация будет работать с основными госзаготовителями, – в этом случае она будет содействовать осуществлению общего плана. Гораздо опасней и нежелательней ее работа с второстепенными заготовителями и инорайонными организациями, которые торпедируют лимитную политику, толкают низовую кооперацию на разбазаривание заготовленного хлеба". По итогам обсуждения проблемы совещание призвало низовые потребительские и кредитные кооперативы вести заготовку только для своих райсоюзов или для основных госзаготовителей [3, л. 3].

Однако в начале 1924/25 хлебозаготовительного года Сибкрайсоюзу не удалось повсеместно добиться требуемой степени централизации кооперативной системы. Причиной этого стала сложившаяся на хлебном рынке наиболее товарных западных губерний Сибири конъюнктура, связанная с неурожаем в ряде производящих регионов европейской части страны. В Сибири урожай был, напротив, высокий, и сюда за хлебом устремились многочисленные, преимущественно частные, орга-

низации из остро нуждающихся в продовольствии потребляющих губерний России. Причем, если сибирские основные плановые организации были связаны введенными в сентябре 1924 г. жесткими максимальными пределами закупочных цен (лимитами), то инорайонные заготовители таких ограничений не имели и предлагали за зерно и муку более высокие цены. Естественно, что крестьяне предпочитали продавать хлеб тому, кто больше заплатит. Аналогичным образом, игнорируя призыв кооперативных и сибирских властей к отказу от ведения операций на коммерческой основе, поступали и низовые кооперативы. Так, потребительские общества Омской губернии, заготовив до 1 декабря 1924 г. 600 тыс. пудов хлеба, передали своим райсоюзам только 10% от этого объема, а остальное продали по рыночным ценам инорайонным и местным частным скупщикам [14, с. 11].

Запрет на закупку зерна по превышающим установленный лимит ценам фактически парализовал хлебозаготовку основных государственных и кооперативных заготовителей. Доведенное до них централизованное плановое задание не выполнялось. Значительная часть хлебобудоводов попадала в руки частных скупщиков. Обеспокоенные сложившейся на хлебном рынке обстановкой, сибирские власти приняли ряд мер к ее изменению. Серией мероприятий административного характера частные и прочие инорайонные организации с заготовок были сняты. Губернскими, а затем и краевыми властными структурами были приняты обязательные постановления, запрещающие низовым кооперативам продавать свое зерно помимо райсоюзов и основных государственных заготовителей. Нарушения исполнения данных постановлений отслеживались карательными органами.

В результате ситуация на заготовительном рынке Сибири была в значительной мере изменена. Годовой план крайсоюза был не только выполнен, но и перевыполнен. Всего за год всеми звеньями потребкооперации было закуплено более 22,5 млн пудов различных видов хлебобудоводов. Из них 15,7 млн пудов было передано Сибкрайсоюзом в зачет централизованного государственного задания (при окончательном плане в 15,5 млн пудов) [15, с. 9; 4, л. 91]. Тем не менее степень централизации кооперативной системы в 1924 г., по мнению руководства крайсоюза, оставалась недостаточной, так как около 30% зерна, закупленного у крестьян потребительскими обществами в течение года, было продано ими, минуя райкоопобъединения, инорайонным заготовителям и частным скупщикам. Наибольшее количество хлеба в частные руки продали сельпо Тарского (27,9% от общего объема заготовок), Славгородского, Татарского, Каинского, Алтайского (более 20%), Омского, Иркутского, Каменского и Бийского (от 17,5 до 16,4%) райсоюзов. Районные союзы, в свою очередь, по собственной инициативе реализовали 11% имеющихся у них хлебобудоводов [15, с. 9].

Более низкая степень централизации была достигнута в системе сельскохозяйственной кооперации. Здесь

сбыт низовой сети райсоюзам составил 61,2% от общего объема заготовок. Райсоюзы передали Сибсельско-союз 63,5% своего хлеба [7, с. 225]. В целом доля сибирских коопцентров (Сибкрайсоюза и Сибсельско-союза) в централизованном государственном хлебозакупе 1924/25 г. уменьшилась по сравнению с 1923/24 г. (несмотря на более чем трехкратное увеличение заготовок) с 61 до 42% [9, с. 275–276]. Таким образом, кооперация не только не продвинулась по пути монополизации хлебного рынка, но еще более уступила позиции крупным государственным заготовительным организациям. Экспансия госзаготовителей на сибирском хлебном рынке определялась увеличением их числа (к оперировавшим в 1923/24 г. "Хлебопродукту" и Сибторгу в 1924/25 г. прибавились сибконторы Госбанка и Госторга РСФСР), расширением заготовительной сети и усилением ее финансирования со стороны центральных контор. Избыточное финансирование сибирских государственных заготовительных организаций позволяло им за счет всевозможных надбавок превышать лимитные цены и тем самым привлекать к себе продающих хлебопродукты крестьян.

В заготовительную кампанию 1925/26 г. задача централизации кооперативной системы по-прежнему рассматривалась руководством потребительской и сельскохозяйственной кооперации как одна из приоритетных. На сессии совета Сибкрайсоюза 18 сентября 1925 г. была поставлена задача "построить хозяйство всех звеньев кооперативной системы, как единое хозяйство, связанное общностью планов и ответственностью" [16, с. 1]. Основным средством централизации кооперативной сети рассматривалось навязывание договоров на поставку хлебопродуктов максимальному количеству низовых кооперативов. Контракты же с государственными заготовителями разрешалось заключать лишь кооперативам, не связанным таковыми с собственными райсоюзами и только с санкциями последних. На них же возлагался контроль за выполнением условий подобных контрактов. Сотрудничество с частными фирмами запрещалось любому звену кооперации. Курс на централизацию кооперативной системы находил поддержку партийно-государственного аппарата как в Центре, так и на местах. Так, один из руководителей Наркомторга СССР Г. Шибайло заявлял: "Кооперация нам нужна не как собрание отдельных лавочек, а как стройная и крепкая система, проникнутая сознанием своей огромной роли в деле строительства социализма" [25, с. 35].

Однако сложившаяся осенью 1925 г. на хлебном рынке конъюнктура вновь не способствовала соблюдению договорной дисциплины низовыми кооперативами. Так же как и в 1924/25 г., они предпочитали продавать свою продукцию по более высоким ценам инорайонным организациям и частным лицам. И вновь на помощь кооперативам пришлось государство. В циркуляре Наркомюста СССР от 25 декабря 1925 г. на имя краевых, областных, губернских судов и прокуроров указывалось на необходимость принятия решительных мер по борьбе с

фактами нарушения договоров со стороны низовых кооперативов. На время текущей заготовительной кампании дела по указанным преступлениям предлагалось производить в особо срочном порядке. "При разрешении означенных дел и избрании в отношении лиц, осужденных по этим делам, судебными-исправительными мер учитывать всю серьезность их деяний, наносящих тяжелый вред рабоче-крестьянскому государству" [6, л. 237]. Последующие за жесткой директивой карательные меры окончательно отбили у кооперативных работников желание строить свою работу на коммерческих началах. Главной их задачей теперь стал не поиск выгодного партнера, а выполнение приказаний сверху. По итогам года, минуя райсоюзы, сельпо реализовали 12%, а низовые сельскохозяйственные кооперативы – 26% заготовленного хлеба. Удельный вес кооперации в 1925/26 г. увеличился по сравнению с предыдущим в хлебозаготовках с 42 до 53% [9, с. 275–276].

В 1926/27 г. радикально изменилась концепция построения кооперативного и государственного заготовительного аппарата. Если до этого считалось желательным параллельное функционирование на рынке нескольких заготовительных организаций, которые, конкурируя между собой, повышали бы эффективность своей работы, снижали накладные расходы, то, начиная с данной кампании конкуренцию между ними признали вредной, вызывающей нежелательный рост цен. В связи с этим было сокращено число работающих на рынке заготовителей. При этом количество государственных заготовительных организаций, которым разрешалась закупка зерна, сокращалось до одной-двух на район. Инорайонным и неплановым организациям запрещалась самостоятельная заготовка. Между госзаготовителями и кооперацией производился территориально-функциональный раздел рынка. Госорганизации могли осуществлять заготовку хлеба, скупая его непосредственно у крестьян в местах массового предложения (на железнодорожных станциях, пристанях, элеваторах, крупных мельпредприятиях), а также путем договоров с кооперативными объединениями.

Непосредственный хлебозакуп у крестьян на селе должны были осуществлять только низовые кооперативы. Центры потребительской и сельскохозяйственной кооперации обязывались заключить соглашение, исключающее конкуренцию двух систем на местах. Любому звену кооперации запрещалась заготовка у частных хлебопечников и для частника. Низовые кооперативы имели право заключать договоры о поставке хлеба госзаготовителям только с санкцией райсоюзов. Та же система воспроизводилась на последующих ступенях кооперативной иерархии. На органы внутренней торговли возлагалось наблюдение за тем, чтобы все низовые кооперативы и райсоюзы имели договоры с вышестоящими объединениями или госзаготовителями на поставку хлеба. Кооперативные центры также были лишены самостоятельности в сфере заготовок и обязывались выполнять директивы Наркомторга, других руководящих государственных и

партийных органов [5, л. 310].

В результате доля кооперации в централизованных хлебозаготовках выросла до 60% в 1926/27 г. и 78% в 1927/28 г. [9, с. 275–276]. Фактически же ее удельный вес в снятии с рынка крестьянского хлеба был еще выше, поскольку в зачет заготовок государственных организаций шли, помимо самостоятельно закупленных ими хлебопродуктов, и приобретенные ими (с санкции и под контролем коопцентров) у райсоюзов. В 1926/27 г. райсоюзам потребкооперации без ведома Сибкрайсоюза удалось реализовать не более 2% собственного хлебозакупа [17, с. 60].

Приобретая все более централизованный характер, кооперативная система в свою очередь попадала под диктат партийно–государственного аппарата. Государство вновь стало диктовать кооперации объемы, методы

и условия заготовок, а также закупочные цены. Таким образом, сложившаяся к 1927 г. ситуация в сфере хлебозаготовок характеризовалась не установлением монопольного положения кооперации, а новым изданием государственной хлебной монополии.

Заготовительная система, основанная на фактической госмонополии и директивном ценообразовании, в 1927/28 г. показала свою полную несостоятельность. Небольшое снижение производства зерновых в сочетании с ценовым волонтаризмом вызвало острый хлебозаготовительный кризис. Лидеры большевистского режима в ответ на нежелание крестьян сдавать государству произведенное ими зерно по не соответствующим рыночной конъюнктуре ценам, перешли к внеэкономическим методам отчуждения сельхозпродукции, что знаменовало собой завершение нэпа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтайский крестьянин. 1916. № 8.
2. Алтайское дело. 1916. 3 янв.
3. Алтайское дело. 1916. 19 окт.
4. ГАОО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 210а.
5. ГАОО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 3.
6. ГАОО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 4.
7. ГАОО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 9а.
8. ГАОО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 22.
9. ГАОО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 43.
10. Еремин И.А. Западная Сибирь в период Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918 гг.): учеб. пособие. Бар–наул: АлтГПА, 2010. 293 с.
11. Жизнь Алтая. 1915. 18 июня.
12. И.М. Твердые цены на масло // Алтайский крестьянин. Барнаул, 1917. № 4. С. 6–10.
13. О поставках хлеба в армию кредитными товариществами // Алтайский крестьянин. 1914. № 37. С. 14–16.
14. Орлов А. Кооперация в России накануне и во время войны. М.: Изд–во Тов–ва Кушнерева, 1915. 72 с.
15. Панова М.В. Сельская кооперация Западной Сибири в период первой мировой войны и революции (1914–1918 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. 320 с.
16. Протопопов Б.В. Сеноснабжение и война. М.; Л.: Государственное издательство, 1929. 192 с.
17. Рышков В.М. Государственное регулирование аграрного рынка Сибири в годы Первой мировой войны в оценках Омского сельскохозяйственного съезда // Исторический ежегодник 2007. Новосибирск: РИПЭЛ, 2007. С. 88–103.
18. С хлебом, но без денег // Алтайский крестьянин. 1914. № 37. С. 11–14.
19. Сведения о Союзе сибирских маслодельных артелей с диаграммами /сост. Г.Я. Маляревский. Курган, 1918. 14 с. + 18 диагр.
20. Сибирская жизнь. 1914. 23 сент.
21. Сибирская жизнь. 1914. 12 нояб.
22. Сибирское сельское хозяйство. 1916. № 7.
23. Спекторский А. Общее собрание Союза сибирских маслодельных артелей // Справочный листок по сельскому хозяйству и артельному маслоделю. (Курган). 1916. № 4. С. 94–104.
24. Суслина С.А. Региональный зерновой рынок Сибири в 1900–1917 гг. (по материалам Томской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2002. 200 с.
25. Хлебные инструкторы // Алтайский крестьянин. 1916. № 45. С. 14–15.
26. Шишкина С.Ю. Провинция и война: тобольская губерния в годы Первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917 г.). Тюмень: ТОГИРРО, 2006. 208 с.

КАДРЫ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ КООПЕРАТИВНЫХ СОЮЗОВ В СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЕ КООПЕРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ СИБИРИ В 1920-х - НАЧАЛЕ 1930-х гг.*

* Работа выполнена при поддержке РФНФ, проект № 12-01-00105а.

THE PERSONNEL OF THE PRE-REVOLUTIONARY
COOPERATIVE UNIONS IN THE SOVIET SYSTEM
OF COOPERATIVE MANAGEMENT OF SIBERIA
IN THE 1920's - EARLY 1930's

A. Nikolaev

Annotation

In the article on the basis of new archival documents is proved, that the footage of the pre-revolutionary cooperative College worked in the apparatus of Siberian and Central cooperative unions in the status of members of the management boards and heads of departments until 1930, while under the supervision of the organs of the OGPU. They belong in the past to the parties of the Mensheviks and the social revolutionaries, and their orientation to the market principles of work are the basis for political and criminal prosecution in 1930–1931. With the loss of the frames of the old school the cooperation has lost market techniques and methods of work.

Keywords: Cooperation, Siberia, Siberian and Central cooperative unions.

Николаев Александр Алексеевич
Д.и.н., гл. научный сотрудник,
Институт истории
Сибирского отделения РАН

Аннотация

В статье на основе новых архивных документов показано, что кадры дореволюционной кооперативной школы работали в аппарате управления Сибкрайсоюза и Центросоюза в статусе членов правлений и руководителей отделов до 1930 г., находясь под наблюдением органов ОГПУ. Их принадлежность в прошлом к меньшевистским партиям стали основанием для политического и уголовного преследования в 1930–1931 гг. С потерей кадров старой школы кооперация утратила рыночные приемы и методы работы.

Ключевые слова:

Кооперация, Закупсбыт, Сибкрайсоюз, Сибирь, Центросоюз.

Один из ключевых аспектов историко-кооперативных исследований – представительство и деятельность кооперативных кадров дореволюционной школы в советской системе кооперативного управления (по ленинской терминологии – "использование буржуазных кооператоров") до сих пор не получил достаточно полного освещения в отечественной историографии. Наибольшее число публикаций относится к периоду революции и Гражданской войны, когда вопрос о захвате управленческих полномочий большевиками приобрел откровенно политический характер. Формы и методы этой борьбы нашли отражение в работах Л.Е. Файна, который одним из первых, опираясь на документы Политбюро РКП(б), показал взаимную непримиримость новой власти и руководства кооперативных союзов по принципиальным основаниям [16]. Захватив полномочия в верхних этажах центрального кооперативного управления, новая власть не могла обойтись без опыта квалифицированных кадров в организации хозяйственной и торгово-заготовительной деятельности, не подвергнув тем самым большому риску политические итоги Гражданской войны и успешность реализации новой экономической

политики. Но вопрос о том, каким оставалось представительство старых кооперативных кадров в советской кооперации и до какого времени они были востребованы, оставался до сих пор неясным. Преобладающая в историографии точка зрения ограничивала время пребывания старой кооперативной гвардии в аппарате кооперативного управления серединой 1920-х гг. Новые архивные источники, которые до сих пор не вводились в научный оборот, позволяют пролонгировать этот срок. Наиболее значимыми в корпусе этих материалов представляется доклад Полномочного представительства ОГПУ по Сибирскому краю о деятельности "антисоветских элементов" в аппарате Сибкрайсоюза, с которым И.В. Сталин лично ознакомился в начале января 1928 г. [13, л. 27–44], докладная записка комиссии по проверке кооперативного управления "Об итогах чистки аппарата Центросоюза" от 13 июня 1930 г. [6, л. 3–19] и дело "О контрреволюционной вредительской организации в Сибпотребкооперации и Госбанке", следствие по которому проходило в Новониколаевске в первой половине 1931 г. [1].

После окончания Гражданской войны многие кадры

дореволюционной формации подверглись арестам, так как выражали несогласие с новой кооперативной политикой. Первая волна замены опытных кооперативных кадров на новых советских выдвиженцев прошла с конца 1919 – по начало 1921 г. Кооператоры арестовывались органами ВЧК по подозрению в сотрудничестве с белыми и обвинялись в попытках организовать продажу товаров по спекулятивным ценам. Массовые аресты грозили полной дезорганизацией кооперативной работы, что в условиях послевоенной разрухи могло нанести непоправимый урон новой государственной власти. После вмешательства центральных властей и личных распоряжений Ф.Д. Дзержинского аресты приостановились и многие кооператоры вернулись на руководящие должности, но не в качестве первых лиц. Они заняли по преимуществу должности членов правлений или заведующих отделами, а также стали выполнять второстепенную управленческую работу. В составе Сибирского отделения Центросоюза статус членов правления сохранили В.Н. Остальцев, К.Г. Петунин, П.И. Швейцер и др. Они восполнили дефицит кадров, образовавшийся в результате эмиграции значительной части бывших руководителей Союза сибирских маслодельных артелей, Закупсбыта и Синкредсоюза (А.Н. Балашин, К.И. Морозов, Ф.А. Савченко, А.В. Сазонов, А.А. Трутнев и др.) [10, с. 33–40].

Не вызывает сомнения, что кадры дореволюционной кооперативной школы, на практике придерживавшиеся кооперативных принципов и ценностей, определили позитивный тренд развития российской кооперации в условиях нэпа. Они стремились восстановить экономику на основе освоенных уже приемов и методов хозяйствования. Убедительным свидетельством ориентации на рыночные принципы кооперативной работы являлся доклад члена правления Центросоюза К.Г. Петунина (член правления Закупсбыта в 1918–1920 гг.) на совещании руководителей губсоюзов по вопросам кооперативной торговли и экспорта льна в Москве 1 августа 1924 г. [11]. Докладчик в деталях инструктировал кооперативный актив о переходе на коммерческие методы заготовок и сбыта сельскохозяйственной продукции. Работа по товароснабжению деревни и закупкам сельскохозяйственных продуктов, по мнению К.Г. Петунина, должна строиться на принципе комиссионно-посреднических отношений во всех звеньях системы. Комиссионный принцип должен превратить кооперативные центры в служебно-исполнительные органы, пробудить инициативу снизу. Функциями кооперативной системы должны стать организация сбыта на внутреннем и внешнем рынках, финансирование заготовок, организация контроля над техникой обработки товара. Первые две функции будет выполнять союзная система, а последнюю – приведение товара в стандартное состояние – низовые организации. Для предотвращения возможных центробежных тенденций и упрочения внутрикооперативных отношений К.Г. Петунин предложил сохранить элементы старой политики, обеспечивающей

успешность и стабильность в работе. Центросоюз сохранял свое влияние за счет выдачи аванса на заготовки низовым кооперативам и губсоюзам на основе соответствующего договора, предусматривавшего за центром права свободного маневрирования товаром, который поступил на комиссионную продажу.

Судьбу большинства членов правления Закупсбыта, оставшихся в России, оказалось возможным проследить только по отрывочным упоминаниям в архивных документах. При поиске материалов к сборнику по истории Закупсбыта в музее истории Новосибирского облпотребсоюза удалось выявить автобиографию первого председателя правления Закупсбыта В.Н. Остальцева, заполненную лично от руки в декабре 1925 г. [8, с. 59–62]. Дальнейшая судьба этого выдающегося организатора потребительской кооперации оставалась неизвестной. Вновь открывшиеся факты показывают, что на излете своей служебной карьеры В.Н. Остальцев заведовал музеем истории Центросоюза. Он, как другие профессионалы высшей категории, к которым относились бывшие члены правления Закупсбыта К.Г. Петунин, П.И. Швейцер, К.И. Бажутин и другие, находился на высоких управленческих должностях в системе Центросоюза вплоть до 1930 г.

Но, занимаясь ответственной хозяйственной работой, опытные кадры старой школы находились под постоянным наблюдением политического руководства, и прежде всего органов ОГПУ, которые готовили информационные отчеты, содержащие политические оценки кадрового корпуса не только на краевом и губернском уровне управления, но и в низовой кооперативной сети. В информационном обзоре ОГПУ за апрель 1924 г. отмечалось, что в Сибири (Томская, Енисейская и Иркутская губернии) кулачество стало создавать "дикие" кооперативы с участием бывших эсеров и работников старой сибирской кооперации [15, с. 197]. На основе представленных материалов разрабатывались конкретные рекомендации по

Здание Облпотребсоюза (Сибкрайсоюз)
Объявлен объектом наследия.

регулированию социального состава кооперации, укреплению руководящих органов партийными кадрами.

Органы ОГПУ через особые отделы в кадровых службах контролировали перемещения руководящих работников и технического персонала. Как свидетельствует переписка руководства Сибкрайсоюза с органами полномочного представительства ОГПУ по Сибири за 1924г., все принимаемые на работу лица проходили проверку на благонадежность и получали соответствующий вердикт в форме короткой записки с грифом "совершенно секретно" [3, л. 78а]. Под особым контролем находилось руководство и члены правлений краевых и губернских кооперативных союзов. 30 июня 1924 г. полномочное представительство ОГПУ по Сибири направило в Сибкрайсоюз список руководящих кооперативных работников из 25 чел., состоявших в прошлом в мелкобуржуазных партиях. От Сибкрайсоюза требовалось давать их исчерпывающую характеристику, заблаговременно извещать о служебных командировках в другие города, фиксировать все случаи недоброжелательного отношения к властям, влияние на окружающих людей, симпатии сотрудников. Из старых кадров в списке значился только один человек – бывший член правления Закупсбыта К.И. Бажутин, получивший положительную характеристику: "В общественной жизни участия не принимает. К Соввласти и РКП(б) безусловно лоялен. Работник хороший". Позже в феврале 1927 г. К.И. Бажутин был лишен доступа к секретной переписке [3, л. 113; 4, л. 29].

В информационных материалах ОГПУ за 1927–1928 гг. социально-политическая квалификация кадрового корпуса остается осевой линией, и в незначительной степени дополняется оценками результатов хозяйственной деятельности руководителей, которые, по мнению экспертов экономического отдела, не совпадали с задачами социалистической модернизации. В докладе Полномочного представительства ОГПУ по Сибирскому краю о политических настроениях и деятельности "антисоветских элементов" в аппарате Сибкрайсоюза, с которым 1 января 1928 г. ознакомился И.В. Сталин, сообщалось: "Всего имеется в аппарате СКС приблизительно 45 ответственных отраслей работы. Руководят самостоятельными отраслями работы: заведуют отделами, п[од]отделами, секциями и проч. 28 человек антисоветского элемента, в этом числе есть и члены правления. В этой группе имеются: б[ывших] членов антисоветских политпартий – 20, заподозренных в принадлежности к антисоветским политпартиям – 4, б[ывших] белых – 3 и антисоветски настроенных, состоящих у нас на учете – 1. Антисоветский элемент занимает 60% наличного числа ответственных должностей, дающих возможность самостоятельно руководить работой и проводить известную линию. Членов ВКП(б) на ответственных должностях состоит около 7 человек, 4 являются членами правления и 3 заведуют отделами и п[од]отделами. Остальные 10–11 ответственных

должностей, т.е. 27%, т.к. члены ВКП занимают 13%, заполнены беспартийными, среди которых также есть антисоветски настроенные лица" [14, с. 368].

Ответственность за комплектование кадров, как следует из документа, нес член правления Сибкрайсоюза эсер Бажутин, буржуазный кооперативный идеолог член правления Шилин и управляющий делами главной конторы эсер Ершов, блокирующийся с вышеуказанными лицами и подчиненный им по работе [14, с. 371]. Руководители старой кооперативной школы, несомненно, стремились содействовать комплектованию аппарата Сибкрайсоюза за счет ответственных и грамотных работников, которые по политической и социальной принадлежности не устраивали правящую партию, рекрутировавшую в систему кооперативного управления новобранцев "от сохи и лопаты". Представители старой и новой волны, совершенно очевидно, не могли испытывать взаимных симпатий, так как принадлежали к различным слоям общества и различались не только по уровню образования, но и психоментальным характеристикам. "В отношении сокращения "своих", – сообщалось в цитируемом выше документе, – антисоветский элемент отзывается отрицательно. Из ряда примеров приводим факт, характерный по содержанию: член ревизионной комиссии сотрудник заготсбытотдела главной конторы, состоящий у нас на учете антисоветского элемента, Киселев А.Ф. по поводу сокращения б[ывшего] белого офицера Кузечкина говорил: "Увольнение Кузечкина мы допустить не должны. Нужно принять все меры и отстоять. Следует через ревизионную комиссию воздействовать на местком. Разной шпаны теперь из Красной армии сколько угодно идет. Местком ополчился на Кузечкина только потому, что он бывш[ий] белый офицер, им обязательно нужно "красноперов". Они, "красноперые" (т.е. члены ВКП пред. месткома Данилина и др.), стараются устраивать на службу партийцев, несмотря на их пустые головы" [14, с. 372]. Прочитываем и другой характерный фрагмент текста: "Считая себя незаменимыми, занимающие руководящие должности эсеры и меньшевики живут сознанием своей якобы большой роли в советской кооперации. Особенно ярко это отобразил в своем выступлении эсер Шапшал. Он говорил: "Сибирская и вообще кооперация живет и развивается только благодаря руководству ею нас, эсеров и меньшевиков, сидящие в кооперации коммунисты кооперацией руководить не умеют, а подписывают только готовое, как, например, Стриковский и др. служат ничем иным, как мебелью, и если мы из кооперации уйдем, то она в непродолжительное время развалится, ибо коммунистам с ней не справиться" [14, с. 377].

Для справки, упомянутый Л.С. Стриковский являлся председателем правления Сибкрайсоюза.

Таким образом, во второй половине 1920-х гг. в руководящем кадровом корпусе сибирской потребитель-

ской кооперации более отчетливо обозначились два противоборствующих идеологических течения. Опорой государственной власти являлись члены ВКП(б), занимавшие высшие должности в структуре управления кооперативных союзов (председатели правлений и ревизионных комиссий) и являвшиеся проводниками официального идейно-политического и экономического курса. Кооператоры старой школы занимали доминирующие позиции в среднем звене управления. Являясь руководителями ведущих отделов, они занимались реальной хозяйственной работой на основе рыночных принципов. Именно это ключевое противоречие стало обостряться в связи с изменением государственной экономической политики, нацеленной на мобилизацию ресурсов для проведения промышленной модернизации. Кооператорам стали приписываться враждебные действия в хозяйственной работе, приводящие к затовариванию продукции на складах, разбазариванию кооперативных средств, несвоевременному снабжению населения нужным ассортиментом товаров, игнорированию потребностей хлебозаготовительной кампании и невыполнению директивы правительства о снижении административно-хозяйственных расходов.

Органы ОГПУ стали все активнее вмешиваться в кадровую политику, чем в значительной степени объяснялась высокая текучесть руководящего персонала. Согласно сведениям, представленным в секретную часть учетно-распределительного отдела Центросоюза 23 января 1929 г., основная часть из 19 номенклатурных работников Сибкрайсоюза состояла в должности с 1928 г., т.е. имела стаж работы до одного года. Из кадров с дореволюционным стажем работы статус члена правления Сибкрайсоюза сохранил только К.И. Бажутин [5, л. 28]. Это свидетельствовало о крайне нестабильном положении кадров кооперативного управления.

В конце 1920-х гг. в связи с развернувшейся коллективизацией деревни и ускоренной индустриализацией обозначились крупные социальные перемены, вызвавшие напряженность в обществе. Для масштабной социальной инженерии аппаратно-канцелярских методов регулирования кадровых вопросов было недостаточно – требовались поддержка снизу и широкая социальная опора. В соответствии с решениями XVI конференции ВКП(б), состоявшейся 23–29 апреля 1929 г., была образована Центральная комиссия по чистке советского аппарата. 2 июня 1929 г. ЦИК и СНК СССР приняли специальное постановление и утвердили инструкцию, разработанную Наркоматом рабоче-крестьянской инспекции, ставшую правовой основой деятельности комиссии по чистке аппарата. Свою работу комиссия осуществляла через специально созданные рабочие бригады, включавшие в свой состав представителей администрации, общестественности, рабочих с предприятий. К работе комиссий по чистке аппарата подключались партийные группы,

ячейки и фракции ВКП(б) кооперативных союзов, органы рабоче-крестьянской инспекции, инструкторский персонал.

Основной целью чистки аппарата провозглашались выявление и удаление из кадрового корпуса "классово-чуждых и бюрократических элементов", улучшение и перестройка управления в соответствии с новыми задачами. К "социально-враждебным элементам" относились бывшие крупные частные собственники, белые офицеры, служители культа, часть предпринимателей в мелкой промышленности и торговле, которые были лишены права участвовать в политической жизни по конституции 1924 г.

С первой половины 1930 г. началась активная фаза работы комиссий по чистке кооперативного аппарата, что отрицательно сказалось на хозяйственной деятельности потребительской кооперации. На заседании коллегии СибРКИ 14 мая 1930 г. после обсуждения доклада "О результатах чистки аппарата Сибкрайсоюза" в постановляющей части констатировалось: "Рабочие бригады в момент обследования (февраль) отмечали неудовлетворительность хода заготовок вследствие слабой подготовленности, недостатка руководства со стороны СКС, что в известной мере отражалось на выполнении планов по наиболее важным заготовкам, так по хлебофуражу на 1/IV выполнено 74,2% плана, по пушнине – 55,5, пеньке – 56, утилю за 5 мес[яцев] – 18,5% от плана" [12, с. 237]. Но отмечая существенные недостатки в работе аппарата Сибкрайсоюза, коллегия СибРКИ не подвергла резкой критике хозяйственную деятельность. Постановляющая часть носила общий рекомендательный характер. Состав аппарата управления, по заключению комиссии, обладал "сравнительно небольшой прослойкой чуждых элементов". Среди служащих, на которых приходилось две трети (66,6%) сотрудников аппарата, 6,3% являлись бывшими белыми офицерами, 0,88% – дворянами и 1,17% – торговцами, итого – 8,35% [12, с. 237]. Но для политического руководства процент "чуждых элементов" оказался достаточным, чтобы подойти к следующему этапу уголовного преследования кооперативных кадров.

Одновременно кампания по чистке проходила в московском представительстве Сибкрайсоюза и в целом в аппарате управления Центросоюза. О характере, методах и целях чистки позволяют судить документы фонда "Центральной комиссии по чистке советского аппарата НКРКИ" Государственного архива Российской Федерации [6]. Источники позволяют раскрыть механизмы реализации государственной политики, приведшей к подавлению рыночного потенциала российской потребительской кооперации. По результатам деятельности рабочих бригад специальной комиссией была подготовлена докладная записка "Об итогах чистки аппарата Центросоюза" от 13 июня 1930 г., которая легла в основу решения Президи-

ума ЦКК ВКП(б) и коллегии НК РКИ СССР [6, л. 3–23 об.].

В этом документе ключевое значение отводилось характеристике руководящего состава Центросоюза, в первую очередь, с точки зрения политической лояльности по отношению к советской власти. При оценке руководителей учитывалось дореволюционное прошлое, а также такие существенные критерии, как связь с частными предпринимателями, соответствие практической работы установкам директивных органов, личные моральные качества. В документе содержится информация о выходах их сибирской потребительской кооперации.

П.И. Швейцер – бывший член правления Закупсбыта и коллегии распорядителей Сибирского отделения Центросоюза. На момент прохождения чистки – член правления Центросоюза. Обладал информацией о заготовках рыбы в Астрахани через частных поставщиков и не принял мер по защите интересов Центросоюза, что дало основание причислить его к сторонникам теории здорового частника [6, л. 15].

К.Г. Петунин – видный и активный деятель РСДРП (меньшевик) в 1905–1918 гг., член правления Закупсбыта в 1916–1920 гг., в начале 1920-х гг. – член коллегии распорядителей Сибирского отделения Центросоюза, с 1922 г. – член правления Центросоюза. В 1929–1930 гг. – заведующий финансовым отделом Центросоюза. Выступал в защиту финансовых интересов системы Центросоюза и противодействовал изъятию оборотных средств. Выдвигал и защищал идею создания Покобанка (банка потребительской кооперации), преследуя цель создания замкнутого хозяйства потребительской кооперации. Госбанк, по его мнению, мог быть только экзекутором по отношению к потребительской системе [6, л. 9 об., 10 об.].

В сущности, руководящие кооперативные работники защищали корпоративные хозяйственные интересы от поползновений государства, и в этом их поддерживала часть партийно-профсоюзного актива Центросоюза. В докладной записке отмечалось, что в ряде организаций местный актив встал на сторону проверяемых. Эта позиция квалифицировалась как скрытое сопротивление, стремление замазать провалы, вскрытые рабочими бригадами. Руководители партийной ячейки Центросоюза выступали против "жестких методов" чистки. А правление и ревизионная комиссия Центросоюза дистанцировались от проводимой кампании и не представили рабочим бригадам никаких компрометирующих материалов.

Но после соответствующей идеологической проработки многие партийно-профсоюзные активисты изменили свою позицию. "Лишь после того, как комиссия по чистке в процессе своей работы со всей решительностью ударила по враждебным и гнилым элементам в аппарате, – говорилось в документе, – среди служащих произошло

расслоение, в результате чего лучшая часть служащих во главе с новым руководством месткома переключилась на активную действенную помощь рабочим бригадам и комиссиям по чистке. Однако часть аппарата, в том числе и ряд партийцев, продолжали проявлять к чистке нетерпимое отношение, частично мешали чистке, брюзжали, окрыляя тем самым бюрократические элементы аппарата" [6, л. 4].

Заключение комиссии по чистке аппарата Центросоюза не оставляло сомнений в том, что проверяемые руководители, не прошедшие испытания на политическую лояльность к властям, признавались и профессионально не пригодными. "Проводником линии потворства и особого благоприятствования частнику являлись, главным образом, бывшие противники Советской власти и партии (меньшевики, эсеры) – люди, побывавшие у Колчака, и, наконец, политически беспринципные чиновники, лишённые собственной инициативы в хозяйственно-оперативной работе, лжеспециалисты, торгаши и деляги. <...>

Обнаруженные в процессе проверки аппарата Центросоюза прорывы на важнейших участках и крупные недочёты в работе в значительной степени объясняются чрезвычайной засорённостью аппарата чуждыми и враждебными элементами, извращающими классовую линию, не понимающими и не способными осуществлять задачи, возложенные на потребкооперацию в условиях реконструктивного периода" [6, л. 16].

В начале 1931 г. накопленный в органах государственной власти компрометирующий материал о кадрах кооперативного управления в центре и на местах был передан в судебно-следственную систему. Члены правления Центросоюза К.Г. Петунин и П.И. Швейцер были осуждены по процессу над "Созным бюро РСДРП (меньшевик)", прошедшим в Москве 1–9 марта 1931 г. [9].

В Новосибирске развернулся не менее громкий процесс "О контрреволюционной вредительской организации в Сибпотребкооперации и Государственном банке", по которому проходило 14 чел. из аппарата Сибкрайсоюза, 5 чел. из Госбанка, 1 чел. из Сибплана, 1 чел. из Запсибсельстроя, всего – 21 чел. Впервые о процессе упомянуто в публикации Л.Н. Воробцовой [2, с. 242]. Многие фигуранты попали уже в 1920–1921 гг. в поле зрения органов ОГПУ, по сведениям которого в Новониколаевске в губернских органах управления насчитывалось 19 чел. меньшевиков и эсеров, в том числе 13 чел. в кооперации. В коллегию Сибирского отделения Центросоюза входили Муравьев и П.И. Швейцер. Отделы возглавляли Д.Н. Новицкий, К.А. Бреде, А.М. Батраков, С.Е. Пузырев, И.К. Кунин, ответственным секретарем работал М.С. Кохухов [7, с. 22, 23].

В настоящее время дело "О контрреволюционной

вредительской организации в Сибпотребкооперации и Государственном банке" рассекречено и находится на хранении в архиве Управления ФСБ по Новосибирской области. Материалы сгруппированы в 4 тома. Следствие вело 4-е отделение экономического отдела Полномочного представительства ОГПУ по Западно-Сибирскому краю.

Общие хронологические рамки документов архивного дела охватывают период с 1925 г. по 1995 г., включая конкретную делопроизводственную документацию за отдельные годы, в том числе:

- ◆ непосредственно следственного процесса за январь–июнь 1931 г.;
- ◆ материалы, приобретенные к следствию, за 1925–1935 гг.;
- ◆ документы о реабилитации за 1990-е гг.

Следственные действия ОГПУ развернулись в январе 1931 г. Первым был арестован и допрошен И.В. Васильев, позже всех, в апреле – П.И. Москалев и К.И. Бажутин, который на момент вынесения первого обвинительного заключения 19 апреля 1931 г. арестован не был. Следствие по каждому члену "организации" длилось 2–3 месяца, за исключением следствий по делам И.В. Веселкова, В.П. Каретникова и П.А. Гречанина (4 месяца).

В результате следствия, как явствует из обвинительного заключения, им были предъявлены первоначальные обвинения:

И.В. Васильеву – "...преступление по 58–7 ст. УК, выразившееся в том, что, будучи руководителем ответственного участка работы Сибирской Потребкооперации – товароснабжением, проводил вредительство в своей работе, группируя вокруг себя своих единомышленников <...> В результате этой вредительской деятельности явилось: замедление товарооборота, задержка товарных фондов, рост остатков товаров на базах и в системе; засылка неходовых и несезонных товаров в систему, создание искусственных товарных депрессий в одних районах при товарном голоде в других".

К.И. Бажутину – "<...> преступление по 58–7 ст. УК, выразившееся в том, что он осуществлял вредительство, направленное к срыву развития отдельных отраслей народного хозяйства, в частности кооперации <...> Являясь членом контрреволюционной вредительской организации в Сибкрайсоюзе, занимался дезорганизацией финансового хозяйства кооперации; совершал вредительские акты по иммобилизации собранных средств кооперации, срыву мобилизации ее ресурсов и средств населения, одновременно проводя изъятие излишних средств

государства в виде банковских кредитов, поддерживал связь с вредительской группой Сибконторы Госбанка".

М.В. Скворцову в составе группы из 9 чел. инкриминировалось "<...> преступление по ст. 58–7 УК, выразившееся в том, что осуществлялась вредительская деятельность и срыв товароснабжения в крае, его планирования и финансирования".

В соответствии с судебным решением коллегии ОГПУ от 23 августа 1931 г. Васильев Иван Васильевич и Бажутин Киприян Иванович были приговорены к заключению в места лишения свободы, подведомственные ОГПУ, сроком на пять лет, Скворцов Михаил Васильевич – к высылке через Полномочное представительство ОГПУ в Казахстан сроком на три года [1, т. 4, л. 138–140].

Таким образом, можно констатировать, что в аппарате управления Центросоюза и Сибкрайсоюза вплоть до 1930 г. имелась достаточно сильная прослойка руководящих кадров, ориентированных на рыночные методы хозяйственно-заготовительной и производственной деятельности, в том числе выходцы из сибирской кооперативной школы управления. Их высокая квалификация, прежде всего, и отсутствие весомого компромата политического свойства обусловили сохранение высоких управленческих должностей на важнейших участках хозяйственно-кооперативной работы. Только в конце 1920-х гг., когда был взят курс на установление системы жесткого централизованного планирования и отказ от рыночных методов работы опыт старых кооператоров оказался не только не нужным, но и опасным для выполнения государственных программ. Приоритетными методами хозяйственно-кооперативной работы становились не торговля и закупки сельскохозяйственной продукции, а плановые заготовки и карточно-фондовое распределение товаров.

Драматизм ситуации обуславливался обострением глубинного противоречия между основными целями и задачами потребительской кооперации по улучшению материального положения своих членов-пайщиков и государственной политикой, ориентированной на изъятие средств у населения для модернизации промышленности за счет снижения реальной заработной платы у рабочих, экспроприации мелкой частной собственности в промышленности, торговле и сельском хозяйстве. На уровне официальной политики цели государства были закамуфлированы в стандартные идеологические упаковки, не предусматривающие снижения материального благосостояния населения. Ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) 1929 г., напротив, сформулировал задачи по повышению реальной заработной платы рабочих, усилению обслуживания общественного сектора сельского хозяйства, лесозаготовок и лесосплава, весенней путины, посевных кампаний, промышленных новостроек [6, л. 3]. Но реально одновре-

менное решение задач по модернизации промышленности и подъему уровня жизни населения были невыполнимы, тем более в условиях враждебного внешнего окружения.

Постановка нереальных задач оказалась действенным идеологическим инструментом для проведения кад-

ровой чистки в аппарате управления потребительской кооперации. С потерей квалифицированного кадрового корпуса советская потребительская кооперация окончательно утратила навыки и опыт работы в рыночных условиях, что крайне болезненно сказалось на деятельности современной российской кооперации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив УФСБ по Новосибирской области. Д. 19303. Т. 1–4.
2. Воробцова Л.Н. Городской голова Новониколаевска В.И. Жернаков (новые материалы) // Проблемы истории местного самоуправления Сибири XVI–XX веков. Новосибирск: б.и., 1998. С. 123–128.
3. Государственный архив Новосибирской области (ГАО), Ф.Р–42. Оп.2. Д. 16.
4. ГАО. Ф. Р–42. Оп. 2. Д. 23.
5. ГАО. Ф. Р–42. Оп. 2. Д. 323а.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р–8341. Оп. 1. Д. 587.
7. Добровольский А.В. О нелегальной деятельности социал–демократов и эсеров Новониколаевска накануне и в начале нэпа // Страницы истории Новосибирской области. Люди, события, культура. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 1995. Ч. II. Экономическое, демографическое и общественно–политическое развитие нашего края в XX веке. С. 21–23.
8. Закупсбыт. Хронико–документальная летопись первого общесибирского потребительского союза. (1916–1923). Новосибирск: Наука, 1999. 327 с.
9. Большевикский процесс 1931 г.: сб. документов: в 2 кн. М.: Политехника, 1999. Кн. 1. 678 с.
10. Николаев А.А. Мелкая промышленность и кустарные промыслы Сибири в советской кооперативной системе. Новосибирск: б.и., 2000. 140 с.
11. Николаев А.А. Проблемы кооперативной торговли и экспорта льна в условиях нэпа // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 3. С. 84–90.
12. Николаев А.А. Документы о чистке аппарата управления потребительской кооперации в Сибири в 1930 г. // Кооперация Сибири: история и современное состояние: сб. науч. трудов. Вып. 5. Новосибирск: б.и., 2006. С. 235–246.
13. Российский государственный архив социально–политической истории (РГАСПИ). Ф. 588. Оп. 11. Д. 120.
14. Сибирская потребительская кооперация на переломе эпох (1911–1931 гг.). Новосибирск: Сибпринт, 2012. 560 с.
15. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939: документы и материалы: в 4 т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОСПЭН, 2000. Т. II: Советская деревня глазами ОГПУ. 1923–1929. 1167 с.
16. Файн Л.Е. Военно–коммунистический эксперимент над российской кооперацией (1918–1920 гг.) // Вопросы истории. 1997. № 11. С. 25–41.

© А.А. Николаев, (agronicol@gmail.com), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»,

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ БАЗА РЕАКТИВНОЙ АВИАЦИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

THE PRODUCTION BASE OF JET AIRCRAFT DURING WORLD WAR II

A. Gusev

Annotation

In this article the author examines the role and influence of the production base of Soviet jet aircraft on the pace of development and implementation of experimental models of aircraft during World War II. Also in the article attempts to analyze the extent to which the possibility of the production base is determined by technological and design achievements in the creation of military jet aircraft Soviet air force during the period of design office Bolkhovitinov VF and plant number 290 in the evacuation of the village Bilimbai Sverdlovsk region.

Keywords: The Great Patriotic War, Bilimbaevsky pipe foundry plant, pipe industry, the Urals, aviation, metallurgy.

Гусев Анатолий Васильевич
Соискатель,
Уральский федеральный
университет

Аннотация

В данной статье автор рассматривает роль и влияние производственной базы советской реактивной авиации на темпы создания и внедрения экспериментальных образцов самолетов в годы Великой Отечественной войны. Кроме того в статье сделана попытка проанализировать в какой степени возможности производственной базы определяли технологические и конструкторские достижения в создании боевой реактивной авиации ВВС СССР в период нахождения конструкторского бюро Болховитинова В.Ф. и завода №290 в эвакуации в поселке Билимбаево Свердловской области.

Ключевые слова:

Великая Отечественная война, Билимбаевский труболитейный завод, трубная промышленность, Урал, авиация, металлургия.

Развитие реактивной авиации в годы второй мировой войны вызывает большой интерес, как у исследователей, так и у широкого круга любителей истории. Однако тема эта изучена явно недостаточно. Особенно это проявляется, когда исследователи начинают сравнивать достижения советских авиастроителей и разработчиков авиационной техники с достижениями их германских коллег.

При всей схожести процессов происходящих на предприятиях, конструирующих и производивших реактивные самолеты в годы второй мировой войны в СССР и в Германии можно выделить ряд коренных отличий. Германские авиапредприятия и работавшие на их базе конструкторские бюро не нуждались в эвакуации, как авиазаводы СССР. Бомбардировки авиапредприятий Германии союзниками нарастали постепенно и рассредоточение немецких авиапредприятий тоже происходило не спешно. У германских авиапроизводителей была возможность подготовить на новом месте инфраструктуру, производственную базу, испытательные стенды. Причем в большинстве случаев, на местах рассредоточения уже имелись подготовленные кадры и массовое перемещение или переобучение рабочих не требовалось.

В СССР эвакуация была вызвана не бомбардировками, а занятием врагом территорий и угрозой захвата предприятий. В частности, завод №293 из Химок эвакуировался поспешно (по воспоминаниям Чертока Б.Е. бы-

ли уже намерения оборудование уничтожить, а самим уйти в партизаны). Поэтому этот и другие авиазаводы эвакуировались на восток в короткие сроки, с оборудованием и персоналом. На новом месте производственные площадки были не профильными, обученных кадров не имелось, а для размещения эвакуированных рабочих и ИТР приходилось приспособлять различные, в том числе и нежилые помещения.

В полной мере это касается и производственной площадки Билимбаевского труболитейного завода треста "Трубопостав" наркомата черной металлургии, на базе которого разместилось целых три авиазавода со своими конструкторскими бюро. Это завод №290 (производство автожиров) вместе с которым прибыли известные авиаконструкторы Камов Н.И. и Миль М.Л., знаменитый агрегатный завод Привалова А.И. №468 (разработка и производство грузовых парашютов), а так же, завод №293 (конструирование и производство самолетов с ракетным двигателем), вместе с которым прибыло из подмосковных Химок и прославленное КБ Болховитинова В.Ф. с большой группой авиаконструкторов.

Среди них люди, которые станут выдающимися конструкторами ракет и самолетов: создатель крылатых ракет Александр Березняк, разработчик жидкостных реактивных двигателей для ракет подводных лодок и космических аппаратов Алексей Исаев, автор и первый разработчик турбореактивных двигателей Архип Люлька, за-

местители главного конструктора С.П. Королева Михаил Мельников и Борис Черток.

Вот как это описывал Борис Черток:

"Было получено уведомление, что нам подают специальный эшелон для эвакуации. Мы обязаны не жечь и взрывать, а организовано демонтировать, упаковывать все ценное оборудование, имущество и документацию. Весь личный состав с семьями должен в ближайшие дни выехать в поселок Билимбай на Урале и там продолжить работу".

И далее:

"Дни и ночи мы снимали станки, смазывали, укрывали, укладывали все, что можно, в ящики, маркировали, описывали, грузили. Я с товарищами умудрился, несмотря на протесты штаба эшелона, упаковать и погрузить все образцы машин переменного тока".

По свидетельству Бориса Чертока "в Билимбай прибыли утром 7 ноября. Он встретил нас двадцатиградусным морозом. Несмотря на праздник – 24-ю годовщину Октябрьской революции, объявили "всенародный аврал" по разгрузке эшелона. Местная власть всех прибывших временно разместила в просторном "Божьем храме" – церкви – прямо на холодном каменном полу. Пока женщины устраивали в церкви детей и налаживали быт, весь мужской состав начал перетаскивать оборудование на отданный в наше распоряжение чугунолитейный завод" [1].

Здесь Борис Черток не совсем точен. Во-первых, Билимбаевский труболитейный завод в 1941 году уже не был чугунолитейным. Производство собственного чугуна на Билимбаевском труболитейном заводе было полностью прекращено еще в 1937 году.

Во-вторых, завод не был отдан в полное распоряжение работникам завода №293 и КБ Болховитинова. Здесь же разместились и другие предприятия. В частности завод №468 и №290.

Производственные мощности Билимбаевского труболитейного завода на момент размещения в нем трех авиазаводов были довольно скромные. Проектная его мощность предполагала производство 15 тысяч тонн в год муфтовых водопроводных труб размером от 3 до 20 дюймов в диаметре. Однако завод никогда столь высоких показателей не достигал. Несмотря на то, что сдан в эксплуатацию он был в 1935 году, он уже на тот момент имел явно устаревшее оборудование [2].

Для разместившихся на БТЗ авиазаводов в первую очередь важны были помещения, электроснабжение и транспорт. Электроэнергию завод получал от собственной электростанции, оборудованной турбогенератором "Целли", мощностью 500 кВт – популярный агрегат начала XX века. Парокотельная силовая станция была оборудована одним котлом системы "Никлосс", объемом 207 кв. метров. Это тоже очень популярная дореволюционная модель. В частности котлы системы "Никлосс" имел знаменитый крейсер "Варяг".

Электроэнергии в общем то, агрегат вырабатывал до-

статочно, но имел существенный недостаток: при ревизии паротурбины и очистке котла выпуск основной продукции на заводе останавливался на срок до одного месяца! В это время цеха освещались при помощи электроэнергии, выработанной с помощью локомотива "Маршал" с генератором на 50 кВт.

"Маршал" – знаменитая фирма, прославившаяся в начале XX века производством паровых молотилок.

Так продолжалось до октября 1944 года, когда завод пустил новую подстанцию высоковольтной линии, но это произошло уже после того, как авиазаводы вернулись на места своего постоянного базирования.

Серьезной проблемой был и транспорт. Главным транспортным средством на заводе был узкоколейный паровоз модели "Краус" типа О-3-О завода "Юнг". К нему имелось примерно 80 вагонеток, оставшихся от конной железной дороги.

Колея вагонеток была уже, чем у паровоза. Билимбаевцы вышли из ситуации просто: положили еще одну рельсу. В результате железная дорога получилась трехрельсовой.

Узкоколейка от завода шла к Московскому тракту, пересекала его, далее – по деревянному мосту шла через Чусовую к станции Билимбай. Там до осени 1941 года и с весны 1944 года водопроводные трубы, чугунное литье, огнеупорный кирпич перегружались на поезда наркомата путей сообщения. А каменный уголь, чугун, кокс, наоборот везли со станции Билимбай на завод. Рассчитана узкоколейка была на вес от 5 до 10 тонн. Длина ее составляла 4,3 километра.

У руководства завода в годы войны было намерение сделать под Московским трактом тоннель, через который бы мог проходить паровоз. Мероприятие было включено в план работ на 1945 год.

Автотранспорт не был столь архаичным, но его было мало и крайне не хватало запчастей. Для доставки грузов со складов Свердловска использовались так же автомобили. В разное время это были ГАЗ-АА, ГАЗ-ААА, ЗИС-5, ЗИС-6. В том числе и газогенераторные.

Для грузоперевозок на заводе требовалось так же, примерно 40 лошадей. Однако в годы войны численность их колебалась в пределах 15 – 20 голов.

Не были надлежащим образом организованы и бытовые условия.

Испытательный стенд жидкостного реактивного двигателя авиаторы вынуждены были построить новый, а так же деревянный ангар за забором Правленского сада, на берегу билимбаевского пруда в непосредственной близости от главного корпуса Билимбаевского труболитейного завода. По воспоминаниям Чертока Б.Е., испытательный стенд закончен был в конце января 1942 года.

Довольно сложно обстояло дело и с размещением рабочих. Эвакуированных рабочих и ИТР авиапредприятий большей частью разместили в домах билимбаевцев. Дочь авиаконструктора Камова (цех по производству автотоплива разместили в клубе БТЗ – Свято-Троицком

храме) вспоминала:

"Билимбай был небольшим рабочим поселком, с деревянными в основном домами. Приезд москвичей сразу внес в его жизнь бурное оживление. Население поселка увеличилось почти вдвое. Камовых приняла к себе приветливая и трудолюбивая женщина, Прасковья Владимировна" [3].

Один дом начали строить, но закончили его в 1945 году, когда авиаконструкторы вернулись в Подмосковье.

Именно на этой материально-технической базе был доработан и построен первый советский истребитель с ракетным двигателем БИ-1 (Березняк – Исаев –1).

Сроки создания БИ-1 следует обговорить особо. Как вспоминал нарком авиапромышленности Шахурин А.И., с инициативой создания перехватчика с реактивным двигателем Болховитинов В.Ф. обратился в наркомат в самом начале войны. В августе начинание поддержал Сталин И.В., и установил срок создания опытного образца – один месяц. Опытный образец без двигателя сделали еще на базовом заводе в Химках, а самая сложная работа – создание двигателя происходила в Билимбае[4].

Таким образом, первый советский истребитель с ракетным двигателем был разработан и построен в эвакуации на металлургическом, а не на авиационном предприятии с довольно скромными энергетическими и транспортными возможностями, в приспособленных помещениях, в наскоро выстроенном ангаре.

Иные возможности были у германских конструкторов и производителей Me-163 – первого германского самолета с ракетным двигателем.

Его прототип первоначально разрабатывался в немецком институте планеризма (ДФС) в хорошо охраняемом и специально построенном конструкторском бюро ДФС в Дармштадте. Однако в конце 1938 года стало ясно, что для дальнейших разработок требуется серьезная производственная база. Поэтому проект авиаконструктора Александра Липпиша был передан концерну АГ "Мессершмит" на авиазавод Вилли Мессершмита в Аугсбурге. Здесь так же был сформирован специальный отдел "Л" численность которого была значительно расширена. В 1939 году в отделе работал 91 человек. Трое из которых, помимо Липпиша имели докторскую степень.

Изготовление испытательных образцов велось на специализированных авиационных предприятиях[5].

Для сравнения: еще в мирные месяцы весны 1941 года в КБ Болховитинова Березняку и Исаеву выделили комнатку 25 кв. метров для работы над истребителем БИ с ЖРД.

Активно использовался для испытаний Me-163 и исследовательский ракетный центр в Пенемюнде, где численность только основного персонала достигала 15 000 человек. Имелась самая мощная в Европе аэродинамическая труба, крупнейший завод по производству жидкого кислорода и т.д.

Отдельные узлы Me-163 поставлялись с многочисленных заводов по всей Германии, сборка осуществлялась в Шварцвальде. Готовые самолеты перевозились на тщательно охраняемых ж/д платформах в Лечфельд, где их облетывали гражданские пилоты, а потом их поставляли в люфтваффе.

Во второй половине 1944 года, когда Me-163 немецкая промышленность уже испытывала серьезные трудности, вызванные тотальными бомбардировками рейха, а также оттоком квалифицированных инженеров и рабочих на фронты. Ощущался дефицит сырья, топлива и электроэнергии, нередко были перебои с их поставкой. Транспортное сообщение между предприятиями было затруднено. Как результат, ни один месячный план выпуска самолётов не был выполнен, а производственные расходы возросли в несколько раз.

Однако к этому времени Me-163 уже был создан. И налеты англо-американской авиации на его создание практически никак не повлияли.

Конечно, сравнивая условия создания двух самолетов: советского и германского, следует признать, что созданный фактически в "полевых условиях" советский ракетный истребитель БИ-1 показывал более низкие летные качества, чем Me-163 и первый свой полет совершил чуть позднее. Однако очевидно и то, что советские конструкторы и авиастроители использовали имевшиеся в их распоряжении производственные возможности и ресурсы куда более эффективно, чем их германские оппоненты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Черток Б.Е. Ракеты и Люди. М., 1999.С. 111.
2. Гусев А.В. Билимбаевский труболитейный завод в годы Великой Отечественной войны// Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. 2012. №9–10 С.9 – 10.
3. Кузьмина Л.Л. Неизвестный Камов: гений вертикального взлета. М.,2009. С.64.
4. Шахурин А.И. Крылья победы. М., 1990.С.71.
5. Харук Андрей. Me-163 "Komet" истребитель "летающих крепостей". М., 2013. С.28.

СВЕРХУРОЧНЫЕ РАБОТЫ НА ТРУБНЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ УРАЛА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

OVERTIME WORK ON THE TUBE FACTORIES IN THE URALS DURING WORLD WAR II

A. Gusev

Annotation

In this article the author examines the factors influencing the introduction, the amount and dynamics of overtime on the tube factories in the Urals during the Great Patriotic War. Also in the article compares similar processes in the other members of the Second World War, and also provides a comparison of the length of the working day during the world wars of XX-th wreath.

Special attention is also paid to the crop failure in 1942, as a factor to influence the working hours of pipe enterprises in the Urals and the amount of overtime.

Keywords: Great Patriotic War, the pipe industry, the Urals, metallurgy.

Гусев Анатолий Васильевич
Соискатель,
Уральский федеральный
университет

Аннотация

В данной статье автор рассматривает факторы, влиявшие на введение, количество и динамику сверхурочных работ на трубных предприятиях Урала в годы Великой Отечественной войны. Кроме того в статье сопоставлены аналогичные процессы на предприятиях других участников второй мировой войны, а так же дается сравнение продолжительности рабочего дня в годы мировых войн XX-го века.

Особое внимание в статье так же уделяется неурожаю 1942 года, как фактору повлиявшему на продолжительность рабочего дня трубных предприятий Урала и количество сверхурочных.

Ключевые слова:

Великая Отечественная война, трубная промышленность, Урал, металлургия.

Самоотверженный труд уральских металлургов, в том числе и на трубных предприятиях в исторической литературе описан достаточно объемно. Одним из ключевых мест в этих описаниях служит продолжительность рабочего дня рабочих. Не редко именно высокой продолжительности рабочего дня на советских предприятиях в годы войны исследователи пытаются объяснить тот факт, что советская промышленность смогла обеспечить воюющую армию всем необходимым для победы над Германией и ее союзниками.

В работе по 12 и более часов в день одни исследователи видят факт героизма, другие – бесчеловечную эксплуатацию рабочего класса тоталитарным режимом.

Однако в действительности для большинства рабочих (от 40 лет и старше) советских предприятий начала войны 12-часовой рабочий день был привычным явлением во времена их молодости.

Средняя продолжительность рабочего дня промышленных рабочих Урала в начале XX века составляла 10,5 часов. [1]

Однако на практике сверхурочные введенные по инициативе владельца предприятия были делом обыденным.

И работа по 13 – 15 часов в день была достаточно массовым явлением [2].

В этой связи необходимо отметить, что в период Великой Отечественной войны продолжительность рабочего дня на промышленных предприятиях СССР регулировалась рядом законодательных актов. Прежде всего, следует упомянуть Указ президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года "О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений".

Этот Указ отменял неделю-шестидневку и переводил рабочих и служащих предприятий и учреждений, работавших ранее по 6–7 часов, на 8-часовой рабочий день, за исключением рабочих на вредном производстве.

Одновременно данный Указ запрещал самовольный переход работников с одного предприятия на другое и устанавливал наказания за опоздания и прогулы. Появление этого Указа объясняется военной угрозой.

Государства Запада и Востока, готовящиеся ко вто-

рой мировой войне поступали подобным образом. Одними из первых начали увеличивать рабочий день и ограничивать права рабочих предприятий Германия и Франция. В Германии ограничивать свободу перехода с одного места работы на другое начали еще в 1934 году, запретив свободный переход на новое место работы в другой регион. В 1936 году были введены трудовые книжки, чтобы контролировать потоки рабочей силы. А к сентябрю 1939 года рабочие Германии окончательно лишились свободы выбора места работы даже в рамках своего региона. [3]

Законодательно разрешалось и увеличивать продолжительность рабочей недели до 72 часов, а для женщин и молодежи – до 60 часов.[4]

Правда, немецкие историки утверждают, что воспользоваться данным правом германским работодателям за все время второй мировой войны так и не пришлось. Максимальная продолжительность рабочего времени на военных предприятиях Германии составила в 1941 году 50,3 часа в неделю. [5]

Во Франции 40-часовую рабочую неделю отменили 15 ноября 1938 года и увеличили рабочее время до 50 часов. Одновременно рабочих фактически закрепили за предприятиями.[6]

Японский работодатель пошел значительно дальше. В марте 1941 года в Японии ввели "рабочие книжки" и рабочие закреплялись за предприятиями. Продолжительность рабочего дня увеличивалась с 1938 года постепенно и в 1942 году по официальным данным, достигла 12 – 13 часов.[7]

Таким образом, вышеупомянутые меры происходили в разных государствах вне зависимости от политического режима в условиях надвигающейся или уже начавшейся войны.

В Советском Союзе продолжительность сверхурочных работ регулировалась Указом Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 года. Данным Указом директорам предприятий разрешалось устанавливать продолжительность обязательных сверхурочных работ длительностью от одного до 3 часов в день. С полуторной оплатой за сверхурочные.

Соответственно, максимальная продолжительность рабочего дня могла составлять 11 часов. Однако на практике случалось, что рабочий день длился и дольше. Более 11 часов руководство заставить человека трудиться не могло, но могло уговорить.

На трубных предприятиях Урала средняя фактическая продолжительность рабочего дня никогда не достигала максимума, разрешенного законом. Например, на первоуральском Новотрубном заводе фактическая средняя продолжительность рабочего дня была достигнута в 1942 году – 9,4 часа. А в 1943 году она снизилась до 8,6 часов, а в 1944 году снизилась до 8,4 часов. [8]

Главной причиной большого числа сверхурочных работ на трубных предприятиях Урала являлся острый дефицит рабочих рук. Особенно сильно он ощущался в 1942 и 1943 годах, когда в следствие неурожая снабжение продовольствием рабочих было крайне неудовлетворительным и на заводах резко выросло число невыходов по болезни – истощенные люди тяжело страдали и даже погибали от обычных простудных заболеваний.

По мере улучшения снабжения, снижалось и количество сверхурочных.

Причем особо длинная продолжительность рабочего дня была у рабочих. Она была значительно выше, чем в среднем по предприятию.

Общее изменение режима работы в 1943 и 1944 годах на первоуральском Новотрубном заводе среди рабочих (без учеников ремесленных училищ, инженерно-технического персонала и т.п.).[9]

График работы	Работало в среднем за год	
	1943 год	1944 год
На 6-часовом рабочем дне	19	112
На 7- часовом рабочем дне	335	337
На 8-часовом рабочем дне	1389	2232
Работали по 9 - 10 часов	103	165
11-11,5 часов через 24 часа	980	927
11 - 11,5 часов через 12 часов	1161	586

По отчету за 1943 год на Новотрубном заводе числилось 4487 штатных рабочих из которых только лишь 1437 человек или 32% имели нормальный рабочий день (не выше 8 часов), остальные 68% рабочих в 1943 году имели рабочий день продолжительностью 9 часов и выше. [10]

Причем значительная часть сверхурочных набиралась не за счет увеличения продолжительности рабочего дня, а вследствие непредставления нормального числа дней отдыха. [11]

К началу 1945 года на Новотрубном заводе удлинённый рабочий день имели более 300 работников из 7879 человек.

На первоуральском Старотрубном заводе самый пик количества сверхурочных так же приходится на 1942 и 1943 года. Далее идет резкое снижение. Так в среднем на одного работника Старотрубного завода в 1944 году в месяц приходилось 15,7 часов, то в 1945 году количество сверхурочных уменьшилось до 10,8 часов в месяц. [12]

Причем на Старотрубном заводе в 1945 году работа в выходные и сверхурочные допускалась только в исклю-

чительных случаях и только по личному разрешению, в каждом отдельном случае, с разрешения директора завода, либо главного инженера.

Относительно невысокое количество сверхурочных было и на Билимбаевском труболитейном заводе возобновившем свою работу в 1944 году.

Сверхурочные к рабочему времени за год, отработанные всеми работниками БТЗ составило всего 7,85%. [13]

С весны 1944 года на сокращение сверхурочных повлиял и приказ заместителя наркома черной металлургии В.С. Бычкова в соответствии с которым подросткам, предприятий НКЧМ директора заводов обязаны были предоставить дополнительные отпуска, причем в летние месяцы.

Из всего вышесказанного видно, что на трубных предприятиях Урала сверхурочные работы являлись крайней мобилизационной мерой в условиях дефицита рабочих рук, который имелся на всех трубных предприятиях в разной степени и зависел от целого ряда причин. Одной из которых следует признать сильнейшую засуху и неурожай 1942 года и, как следствие, истощение и высокую заболеваемость рабочих зимой 1942 – 1943 года.

ЛИТЕРАТУРА

1. История Урала с середины XIX века до нашего времени/под. ред. Н.Н. Попова. Екатеринбург. 2003 г. С.53.
2. Баранова Л.А. О продолжительности рабочего дня на московских фабриках в конце XIX – начале XX века//Вестник ЯрГУ. 2011., №2. С.37.
3. Паламарчук Е.А. Проблемы безработицы в нацистской Германии и методы их решения//Общественные науки. 2003. №1. С.45–46
4. История Германии. От создания Германской империи до начала XXI века./Под ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. Т.2. М. 2008. С.294.
5. Промышленность Германии в период войны 1939 – 1945 г.г. М. 1956. С.67.
6. История Франции/Под ред. Л.В. Манфреда. М., 1973 г. Т.3. С.207.
7. Савин А.С. Японский милитаризм в период второй мировой войны 1939 – 1945 г.г. М., 1975 г. С. 156.
8. Антуфьев А. А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992. С. 275
9. ГАСО.ф.Р2521.оп.1.д.100.л.42.
10. ГАСО.ф.Р2521.оп.1.д.88.л.36.
11. ГАСО.ф.Р2521.оп.1.д.100.л.43.
12. ГАСО.ф.219Р.оп.1.д.164.л.61.
13. ГАСО.ф.219Р.оп.1.д.164.л.33.
14. ГАСО.ф.219Р.оп.1.д.149.л.33.

© А.В. Гусев, (avgusev@list.ru), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»,

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ В ВОСПРИЯТИИ ЕВРОПЕЙЦЕВ XVII ВЕКА

CHILDHOOD AND YOUTH AS SEEN BY OF EUROPEANS OF THE 17TH CENTURY

M. Kovaleova

Annotation

The article tells about views of Europeans of the 17th century on childhood and youth, their age and psychological characteristics, reflected in art and literature. It explains the attitude to the life and death of children, customs, associated with their birth names, describes in detail the system of primary, secondary and higher education. When writing this article the writings of philosophers, writers, diaries and letters of contemporaries were used.

Keywords: the history of European culture of the 17th century, the history of education in the 17th century, the views of Europeans of the 17th century, childhood and youth in the 17th century.

Ковалева Марина Вячеславовна
ФБГОУ ВПО
"Госуниверситет – УНПК",
г. Орел

Аннотация

В статье рассказывается о взглядах европейцев 17 в. на детство и юность, их возрастные и психологические особенности, отражение в искусстве и литературе. Рассматривается отношение к жизни и смерти детей, обычаи, связанные с наречением именем, подробно описывается система начального, среднего и высшего образования. При написании статьи использовались сочинения философов, писателей, дневники и письма современников.

Ключевые слова:

История европейской культуры 17 в., история воспитания в 17 в., взгляды европейцев 17 в., детство и юность в 17 веке.

XVII в. впервые глубоко проявляет интерес к детским и отроческим годам человека. Хотя детей много рождалось и много умирало, осознаётся ценность раннего возраста, что выражается в частом заказе портретов младенцев, причём не только детей высокопоставленных лиц и правителей, но и людей среднего достатка из ремесленной среды. Любящие родители, возлагая на отпрысков большие надежды, требовали от художников то придать детям героические черты, то черты мифологических персонажей наподобие Купидона или похищаемого орлом Ганимеда.

Смертность детей до года в среднем составляла 25%. До 10 лет не доживало почти 50% детей. [10, С.184] Даже большое количество детей совершенно не гарантировало с уверенностью продолжение рода. Известный испанский драматург Лопе де Вега (1562 – 1635) имел восемь законных и незаконных детей. Из них четверо умерли в детском возрасте, единственный сын погиб в возрасте 28 лет, одна дочь ушла в монахини и одна вышла замуж. У писателя был один внук. Из четырёх законных детей художника Рембрандта ван Рейна (1606 – 1669) пережил младенческий возраст и достиг совершеннолетия один сын, умерший в возрасте 27 лет и оставивший одну дочь. У Рембрандта также была одна незаконнорожденная дочь, имевшая двоих детей. Кардинал де Жуайёз при жизни прославился "непостоянством в отношении к нему фортуны", так как "из пяти его братьев, среди кото-

рых лишь он один служил Церкви, трое погибли в сражениях и на дуэлях; четвёртый умер капуцином, все четверо не оставили после себя потомства", и лишь старший имел одну дочь. [13, С.290]

Жена английского посла в Испании, леди Фэншэв, излагая в мемуарах для сына историю своей семьи, писала: "Мой дорогой муж имел шесть сыновей и восемь дочерей, рождённых и окрещённых, и потерял более шести, трёх в разное время, а также трёх сыновей, когда я была в среднем возрасте. Харрисон, мой старший сын, и Генри, мой второй сын; Ричард, мой третий; Генри, мой четвёртый; и Ричард, мой пятый, все умерли; [...]; моя старшая дочь Энн похоронена в приходской церкви Танкерсли, в Йоркшире, где она умерла; Элизабет лежит в часовне Французского госпиталя в Мадриде, где она умерла от лихорадки в возрасте 10 дней; моя следующая дочь с таким же именем похоронена в приходской церкви Фут Крэй, в Кенте, возле Фрог-Пул, дома моего брата Варвика, где она умерла; и моя дочь Мэри лежит в склепе моего отца в Эртфорде, с моим первым сыном Генри. (...) Я благодарю Господа за живущих – тебя, твою незамужнюю сестру Кэтрин, Маргарет, вышедшую замуж за Винсента Грэнтхэма, эсквайра Гулто, Энн и Элизабет". [20, С.20–21]

Желание защитить своё потомство отразилось в обычаях присвоения имён. Выбор имени у католиков оз-

начал, прежде всего, выбор небесного покровителя – святого или святой. Когда необходимость в защите была особенно сильной, обращались к Богоматери. Если девочка могла получить имя Мария напрямую, то мальчику её имя присоединяли к мужскому имени. Увеличить количество святых заступников можно было путём увеличения количества даваемых имён. В Испании обычные дворяне имели право на 6 имён, гранды – на 12, а наиболее знатные могли не ограничиваться никакими рамками. Правда, незнатные европейцы, желая привлечь на свою сторону всю небесную рать, нашли выход в образовании имени со значением "Все святые", например, Сантос – в Испании, Душ–Сантуш – в Португалии, Туссен – во Франции. В XVII в. протестанты брали имена из Библии, например: Адам, Абрахам (Авраам), Джошуа (Иешуа), Джонатан (Ионафан), Дэвид (Давид), Мозес (Моисей), Ребекка (Ревекка), Рахел (Рахиль). В их среде создавались новые имена с религиозным уклоном, например, Готлиб (Бог + любовь), Христлиб (Христос + Любовь). [16, С.74–79]

Во Франции младенец проходил малый и большой обряд крещения. Второй обряд, при котором давалось личное имя, мог откладываться. Дворяне в быту именовались не по личным именам, а по своим титулам, часто включавшим название наибольшего из их владений. Этот обычай привёл к курьёзному случаю, который описывает в своих мемуарах герцог де Сен–Симон. Граф де Шарлю и его супруга только при составлении брачного контракта своего сына, маркиза де Леви, спохватились, что у него нет крёстного имени. Возник вопрос, был ли он вообще крещён. Пришлось обратиться к кормилице маркиза, которая, к счастью была жива, и смогла припомнить подробности крещения. [15, С.365]

Отношение к смерти детей изменилось в течение столетия. В начале века это событие было горем, перед которым следовало смириться, ибо оно было частым и обычным. Основатель французского классицизма Франсуа Малерб (1555 – 1628), обращаясь к другу Десперье, потерявшему 5–летнюю дочь, указывал, что он сам потерял двоих детей, но нашёл утешение в осознании бесполезности возмущения перед лицом смерти и в покорности провидению. [8, С. 607] Король Генрих IV упрекал свою жену в равнодушном отношении к серьёзной болезни сына. Кардинал Ришелье в своих мемуарах оправдывает её поведение: "Но тот, кто умеет читать в прошлом и настоящем, поймёт причину: она дорожила сыном по смерти отца больше, чем при жизни того, ведь теперь она не могла больше иметь детей". [13, С.138] Постепенно утверждается мысль о неповторимости и невозможности замещения одного ребёнка другим, какого бы возраста он ни был. Переживание утраты становится более острым и отчаянным. Мольер (1622 – 1673), посвящая сонет другу своего друга, аббата Ле–Вайе, советует ему не скрывать своего горя и не обращать внимания на приличия, ибо умерший унёс с собой не только сокровища своего ума и сердца, но и все родительские надежды. [8, С.693] Когда герцог де Грамон, маршал, узнал о смерти своего

сына, графа де Гиша, то, "оставшись наедине со святым отцом, бросился ему на шею, говоря, что тотчас догадался, какую весть тот ему принёс; что он принимает этот смертельный удар от Бога; что он теряет единственный предмет всей его нежности, всей присущей ему привязанности; что он никогда во всей своей жизни не испытал ни одной радости и ни одного огорчения, помимо своего сына". Герцог и священник отправились в церковь, где служили панихиду по графу: "Маршал вошёл туда дрожа, падая, его скорее поддерживали и подталкивали, чем носили его собственные ноги; его лицо было неузнаваемо... Он как человек, приговорённый к смерти". [14, С.198 – 199]

В начале XVII в. ещё сохранялся средневековый взгляд на семью, отрицающий ценность жизни в браке по сравнению с жизнью в безбрачии. Фрэнсис Бэкон (1561 – 1626), указывал, что великие люди не имели семей и детей. Вместе с тем он считал, что дети, увеличивая тяготы жизни, смягчают мысль о смерти. Он отмечал, что в современных ему семьях отношение родителей к детям во многих случаях неодинаково: "В доме, полном детей, можно видеть, что одного или двух старших уважают, а самых младших балуют; однако из средних детей, которых как бы забывают, не раз между тем выходили самые лучшие люди". Он советует родителям заботиться, чтобы привязанность детей к ним покоилась на авторитете, а не на кошельке. [5, С.364]

Детский возраст рассматривался период, когда человек ведёт себя естественно, отличается переменчивостью настроений и мнений, и совершает вследствие своей неопытности многочисленные ошибки. Однако ребёнок прелестен в своей непосредственности. Госпожа де Севинье обменивается с дочерью мнением о своих внуках: "Вы пишете, что ваш сын становится не так хорош собой, достоинства больше; жалею о его красоте и радуюсь его пристрастию к вину: частичка Бретани и Бургундии вместе с благоразумием де Гриньянов произведёт прекрасный эффект Ваша дочь составляет противоположность этому: она становится с каждым днём красивее, а её хорошие качества уменьшаются. Уверяю вас, что она очень хороша, но зато упряма, как маленький демон; у неё есть своя маленькая воля и свои маленькие фантазии. Она меня очень забавляет". [14, С.157]

Шарль Перро (1628 – 1703), как многие из современников, полагал, что ребёнок в целом отличается от взрослого только большей слабостью тела и ума, но эти недостатки исчезают по мере взросления. В принципе, он может понять любой предмет так же, как и взрослый, нужно лишь, применяясь к возрасту, объяснять ему кратко и просто, в занимательной форме: "Не достойны ли похвалы родители, которые своим детям, ещё не способным воспринимать истины существенные и ничем не приукрашенные, уже внушают к ним любовь и дают, так сказать, отведавать их, облекая в форму рассказов занимательных и приспособленных к их слабому младенческому разумению". Душа ребёнка ещё не испорчена и невинна.

[4, С.202–203]

Вместе с тем постепенно приходило осознание отличий психологии детей от взрослых. Жан де Лабрюйер (1645 – 1696), французский моралист, обращал внимание на такие особенности детского возраста как наблюдательность, меткость определений, обострённое чувство справедливости. Он выступал за соразмерность наказания за проступки, указывая, что чрезмерная жестокость портит детей так же, как и безнаказанность. [12, С.157] Рене Декарт отмечал, что дети легко плачут, но, в отличие от стариков, плачущих от сильной любви и радости, чаще всего делают это от печали, даже когда она не сопровождается любовью. При этом некоторые дети, когда сердятся, не плачут, а бледнеют. Это может быть свидетельством их рассудительности и храбрости, если они, уподобляясь взрослым, готовятся оказать сопротивление серьёзному злу, но чаще бывает следствием дурного характера, а конкретно проявления страха и зависти. [7, С.310–311] Подростковый возраст как таковой не отделялся от детства.

Период юности считался временем необузданных страстей, с которыми молодой человек не только не может справиться, но и не стремится к этому. Матео Алеман (1447 – 1614) писал: "Таков и безрассудный задор молодости: словно сверкающая молния, он избегает целей простых, доступных и обычных и устремляется к величайшим трудностям и сумасбродствам. Молодость не знает закона, не боится греха. Словно необъезженный конь, несётся она вскачь, не разбирая дороги, неведомо куда; вся во власти слепых порывов, она не даёт разуму оседлать её и испуганно шарахается от самой лёгкой ноши. Безумие её так велико, что даже исполнения всех прихотей ей мало". Отсюда следует вывод о необходимости держать юношей под контролем и подавлять их порывы, приучая к смирению и покорности, которые должны возобладать в более зрелом возрасте. [1, С.89] Фрэнсис Бэкон, подмечая незрелость мыслей юношей, отмечал их большую изобретательность и деятельность при условии, что они имеют уравновешенный характер. Те же, кто не способен управлять своими желаниями и чувствами, не готовы и к серьёзным делам: "Молодые люди, ведя свои дела и управляя ими, захватывают больше, чем могут удержать; будоражат больше, чем могут успокоить; несутся к цели, не обращая внимания на средства и желая достичь её сразу, одним махом; слепо следуют каким-то нескольким принципам, на которые они случайно наткнулись; легкомысленно вводят новшества, которые повлекут за собой непредвиденные неудобства; прибегают сразу к крайним мерам и – что усугубляет все их ошибки – не признают ошибок и не исправляют их; не идут на попятную, как нетренированная лошадь, которую не остановишь и не повернёшь". В серьёзных начинаниях Бэкон призывал сочетать деятелей разных возрастов, чтобы старшие и младшие могли скрадывать недостатки друг друга и взаимно дополнять достоинства, свойственные разным периодам жизни человека, "ибо старики пользуеться авторитетом, а молодёжь – любовью и популярностью". [5, С.448] Франсуа де Ларошфуко полагал, что молодость – "это постоянное опьянение, горячка рассудка", безудержное наслаждение жизнью. Указывая на стремление подростков выглядеть взрослыми и уверенными в себе, он подчёркивал их неумение сделать это: "Юношам часто кажется, что они естественны, тогда как на самом деле они просто невоспитанны и грубы". [12, С.75,92] Жан де Лабрюйер также полагал необузданность страстей и желаний отличительной чертой молодости. Неопытность и наивность юноши – государя в делах часто ведёт к использованию этих качеств людьми более старшими и коварными: "Молодость государя – источник многих крупных состояний". [12, С.336]

Если о способности принимать разумные и взвешенные решения юношей современные писатели были невысокого мнения, то об уме молодых девушек – ещё более низкого: "Ведь молодые девушки неразумны, они не умеют сами отличать дурное от хорошего, падки на всё, что блестит; они думают, что в замужестве всё сладко, а всё горькое и кислое бывает только дома у отца и матери". [1, С.395 – 396]

Если о способности принимать разумные и взвешенные решения юношей современные писатели были невысокого мнения, то об уме молодых девушек – ещё более низкого: "Ведь молодые девушки неразумны, они не умеют сами отличать дурное от хорошего, падки на всё, что блестит; они думают, что в замужестве всё сладко, а всё горькое и кислое бывает только дома у отца и матери". [1, С.395 – 396]

В испанской художественной литературе ранее всех прочих европейских литератур начинается подробно освещаться происхождение героя, его рождение и годы, проведённые в школе, колледже и университете, показывается влияние раннего жизненного опыта на дальнейшую жизнь человека. Самым первым романом, где прослеживается эта линия, является "Жизнь Ласарильо с Торреса", вышедшая ещё в 1554 г. Пример описания детства и юности рубежа XVI – XVII вв. даёт Матео Алеман в "Жизнеописании Гусмана де Альфараче, наблюдателя жизни человеческой". Его герой – незаконнорожденный сын обеспеченного знатного человека, который ни в чём не знает отказа и покидает родной дом ради поисков приключений только лишь от пресыщения. Жизнь ребёнка и подростка из нижней части среднего городского класса рисует в своём романе "История жизни пройдохи по имени дон Паблос" Франсиско де Кеведо-и-Вильегас.

Городская школа или домашний наставник, воспитание в доме знатного вельможи или колледж, а затем университет или военная служба – вот обычный путь молодого человека XVII в., принадлежащего к среднему или высшему классу, к взрослой жизни.

Начальная ступень образования в разных европейских странах находилась в руках местных властей или духовенства, или различных общин. Его задача состояла в том, чтобы дать ребёнку в первую очередь навыки знаний о религии и поведении, а также научить его азам чтения, письма и счёта. Результат, главным образом, ожидался от мальчиков. Не во всех европейских странах ставился вопрос о необходимости обучения девочек. В Испании начальные школы были частными. Девочки получали домашнее обучение, если их родители были сами достаточно просвещёнными. Очень многие отцы семейств продолжали придерживаться мнения, что излишние знания

портят нравственность женщин. В Италии начальное народное образование находилось на попечении благотворительных религиозных организаций или частных лиц. В Риме существовали благотворительные школы, курируемые духовными лицами, которые готовили талантливых бедных мальчиков для поступления в иезуитские колледжи. Девочки могли рассчитывать, главным образом, на домашнее образование или монастырскую школу.

В Голландии учителем мог стать каждый, кто получил свидетельство после письменного подтверждения исповедания реформатской веры и принесения присяги. Учителями работали как мужчины, так и женщины. Дети 3–7 лет обоего пола заучивали молитвы, алфавит и пели псалмы. Затем они переходили в школу, где обучались чтению, письму и четырём арифметическим действиям, основам религии и правилам поведения. Обучение проходило коллективно (дети хором повторяли за учителем) индивидуально (ученики по очереди подходили к учителю, отвечали урок или получали задание). Занятия в городе проходили в доме учителя, а в деревне – в сарае или амбаре. Получили распространение "французские" школы, где беженцы–гугеноты, кроме обычной программы, преподавали свой родной французский язык, считавшийся средством международного общения. [9, С.134,140]

Во Франции начальное образование полностью находилось в руках церкви. В деревнях учителя избирала община. Её выбор подтверждался епископом. Чаще всего учителями избирались деревенские нотариус или церковный кантор. Дети сначала учились читать на латыни, знанию литургических текстов, молитв и стихов, произносимых во время мессы. После их обучали чтению на родном языке, письму и правилам поведения. В городе обучиться писать можно было у профессиональных писарей, а также у содержавших частные школы письма и счёта учителей–каллиграфов. Ремесленники отвечали за обучение своих подмастерьев чтению, письму и счёту. Для беднейших устраивались школы для преподавания азов религии, чтения и письма, чтобы они могли стать хорошими слугами. [2, С.289,290,296,300] Население всё больше осознавало необходимость знаний для успешной социализации детей в жизни: "В конце XVII в. в Руане свидетельство о браке подписывают собственноручно 100% именитых граждан, 85% лавочников, 75% ремесленников и 38% рабочих". [3, С.391]

Движение по распространению начального образования во Франции возглавил французский священник Жан Батист Ла Салль (1651 – 1719). Его начало связано с группой из пяти учителей, которые обязались обучать детей в школах для бедных в Реймсе в 1679 году. Три года спустя благодаря Ла Саллю их начинание завершилось формулированием установлений новой организации, которая бы способствовала оказанию помощи бедным в получении образования. В 1684 г. Ла Саллем была создана организация "Братство христианских школ". Поскольку новые школы оказались востребованы, они вскоре распространились не только в окрестностях Реймса, но и в цер-

ковных приходах Парижа. Чтобы восполнить недостаток учителей, в 1684 г. Ла Салль создал учительскую семинарию. Для честолюбивых и талантливых бедных юношей под эгидой братства была открыта "Христианская академия", где они могли обучаться рисованию, геометрии и архитектуре по воскресеньям. Образовательные цели "христианских братьев" были преимущественно религиозными. К теоретическим предметам они прибавляли практические занятия. Дети изучали чтение, письмо, арифметику, религию, наставления в поведении, историю, математику, ботанику, географию, рисование, архитектуру, гидрографию, навигацию, различные технические предметы. Практиковались ручной труд и профессиональное обучение. [18, С.140 – 142]

Движение, связанное с распространением начального образования, охватило и Германию. В 1619 г. герцог Веймарский издал указ о том, что все дети, как мальчики, так и девочки, должны с 6 до 12 лет посещать школу. Это был первый обязательный закон об образовании, охватывавший детей всех классов. В 1642 г. герцог Эрнст Готский принял новый школьный устав, согласно которому в его владениях каждый ребёнок должен был ходить в школу, начиная с шести лет и оставаться там до тех пор, пока не научится хорошо читать на языке своей матери, считать, писать, петь псалмы. Также он был обязан усвоить основы религии. Главным дефектом начального образования в Германии было отсутствие компетентных учителей. В их число попадали отставные солдаты, студенты–неудачники, опустившиеся ремесленники – все, кто хоть немного умел читать и писать, а также знал азы музыки. Профессия учителя была низкооплачиваемой и непристойной. [22, С.207–208]

В Англии начальное образование дети обоих полов получали в приходской школе, где их должны были обучать основам религии. В то время как мальчики дополнительно занимались чтением, счётом и письмом, девочки, в основном, обучались вязанию и прядению. Редко кто из них умел читать, и почти никто писать. При желании состоятельные родители могли нанять учителей и дать им дополнительное образование дома. [11, С.51–52]

Получить сразу среднее и высшее образование во многих европейских странах можно было в колледже (коллеже), входившем в состав университета. В католических странах лучшие из них принадлежали иезуитам. Иезуиты сами не занимались начальным образованием. Дети, поступающие в их учебные заведения, должны были уметь читать и писать. Иезуитское образование состояло из низшего колледжа с гимназическим курсом и высшего колледжа, дававшего университетское образование. В низший колледж поступали мальчики с 10 до 14 лет, которые обучались там 5–6 лет. Первые три класса тщательно изучалась латинская грамматика, а также немало греческий язык. В четвёртом читали латинских и греческих поэтов и историков. В последнем классе, где учились два года, происходило изучение классических авторов с риторическим уклоном. Полный курс высшего

колледжа длился 7–9 лет. Первые три года изучалась философия с присвоением звания магистр искусств, а следующие 4–6 лет – богословие. Многие иезуиты по окончании курса философии несколько лет проводили в колледжах с юридическим уклоном, прежде чем приступить к богословскому курсу. Кроме теологии, богословский курс предусматривал изучение восточных языков, включая еврейский, Церковной истории, разных религиозных направлений. Один или несколько учеников могли быть избраны для дальнейшего углубления знаний и приготовления тезисов. После публичного экзамена счастливый кандидат получал степень доктора богословия. Полный курс обучения у иезуитов, таким образом, мог длиться 18–20 лет.

Технология обучения заключалась в устном объяснении, которое затем заучивалось или записывалось. В начале учитель знакомил учащихся с основным значением отрывка или предложения, затем детально разбирались конструкция и фразеология, с приведением подобных конструкций в текстах других авторов. Следом шёл информативный комментарий, изучались риторические фигуры и извлекался моральный урок. Обучение у иезуитов требовало большого напряжения памяти. Переработать большой объём материала помогали короткие по длительности занятия и смена предметов.

Проверки знаний были частыми и систематическими. Каждый день начинался с повторения изученного накануне и заканчивался проверкой изученного только что. Неделя завершалась проверкой того, что было изучено за этот срок. Последний месяц каждого года проверялись знания за год. Также в обучении использовались методы соперничества (деления учащихся на пары "соперников", которые должны были контролировать поведение и обучение друг друга), наград и наказаний, организации публичных диспутов между двумя спорящими сторонами. Ученики, проявлявшие способности и желание учиться пользовались большей свободой в школе, чем остальные. Система воспитания иезуитов базировалась на абсолютном подчинении и строгости, подавлении индивидуальности и своеволия. В небольших колледжах обучалось в среднем 300 учеников, в то время как в больших учебных заведениях их могло быть до 1–2 тысяч. [18, С.134–137]

В Испании значительная часть средних учебных заведений для мальчиков находилась под руководством ордена иезуитов. Лопе де Вега учился в Королевском колледже ордена иезуитов в Мадриде (основан в 1572 году), куда принимали детей богатых дворян, а также талантливую юношей, не имевших собственных средств для обучения. Учащиеся в этом учебном заведении могли получить денежное вспомоществование на покупку одежды и книг. В колледже, главным образом, изучались гуманитарные науки: теология, античная литература, латынь. Учеников знакомили с основными понятиями евклидовой геометрии и началами философии. Они участвовали в театральных постановках. Физическое воспитание осу-

ществлялось через обучение танцам и фехтованию. [6, С.49–51]

В Италии также были распространены иезуитские колледжи. Одним из самых знаменитых был Испанский колледж в Болонье, основанный кардиналом Альборносом. Он готовил чиновников и юристов во все доминионы короля Испании в Италии (Милан, королевство Неаполь, Сицилия). Колледж имел красивое здание с церковью. Его украшали портреты выпускников, занявших видные должности. Никто не мог жить на территории учебного заведения, кроме природных испанцев (за исключением священников), и те испанцы должны были иметь степень докторов права. Учащиеся тщательно изучали язык и обычаи той страны, где им надлежало работать. Колледж владел двумя каретами. В нём останавливались все проезжие испанские послы, кардиналы и прелаты. [19, С.149]

Во Франции иезуиты лишь частично контролировали обучение и воспитание мальчиков и подростков. Поступали в коллежи в возрасте 8–9 лет и большинстве покидали их в возрасте 15–16 лет. Университетский квартал в Париже занимал почти четверть города и был густо населённым. В описании Парижа от 1687 г. сообщается, что в нём насчитывалось тридцать коллежей, в девяти из которых сохранялись низшие классы. [17, С.3] Богословие преподавалось преимущественно в Сорбонне и Наваррском коллежах. Гражданское и каноническое право изучали в коллеже Бовэ. Французское право изучали в коллеже Камбрэ. В коллеже на улице Бушери осваивали медицину и имели собственный медицинский амфитеатр для вскрытия тел. [17, С.5]

Коллеж Клермон находился в руках иезуитов. Он был основан Гильомом Дюпра, епископом Клермона и первоначально располагался в его доме. По завещанию епископа учебное заведение получило 3000 ливров ренты и значительную сумму денег, на которую был куплен участок земли на улице Сен-Жак. Здесь ученики получали гуманитарное образование. Особое внимание уделялось сохранению чистоты религии. В Клермоне насчитывалось до 2–3 тысяч учеников, многие из которых приезжали из-за границы. Ученики изучали разом и религиозные, и светские дисциплины. Здесь изучались богословие, философия и математика, но лишь теми, кто собирался стать иезуитом или не собирался получать степень в университете. Те же, кто хотел стать магистром или доктором, обязаны были изучать данные науки в коллежах университета. Иезуиты тщательно следили за тем, чтобы их ученики каждый месяц ходили к исповеди и славились качеством обучения. [17, С.40–42]

Коллеж Мармутье славился редкой библиотекой, в которой были не только древнееврейские древние манускрипты, но и книги по истории Испании и её провинций. В нём хранилась коллекция древних медалей. Среди преподавателей было много авторов знаменитых в своё время сочинений. Учащиеся Мармутье ставили небольшие трагедии, на которые приглашались зрители. После

Пасхи объявлялся конкурс трудных вопросов, за ответ на которые полагались призы. Проводилась защита тезисов. Случалось, что призы вручал сам король. Самым грандиозным представлением коллежа была ежегодная постановка в августе большой трагедии, для чего двор превращался в сцену. Актёрами были ученики, преимущественно сыновья знатных персон. В перерывах между актами танцевали балет. [17, С.43–44]

Коллеж Сорбонна считался одним из главных украшений Парижа. Его прекрасный внешний вид сравнивали с великолепной репутацией его выпускников. Первое здание коллежа было построено Робером де Сорбонн, духовником короля Людовика Святого. Впоследствии кардинал Ришелье перестроил здание. Библиотека коллежа располагалась в двух больших комнатах, в которых проходили богословские диспуты и защита тезисов. В ней хранилось два тома "Истории Рима" Тита Ливия, написанные на пергамене и переведённые на французский язык для короля Карла V. Каждая глава "Истории" открывалась миниатюрой и украшалась цветочной вязью, выполненной золотом. Кроме того, библиотека содержала обширную богословскую литературу. Сорбонна считалась одной из лучших богословских школ. [17, С.71,74,75] В дневнике англичанина

Д. Эвелина сохранилось описание занятий в Сорбонне, куда он отправился послушать лекции с ирландским джентльменом Дж. Воллом, который прежде был монахом в испанском монастыре, а ныне пребывал наёмным солдатом, капитаном кавалерийских войск в Германии: "Мы вошли в школу, и на занятии по богословию нашли важного доктора в его кресле с многочисленными слушателями, которые все писали то, что он диктовал; это у них называлось курсом. Мы посидели немного, и наш кавалер (ирландец – авт.) начал диспут в грубом тоне с доктором; и особенно потому, что он был одет в испанском стиле, который почитается в Париже подобным пугалу, студенты и доктор покатались со смеху, так что никто не мог услышать, что говорит другой; но тишина была достигнута, он начал говорить на латыни, и произнёс апологию таким хорошим стилем, что их насмешки сменились восхищением; начав обсуждение, он так сбил с толку профессора, что они поднялись с всеобщими аплодисментами и воздали ему великие почести, поджидали на улице нас и нашу карету, и выказывали великое удовольствие". [23, С.45–46]

Коллеж Трезорьер обучал богословию приезжих из-за границы. Здесь лекции читали шесть докторов – три с утра и три после обеда. Трезорьер считался очень хорошей школой. Он организовывал публичную защиту тезисов. [17, С.72] Коллеж Четырёх наций был основан на деньги кардинала Мазарини и открылся в 1689 году. Он получил библиотеку кардинала, которая два раза в неделю была доступна и посторонним лицам. Коллеж предназначался для дворян из недавно присоединённых к Франции провинций – Артуа, Эльзаса, Пиньероля и Руссильона. [17, С.148–149]

Ученики коллежей могли проживать в специальных общежитиях, приходили на учёбу из дома, могли жить у родственников, снимать комнаты или квартиры в городе, а также поселиться в доме главы коллежа.

Вариант католического образования, противоположный иезуитскому, был представлен школами янсенистов. Доктрина янсенизма, враждебная учению иезуитов, была сформулирована в 1621 г. Корнелисом Янсенем, профессором Лувенского университета. Она выступала за то, что Христос принял муки отнюдь не за всех людей, и благодать его коснётся лишь истинно верующих, строго выполняющих заповеди религии. Оплотом янсенизма во Франции стал монастырь Пор-Рояль в Шеврёзе. При монастыре была основана школа, подобные которой быстро появились и в окрестностях. В каждой училось не больше 20–25 человек. На одного учителя приходилось по 5–6 мальчиков, за которыми учитель осуществлял круглосуточный контроль. Обучение начиналось не с латыни, а с родного языка. Латынь изучали через минимум грамматики. Написанное по-французски переводили на латынь и обратно. Сходным способом изучали греческий. Курс был более литературным и не годился для тех, кто хотел бы в дальнейшем заняться наукой. Старшим ученикам преподавались логика и геометрия. Из методики преподавания почти полностью исключались соперничество и награды. Такие школы с их более мягкими и свободными нравами были не способны обеспечить порядок, серьёзность и благочестивый настрой, царившие в иезуитских колледжах. Они были закрыты в 1661 г. указом Людовика XIV благодаря влиянию иезуитов. [18, С.138–140]

Для протестантов существовали похожие на католические коллежи академии, где за счёт философии увеличивалось время на изучение теологии.

Подготовку к армии во Франции осуществляли различные военные академии. Академия Антуана дю Плювинеля, одного из воспитателей Людовика XIII, занималась подготовкой кавалерийских офицеров. Она открылась в 1594 году. В академии обучали прикладной математике, фортификации, фехтованию, верховой езде, танцам, геральдике, игре на лютне. Существовала Королевская Академия при королевских конюшнях. Там обучали фехтованию, верховой езде, письму, математике, рисунку, танцам и военным наукам. Академии как вид учебных заведений исчезли в XVIII веке. [2, С.211,213,215]

В Англии знаменитые университеты также состояли из колледжей. Итальянский путешественник Коронелли, посетив Оксфорд, отметил, что в городе проживает 10000 жителей, а число студентов временами достигает 3000 человек. Он называет следующие колледжи, входившие в состав университета: Мертон, Балиол, Эксетер, Ориэл, колледж Королевы, Новый колледж, Линкольн, колледж Всех Святых, колледж Магдалины, Брэйзеноуз, Тела Христова, Крайст-Чёрч, Тринити, святого Иоанна, Иисуса, Пембрук. Существовало семь общежитий, где студенты жили на собственные средства. Самая крупная библиотека университета была основана дипломатом и

учёным Томасом Бодли. Её зал украшали портреты знаменитых профессоров. Кроме того, имелись свои библиотеки в каждом колледже и у каждого студента. Университет владел кабинетом медалей и небольшим музеем редкостей. Генри Данвер, граф Данби, подарил университету ботанический сад, обнесённый каменной стеной, который располагался на берегу реки. Здесь составлялись гербарии, а медики разводили лекарственные травы. Имелась химическая лаборатория с печами и инструментами. В прилегающей к ней комнате находился склад необходимых материалов и библиотека книг по химии, натуральной истории, философии и другим наукам.

Кембриджский университет славился не меньше Оксфордского. Он состоял из 12 колледжей и 4 общежитий. [24, С.174–179]

В Италии славился Падуанский университет, где обучали всем наукам. Анатомический театр там появился ещё в 1594 году. 25 июня 1678 г. в Падуанском университете впервые получила докторскую степень женщина – Елена Корнаро Пископия (1646 – 1684). [21, С.292]

Среди испанских университетов наиболее уважаемыми являлись Саламанка и Алькала, оплоты богословия, но их методы преподавания под влиянием целенаправленной политики властей, опасавшихся новшеств, становились всё более схоластическими.

Девочки–подростки получали образование дома или в монастыре. Главный упор при этом делался на религиозное воспитание и рукоделие. Также их обучали чтению, письму и счёту. Иногда родители добавляли к перечисленным предметам пение, музыку и танцы. Все эти ухищрения должны были помочь подросшей девушке "поймать" выгодного жениха, выйти замуж и стать хорошей женой. В Англии во второй половине XVII в. получили распространение женские школы, где воспитанницы проводили от 20 дней до нескольких лет. Кроме религиозных наставлений, чтения, письма и счёта они изучали иностранные языки, получали некоторые сведения из истории и географии, а также обучались танцам, музыке и рисованию. [11, С.43]

ЛИТЕРАТУРА

- Алеман, Матео. Жизнеописание Гусмана де Альфараче, наблюдателя жизни человеческой: в 2 тт./Матео Алеман. – Т.1. – М.: Издательство художественной литературы, 1963.
2. Арьес, Ф. Ребёнок и семейная жизнь при Старом порядке. / Ф.Арьес. – Екатеринбург, 1999.
3. Блюш, Ф. Людовик XIV. / Ф.Блюш. – М.: Ладомир, 1998.
4. Бойко, С. Шарль Перро. / С.Бойко. – М.: Молодая гвардия, 2005.
5. Бэкон, Фрэнсис. Сочинения в 2-х тт. / Фрэнсис Бэкон. – Т.2. – М.: Мысль, 1972.
6. Варга, С. Лопе де Вега. / С.Варга. – М.: Молодая гвардия, 2008.
7. Декарт, Р. Сочинения. / Р.Декарт. – Калининград: Янтарный сказ, 2005.
8. Европейская поэзия XVII в. / Сост. И. Бочкарёва, Ю.Виппер и др. – М.: Художественная литература, 1977.
9. Зюмтор, П. Жизнь Голландии во времена Рембрандта. / П.Зюмтор. – М.: Молодая гвардия – Палимпсест, 2001.
10. История Франции. / под ред. Ж. Карпентье. – СПб.: Евразия, 2008.
11. Лабутина, Т.Л.. Воспитание и образование англичанки в XVII веке. / Т.Л. Лабутина. – СПб: Алетейя, 2001.
12. Ларошфуко, Ф. де. Суждения и афоризмы. / Ф. де Ларошфуко, Б.Паскаль, Ж. де Лабрюйер. – М.: Издательство политической литературы, 1990.
13. Ришелье, Арман Жан, кардинал, герцог де. Мемуары. / Арман Жан, кардинал, герцог де Ришелье, – М.: АСТ, 2008.
14. Маркиза де Севинье, Мари дё Рабютен–Шанталь. Письма. / Мари дё Рабютен–Шанталь, маркиза де Севинье. – СПб: Азбука, 2012.
15. Сен–Симон. Мемуары.1691 – 1701. / Сен–Симон. – М.: Ладомир – Наука, 2007.
16. Шаницин, А. Имена и революции. / А. Шаницин. – Атеистические чтения. – №19. – М.: Политиздат, 1990. – С.74 – 79.
17. A new description of Paris. Translated out of French. – London: printed for Henry Bonwicke, at the Red Lion in St.Paul's Church-yard,1687. – Part. II.
18. Graves, F.P. A History of education. / F.P. Graves. – New York: The Macmillan company, 1916.
19. Lassels, R. The voyage of Italy. In two parts. / R.Lassels. – Newly printed at Paris, and are to be sold in London, by John Starkey, at the Mitro in Fleet–street near Templ–Barr, 1670. – P. 149.
20. Memoirs of lady Fanshave. – London: Henry Colburn, New Burlington street, MDCCCXXIX.
21. Robin, D.M. Enciclopedia of Women in the Renaissance: Italy, France and England. / D.M. Robin, A. Larsen, C. Levin. – ABC–Clio, 2007.
22. Seeley, Levi. History of education. / Levi Seeley. – New York – Cincinnati – Chicago: American book company, 1914.
23. The Diary of John Evelyn. Edited from the original mss. By William Bray. In two volumes. Vol.1. With a biographical introduction by the editor and a special introduction Richard Garnett LL.D. of the British Museum. – New York&London, 1901.
24. Viaggi del P. Coronelli. Parte prima. – Venetia, per Gio. Battista Tramontino, 1697.

РОЛЬ КАНАДЫ В ОСВОЕНИИ АРКТИЧЕСКОГО ШЕЛЬФА

CANADA'S ROLE IN THE DEVELOPMENT OF THE ARCTIC SHELF

M. Novoselov

Annotation

Among the arctic countries, Canada and Russia have the largest territories in that region. Arctic north is full with different resources, based on that it has a strategic status. In view of the factor that this region is becoming more popular among different countries and the Canadian border located very close, Canada has to protect its national interests by increasing the limit of the military troops, organizing researching and humanitarian missions between arctic countries.

Keywords: Canada, foreign policy, international partnership, Arctic region, north, arctic countries.

Новоселов Максим Александрович
Аспирант,
Российский Университет
Дружбы Народов

Аннотация

Среди арктических стран, Канада и Россия занимают первые места по площади занимаемой территории в этом регионе. Арктический север довольно богат разнообразными природными ресурсами, в связи с чем этот регион получил статус стратегического. В виду особой популярности среди других стран и близости к своей границе, Канада вынуждена отстаивать свои национальные интересы путем увеличения военного присутствия в регионе, через совместные научно-исследовательские и гуманитарные мероприятия с другими арктическими странами.

Ключевые слова:

Канада, внешняя политика, международное сотрудничество, Арктический регион, север, арктические страны.

На основании современного международного права к арктическим государствам относят Канаду, США, Россию, Данию и Норвегию. Северные районы богаты запасами нефти, газа, метана, кроме этого присутствуют запасы: золота, алмазов, меди, цинка. Таким образом Арктический регион является стратегическим в плане освоения и использования ресурсов. Единственной сложностью на данный момент является труднодоступность шельфа, климат и, как результат, отсутствуют технологии добычи в таких сложных условиях. Согласно канадским учёным, понятие "Канадская арктика" с географической точки зрения включают в себя не только северные, но и южные территории, граничащие с Полярным кругом. Таким образом территория "Канадского севера" включает в себя: северо-западные территории Канады, территорию Нунавут, Юкон и острова включительно до Северного Полюса. В этом регионе проживает более 107 тысяч человек, что составляет около 40% площади всей Канады. [1]

Арктическая политика Канады строится на основании документа под названием: "Северная стратегия Канады: наш север, наше наследие, наше будущее" от 2009 года. [2] Первое направление стратегии состоит в следующем: защита суверенитета страны. Одной из задач для выполнения этого шага состоит в укреплении военного присутствия в данном регионе. Другими словами – осуществлять контроль территории от иностранного вторжения,

как на море, так и в воздухе и на суше. Второе направление, которое довольно популярно среди канадцев – развитие социально-экономической составляющей данного региона. Поддержание социальной системы, здравоохранения, образования, для того, чтобы уровень жизни населения севера стал ближе к жителям южных территорий Канады. Государство планирует в ближайшее время выделить на эти цели более 2,5 млрд. долларов. Третьим направлением, является защита и сохранение окружающей среды региона. Среди основных задач – экономия энергии и создание национальных парков. Последнее направление заключается в поддержке коренного населения, финансовыми и материальными средствами. Таким образом, Канада стремится освоить территорию севера и сделать её комфортной для проживания местного населения.

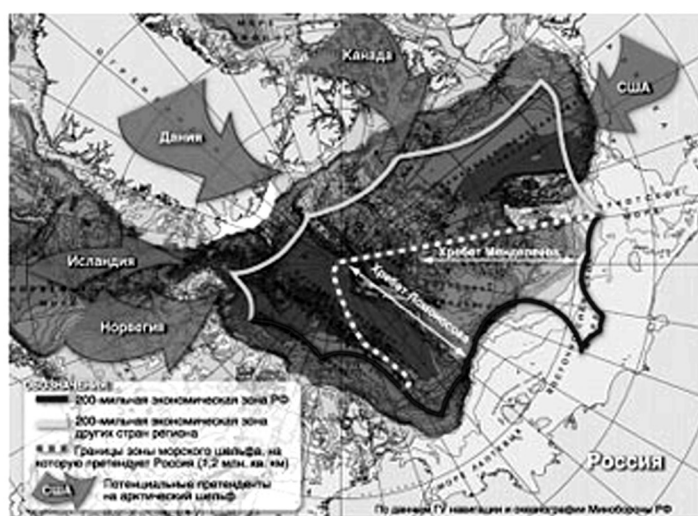
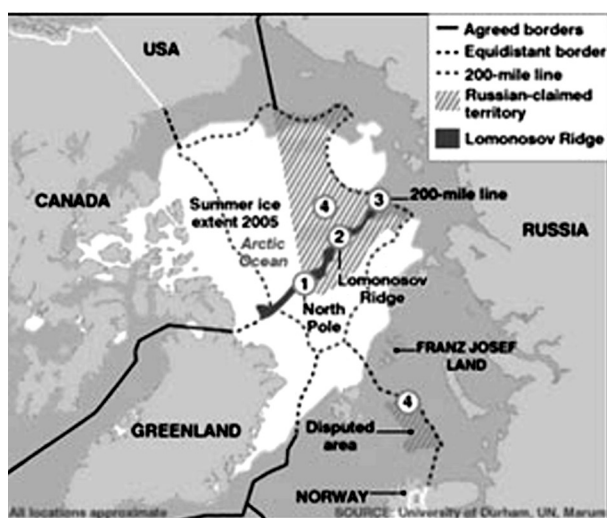
В период Холодной войны, безопасность в районе Арктики прежде всего ассоциировалась с борьбой против Советского Союза. В это время только у США была возможность противопоставить себя СССР, поэтому и защита Арктического региона также была в руках у Соединённых Штатов и Канада никаким образом этому не мешала. В настоящее время прямые военные угрозы в этом регионе для Канады отсутствуют. Но учитывая тот факт, что территория недостаточно освоена, то обеспечив военное присутствие в регионе, постепенно будет развиваться и инфраструктура региона.

Наряду с обсуждением освоения северных территорий, особого внимания заслуживают территориальные споры, которые возникают между Канадой и арктическими странами. Основной из них – это территория арктического шельфа на месте подводного хребта им. Ломоносова. Страны, которые претендуют на расширение своих территорий – Канада, Россия, Дания. Именно с подачи заявления со стороны России в Комиссию ООН по границам континентального шельфа, начались дебаты по расширению территорий. Еще в 2008–2009 годах, были организованы американо-канадские исследования континентальной платформы, с целью доказать, что хребет является продолжением континента. На данном этапе вопрос находится в процессе рассмотрения комиссией ООН. Кроме хребта им. Ломоносова, есть разногласия с Соединенными Штатами относительно морского статуса Северо-западного прохода. Дело в том, что этот путь позволяет существенно сократить путь из Канады, США, отдельных стран Европы в Восточную Азию, тем самым минуя Панамский канал и избегая транзитные сборы. Вопрос относительно Северо-западного прохода является одним из главных в диалоге Канады с США начиная с 1969 года. [3] Концепция национального суверенитета Канады настаивает на том, что данные воды являются внутренними водами Канады, что дает ей безграничные права на допуск или ограничения движения международных судов через Северо-западный проход. Американская сторона придерживается противоположного мнения. США в своей концепции освоения Севера от 2009 года подтвердили, что проливы в международных территориальных водах должны являться свободной зоной для передвижения. Данное заявление было поддержано Европейским Союзом. Объяснить позицию Америки можно прежде всего экономическими и стратегическими мотивами, в виду того, что заявление распространяется в большей степени на Ормузский пролив, который соединяет Иран и ОАЭ и является стратегическим для поставки

нефти и газа для США. Кроме этого, Европейский союз также заинтересован в использовании Северо-западного прохода для своих судов в коммерческих целях. Таким образом, на данный момент для Канады вопрос Северо-западного прохода остается открытым. Во время правления администрации Д. Буша младшего было объявлено, что у США есть особые интересы в арктическом регионе и они готовы их защищать независимо от того, будут они осуществлять это одни или с союзниками. Следует добавить, что в рамках договора НОРАД действует договоренность между США и Канадой о защите и обеспечении жизнедеятельности Арктического региона, насколько эти договоренности будут соблюдены остается также под вопросом.

Согласно опросам общественного мнения, отстаивание суверенных прав на территории Арктики, должно быть одним из важнейших приоритетов во внешней политике Канады. В 2010 году, Канада удвоила расходы на военное обеспечение данного региона. С 2008 года, канадские войска с участием США и Дании проводят регулярные учения в этом регионе. Одной из задач, которую ставит перед собой правительство – защитить суверенитет и национальные интересы Канады на северных территориях.

Сотрудничество Канады и России в данном регионе регулирует договор о согласии и сотрудничестве от 1992 года. Кроме этого и ряда других соглашений, в 2000 году было подписано Совместное российско-канадское заявление о сотрудничестве в Арктике и на Севере и позже в 2011 году было подписано соглашение о сотрудничестве в области науки, техники и инноваций. Канада заинтересована в получении опыта со стороны России в освоении Крайнего Севера и оснащения научных лабораторий. Это не ограничивается только лишь обменом опыта, но и проведением совместных научно-исследовательских проек-

тов в данном регионе.

В 1996 году был создан Арктический Совет, под эгидой Канады и России. Специалисты данного совета обсуждают вопросы экологической защиты региона и научно-исследовательской деятельности. Рабочие группы обеих стран проводят регулярные встречи, направленные прежде всего на сотрудничество между нашими странами. Кроме этого в заявлениях руководств двух стран, прослеживаются общие принципы по работе в данном регионе. [4]

Первый, это решение всех спорных ситуаций исключительно мирным путем и только на основе международного права, как происходит на примере спора относительно продолжения территории хребта им. Ломоносова.

Во-вторых, Россия и Канада поддерживают принцип секторального деления морской границы арктической территории. Это значит, что Северный полюс является точкой от которой проводятся линии вдоль долгот. Данный принцип деления является противопоставлением так называемому "медианному линейному методу", в котором деление производится на основе равно удаленности граничной линии от береговой. Следующий принцип, заключается в оформлении транзитных морских путей в качестве внутренних вод, что в свою очередь создаст дополнительную экономическую прибыль как для Канады, так и для России. И созданный ранее по инициативе Канады Арктический совет, призван регулировать все спорные вопросы и вопросы развития Арктического региона. Но на настоящее время данный совет не функционирует в полную силу, поскольку остаётся непризнанным со стороны США. Которые хотят включить территорию Арктического шельфа в состав блока НАТО, таким образом закрепить свои позиции в этом регионе.

В военно-стратегическом партнерстве между Канадой и Россией действует меморандум о сотрудничестве в

военной области.

С 2004 года действует двустороннее соглашение о сотрудничестве в области уничтожения и утилизации ядерных и радиоактивных материалов и веществ. Также Канада выступает с инициативой по созданию в регионе зоны свободной от ядерного оружия, что является трудностью для России поскольку дислокация Северного флота содержит в своем составе стратегические подводные лодки с ядерным вооружением на борту.

После окончания Холодной войны, арктические страны проявили интерес к северным территориям Арктики. Арктические страны постепенно наращивают свое военное присутствие и патрулирование прибрежных границ. К тому же, страны которые не имеют выход к арктическому шельфу также проявляют интерес к данному региону. Поэтому можно с уверенностью сказать, что ценность и значимость этого региона возрастает с каждым годом. Арктический регион находится под постоянным вниманием со стороны многих стран. Поэтому Канада вынуждена защищать свои собственные национальные интересы в данной регионе, поскольку она и Россия имеют самую большую территорию, согласно береговой границе. Но помимо того, что северные районы отличаются жестким климатом, труднодоступностью, высокими затратами, существует и другая проблема – заинтересованность государства, которая меняется под напором общественного мнения.

Проблема заключается в непостоянстве, когда Арктическая проблема часто обсуждается в период политических выборов или для поднятия рейтингов политиков. Но к сожалению, именно постоянства не хватает в решении многих вопросов, связанных с "Канадским севером". Помимо этого, Канаде следует продолжать выстраивать и развивать дружественные отношения с арктическими странами, таким образом утверждая свои интересы в данном регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. The New Problem of Arctic Stability: Survival, Vol. 51, #5. P.127// Blunden M., 2009
2. Северная стратегия Канады, Canada's Northern Strategy. Our North, Our Heritage, Our Future, 2011
3. Canadian arctic sovereignty and security in a transforming circumpolar world: Foreign policy for Canada's tomorrow, No. 4// Rob Huebert, 2009
4. Стратегия Канады в освоении Арктики: издание Российского совета по международным делам / Сергунин А., Конышев В., 2012

КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АППАРАТ СФЕРЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ТЕРМИНА

Сикорская Оксана Геннадьевна
Аспирант, Морской государственный
университет им. адм. Г.И. Невельского,

CATEGORICAL APPARATUS OF INTER-ETHNIC RELATIONS: PROBLEM OF TERM CHOICE

O. Sikorskaya

Annotation

In papers devoted to national issues, both in Russia and abroad, the authors use terminology, containing terms such as "nation", "ethnicity", "minority", etc. Often one and the same phenomenon gets its name by various researchers. This problem is largely caused by the looseness of the basic concepts in the legal framework of the state. Thus, there is empowerment of the selected concepts proper, transfer, or a combination of the meanings of other definitions. The paper presents a review of the basic terms used in the literature on ethnic relations with a brief description of each of them, and attempts to identify the relations adopted by matching definitions.

Keywords: National relations, legislation, terminology, nation, ethnic, minority.

Аннотация

В работах, посвященных национальным вопросам как в России так и за рубежом, авторами используется терминологический аппарат, содержащий такие понятия как "нация", "этнос", "меньшинство" и т.д. Нередко одни и те же явления получают свою характеристику от различных исследователей. Эта проблема в большей степени вызвана незакрепленностью основных понятий в законодательной базе государства. Таким образом, происходит наделение выбранных понятий собственным смыслом, переносом или совмещением смыслов других дефиниций. В работе дан обзор основных используемых терминов в научной литературе по национальным отношениям с краткой характеристикой каждого из них, а также принята попытка выявить соотношение путем сопоставления определений.

Ключевые слова:

Национальные отношения; законодательная база; терминология; нация; народ; этнос; национальное меньшинство.

Несмотря на активное обсуждение темы межэтнических отношений как в научной литературе, так и в периодической печати, в данной сфере до сих пор не сложился единый стройный категориальный аппарат.

Нами была предпринята попытка кратко обозначить основные применяемые термины с последующим выбором формулировок. Несмотря на то, что для глубокого понимания вопроса необходимо выявить соотношение понятий "нация" и "этнос", "этнос" и "народ", "народ" и "национальное меньшинство", данная задача не ставилась перед нами, поскольку подобный вопрос требует отдельных широкомасштабных исследований.

Данной проблеме посвящено достаточное количество научных работ, дающих более или менее полный обзор существующих многочисленных дефиниций, а также подвергающих анализу каждую из них, поэтому отсутствует объективная необходимость включения какой-то новой лингвистической единицы в перечни уже существующих и признанных категорий.

Как уже говорилось выше, нами приводится краткий обзор основных понятий, которые применяются для описания как для всей общности населения Российской Федерации, так и для отдельных групп, проживающих на территории и различающихся по своему этническому происхождению. Это следующие термины: народ, нация, этнос, национальное меньшинство, коренной малочисленный народ.

Официально вся совокупность населения российско-

го государства называется многонациональным народом, что закреплено в Конституции Российской Федерации. Однако, необходимо уточнить, что данная фраза была перенесена из Конституции СССР 1977 года, но в неполном виде, полный вариант – "новая историческая общность – советский многонациональный народ", где о народе говорилось как о феномене принципиально отличном в этнополитическом плане от прежнего понимания природы наций. Определение многонационального народа вызывает немало споров в среде ученых. Так, утверждается, что народ не может быть многонациональным. Нация есть более широкая по отношению к народу категория [2]. В современной российской научной литературе дефиниция "многонациональный народ" не получила широкого распространения. Под народом чаще понимают совокупность людей, обладающих общей культурой, общими традициями и самоназванием, а также осознающих себя в качестве единой общности, а именно имеющих общность происхождения [8]. В такой трактовке понятие "народ" близко по своему значению к понятию "этнос", о котором будет сказано ниже.

Наряду с понятием "народ" широко применяется понятие "нация". Как и дефиницию "народ", исследователи в своих работах не всегда комментируют выбор терминологического аппарата, вследствие чего читатели трактуют понятие в самом широком смысле, либо наделяют его дополнительными коннотациями.

В советский период истории единственным признанным определением нации было то, которое сформулиро-

вал в своих работах И.В. Сталин: "Нация есть исторически сложившаяся общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни, психического склада, проявляющегося в общности культуры" [9].

Сегодня принято различать три традиции употребления понятия "нация": обыденное словоупотребление, этническая традиция и политическая традиция, различающиеся между собой смысловыми оттенками.

Чаще всего понятие "нация" трактуется как совокупность людей, проживающих на одной территории, говорящих на едином языке и связанных общностью происхождения и истории. Нация в этническом понимании (языковом или культурно-бытовом) – социально-экономическая и культурно-духовная общность людей, сложившаяся в ходе исторического процесса, объединенная общими языком, историей и культурной идентичностью. Здесь нация рассматривается как следующая ступень развития этноса, что совпадает с взглядом, принятым в советский период. В политическом понимании нация трактуется как объединение граждан одного государства в политическое сообщество; народ, создавший правительство и государственные структуры, проживающий на суверенной территории, границы которой соблюдаются другими нациями.

В международном праве на сегодняшний день также нет единого понятия "нация". Но, вместе с тем, употребление данного понятия ограничено более узкими рамками. Вся международно-правовая практика и законодательный язык современных государств (кроме стран бывшего социалистического лагеря) пользуются последним из трех значений этого слова [10]. В сфере западных ученых также принято подобное смысловое наполнение. Так, известный исследователь национализма Р. Брубейкер утверждал, что проблемы множественности смыслов понятия "нация" не существует, так как по его мнению, нация – термин сугубо политический. Именно такая традиция понимания является общепринятой у зарубежных исследователей. Следовательно, в отличие от этнических процессов, национальные движения относятся к сфере политики.

Тем не менее, повсеместно происходит отождествление понятий "нация" и "этнос", дискуссии об их отличительных особенностях продолжают и в наши дни. К этому добавляются расхождения с терминологией западных ученых, которая в последнее время активно осваивается российскими учеными.

Тем не менее, нация не тождественна этносам, а составляющие ее этносы не представляют собой наций – этот факт в наши дни признается всеми исследователями, но сохраняется неясность относительно того, как эти феномены формируются и соотносятся друг с другом. По мнению Ю.И. Семенова, нация – это совокупность людей, имеющих общее отечество. "Если же члены каждого из этносов ... считают своим отечеством только свою этническую территорию, то в нем столько наций, сколько этносов." [8]

Как утверждает другой российский ученый В.А. Тишков, нация – категория историческая, принадлежность к

которой основывается не на самоопределении индивида, а на его включенности в правовые, социальные и экономические процессы государства. В некоторых своих работах ученый обосновывает утверждение, что нация – понятие политическое. Этнос, в свою очередь, – "естественная общность" группы людей, сформировавшаяся на базе единой культурной принадлежности, не обладающая признаками государственного образования. Таким образом, этнос – в первую очередь понятие культурное. Такого же мнения придерживаются и другие исследователи [1].

В России широко принят взгляд на этносы исключительно как на национальные меньшинства, которым необходима государственная "поддержка в сфере культуры и образования, защита от произвола и неуважения к традиционному образу жизни." [5]

На данный момент понятие "национальное меньшинство", будучи популярной дефиницией, не нашло своего отражения в законодательных актах, но встречается в Конституции РФ. В повседневной практике меньшинствами признаются граждане РФ, которые не имеют своих национально-государственных и национально-территориальных образований, а также обладают четко выраженными культурными признаками, такими как язык, фольклор, традиционная деятельность (промысел) и т.д. То есть, как можно заметить, описание почти полностью совпадает с характеристикой понятия "этнос".

В России национальные меньшинства составляют приблизительно 1/5 населения, но до сих пор не принят закон, регулирующий данную сферу. Принятие такого закона позволило бы в первую очередь дать нормативно закреплённое определение национальных меньшинств, а также сформулировать меры по их защите и поддержке на территории государства. [3]

Еще одной категорией населения, схожей с национальными меньшинствами, являются коренные малочисленные народы. Мнения ученых разнятся: одни утверждают, что коренные народы – разновидность национальных меньшинств, другие – что это две отдельные категории. Понятие коренных малочисленных народов закреплено в федеральном законе "О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации" [11], а конкретный перечень утвержден Постановлением Правительства РФ "О едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации" [6]. Согласно указанному закону, коренными малочисленными народами Российской Федерации являются "народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями".

Следует отметить, что из всех применяемых в правовых актах вышеназванных понятий существенно прояснено только содержание термина "коренные малочисленные народы".

Возвращаясь к национальным меньшинствам, отметим, что попытки выработать единое определение продолжают поныне, практически каждый исследователь

предлагает свой вариант, который, как правило, отличается от аналогов отдельными нюансами. Исследователь национальных вопросов Ю.Д. Дубровин предложил свое определение национального меньшинства, вобравшее в себя основные характеристики явления. Итак, национальное меньшинство – это "граждане Российской Федерации, которые проживают компактно или дисперсно на ее территории за пределами своей исторической этносреды, не относятся к малочисленным коренным народам и имеют такие устойчивые отличия, как язык, самобытную культуру, религию, объединены общим самоназванием и единым самосознанием." [4]

Обобщая все вышеизложенное можно отметить, что все понятия служат для наименования групп людей, объединенных по общности происхождения или территории проживания, но различающихся по численности. Исходя из общепринятой практики, в контексте российской действительности максимально собирательным понятием, стоящим на вершине условной иерархии, является нация. Нация объединяет все население государства, независимо от этнической, языковой и культурной принадлежности индивида. Именно в таком значении это понятие является общеупотребительным, и, не являясь официально закрепленным в нормативных актах, фактически признано научным сообществом.

Народ, этнос, национальное меньшинство – можно сказать, что все перечисленные термины описывают одно и то же явление, а именно группу людей, осознающих себя в качестве единой общности на основе определенных критериев, как правило, антропологических и культурных. Реже в этом понимании используется понятие "национальное меньшинство", варианты "народ" и "этнос" получили более широкое распространение. Отдельные исследователи в своих работах могут придавать значениям всех трех определений дополнительные смысловые оттенки, но в целом все они могут быть объединены в общую группу, поскольку определения каждого из них содержат больше идентичных черт, нежели различий.

Коренные малочисленные народы в данной классификации стоят отдельно, как уже было сказано выше, – некоторые авторы включают эту категорию в этносы (народы), другие настаивают на ее самостоятельности. Но необходимо принять во внимание тот факт, что именно данное понятие было конкретизировано законодательством (в частности, создание перечня коренных малочисленных народов), и это дает полное право на его самостоятельность.

Следовательно, при создании производных понятий от перечисленных необходимо ориентироваться на смыслы первичного термина, но зачастую этого не происходит. Так, при характеристике взаимоотношений между отдельными этносами в государстве, подобного рода связи должны называться этническими отношениями, однако намного чаще встречается дефиниция "национальные отношения", которая скорее призвана описывать связи между нациями, а не этносами, т.е. уже не внутрисударственный, а межгосударственный уровень. На подобное несоответствие указывает также В.А. Тишков. Здесь, можно предположить, роль играет сила традиции, за продолжительный период терминологической неопределенности, который продолжается и в наши дни, исследователи продолжают использовать в своих работах введенные по чьей-либо инициативе термины. Это порождает, в свою очередь, новый вопрос: следует ли продолжать данную своего рода традицию или нарушить ее, основываясь на логических выводах. Проблема осложняется тем, что второй вариант не подкреплен ни законодательно, ни, в отличие от первого варианта, продолжительной практикой.

Так как закрепление какого-либо отдельного понятия в законодательной базе и введение его в новом качестве в научный оборот может происходить только на государственном уровне, то все заключения исследователей могут носить только рекомендательный характер. В последнее время каких-либо изменений в этой области не происходит, в связи с чем строить прогнозы затруднительно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булашкова М.Г., Приходько Е.А. К понятиям "этнос" и "нация". // Молодой ученый. 2013. № 1 (48). С. 421–422.
2. Вилисов М.В. Многонациональный народ – понятие, которое не имеет смысла // Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. Режим доступа: http://rusrand.ru/enotes/enotes_57.html
3. Долотказина А. А. Понятие "национальные меньшинства" в Российской Федерации. Юридическая Россия. Федеральный правовой портал. Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1322127>
4. Дубровин Ю.Д. Проблема правового регулирования и защиты прав национальных меньшинств в Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.law-center.ru/publisher/c2.htm>
5. Матвеева С.Я. Национальные проблемы России: современные дискуссии. // Общественные науки современности. 1997. № 1. С. 52.
6. Постановление Правительства РФ от 24 марта 2000 г. № 255 "О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации". Режим доступа: <http://base.garant.ru/181870>
7. Семенов Ю.И. Философия истории. Режим доступа: http://scepsis.ru/library/id_1065.html
8. Семенов Ю.И. Этнос, нация, диаспора. // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 64–74.
9. Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос. // Сочинения. Т. 2. 1946. 296–297 с.
10. Тишков В.А. О концепции государственной национальной политики. Режим доступа: http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/o_konzepti.html
11. Федеральный закон от 30.04.1999 N 82-ФЗ (ред. от 05.04.2009) "О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации". Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=86517>

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЕЙ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА ПО ДИСТАНЦИОННОЙ ФОРМЕ ОБУЧЕНИЯ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

FEATURES OF PROFESSIONAL FOREIGN LANGUAGE TEACHER'S TRAIN- ING IN DISTANCE EDUCATION IN GREAT BRITAIN

T. Garbuza

Annotation

The article describes professional foreign language teachers training, its features, the basic characteristic signs and properties of distance teaching system. Actuality of the theme is caused by new understanding of the person, its possibilities and the features, a new level of development of a society. Author generalises theoretical researches and practical experience of professional foreign language teacher's training in distance education at universities of Great Britain.

Keywords: distance education, distance teaching, professionalization, professionalism, professionality professional teacher's activity, professional future foreign language teacher's training.

Гарбуза Татьяна Витальевна

*Институт педагогики
Национальной академии
педагогических наук Украины, Киев*

Аннотация

В данной статье рассматривается профессиональная подготовка учителей иностранного языка, ее особенности, основные характерные признаки и свойства в системе дистанционного обучения. Актуальность темы обусловлена новым пониманием человека, его возможностей и особенностей, современным уровнем развития общества. Автор обобщает теоретические исследования и практический опыт профессиональной подготовки учителей иностранного языка по дистанционной форме обучения в университетах Великобритании.

Ключевые слова:

Дистанционное образование, дистанционное обучение, профессионализация, профессионализм, профессиональность, профессиональная деятельность учителя, профессиональная подготовка будущего учителя иностранного языка.

Глобальный характер профессиональной деятельности на рубеже XX–XXI столетий обусловлен новым пониманием человека, его возможностей и особенностей, современным уровнем развития общества. За последние годы зарубежная и отечественная психологическая и педагогическая наука сфокусировала внимание как на самой теории деятельности, так и на отображении ее в категории и феномене профессионального образования; появилась необходимость определения свежих ресурсов для овладения педагогической профессией. "Академической подготовки стало недостаточно, чтобы продвигать модель профессионального учителя" [1, с.168]. Для того чтобы получить квалификацию, учителю необходимо приобрести комплексные умения, которые обеспечивали бы высокий уровень профессионализма.

Именно поэтому в 70–е годы XX столетия в европейских странах начали закладываться основы непрерывного педагогического образования, что нашло свое отображение в документах международной конференции в рамках 35–й сессии ЮНЕСКО в августе 1975г. На конференции отмечалось, что невозможно раз и навсегда обеспечить будущего учителя знаниями и умениями, достаточными для его профессиональной деятельности.

Это обусловлено постоянным активным развитием общих и педагогических знаний, динамичными изменениями, которые происходят в европейских образовательных системах, а также возрастанием творческого характера педагогической деятельности. Поэтому подготовка к профессии может рассматриваться в процессе педагогического образования учителей как первая фундаментальная стадия [2].

Для личности, способной успешно самореализоваться в современном мире, в условиях социально–экономических трансформаций, европейское образовательное пространство очертило векторы развития, один из которых характеризуется усилением интереса к изучению иностранных языков как средства общения, расширением международных связей, утверждением новых стандартов взаимоотношений между странами Объединенной Европы и вне ее границ. С этой целью Советом Европы был разработан Европейский языковой портфель – своеобразная база данных персонального владения языковыми навыками и знаниями гражданином Европы [3]. В связи с этим в европейских странах происходит реформирование и усовершенствование специальной профессиональной подготовки учителей иностранного языка посредством как традиционных, так и альтернативных

форм обучения, одна из которых – дистанционная.

Дистанционная форма образования в странах Западной Европы появилась, с одной стороны, как ответ образовательных систем на объективные тенденции глобализации мира, а с другой – как реакция на развитие информационных и телекоммуникационных технологий, необходимость их применения в образовательной практике.

Наиболее прогрессивным в современной педагогической культуре, в соответствующем методологически-научном и психологическом обеспечении профессиональной подготовки учителя иностранного языка в системе дистанционного обучения, на наш взгляд, является опыт Великобритании, которая достаточно глубоко обобщает результаты научно-поисковой и практической деятельности ученых, исследователей, учителей.

В научных исследованиях Д. Реймонда "Professional Development for Language Teachers" ("Профессиональное развитие учителей иностранного языка") и Дж. Ричардса "Teacher training: orientations, professional competencies" ("Подготовка учителя: ориентации, профессиональные компетентности") проблематика профессиональной подготовки рассматривается как единство и взаимосвязь содержательного, психологического и личностного аспектов, которые реализуются в процессе этой подготовки [4], [5]. Прежде всего, необходимо определить, что должен знать специалист соответственно кругу обязанностей, во-вторых, как эти знания он будет применять в своей профессиональной деятельности, в-третьих, какими личными качествами он должен обладать, чтобы знания и умения давали максимальный результат, и т.д. В соответствии с уровнем профессиональной подготовки ученые выделяют "профессионализацию", "профессионализм", "профессиональность".

Профессионализация – это процесс, который приводит к формированию социальной идентичности. Обе стороны процесса, внутренняя и внешняя, являются взаимозависимыми. Общественное признание не может существовать, если профессия не кодифицирована. Кодификация должна включать в себя стратегию для получения профессионального статуса и признания значимости предоставленных услуг, для того чтобы иметь определенную профессиональную монополию. Предоставление кодификации профессиональному обучению является частью профессионализации, оказывает содействие его общественному признанию [4, с. 17].

По Д. Реймонду, понятие профессионализации охватывает несколько измерений. Первое измерение, личностное, имеет следующие характеристики:

- ◆ организация специальных профессиональных знаний, специфических для данной профессии. Ресурсы, которые используются для достижения этой цели, сами

по себе являются профессиональностью, которая интегрирует набор характеристик профессии и представляет концентрированную и рационализированную форму знаний и навыков, используемых в профессиональной деятельности;

- ◆ непрерывное профессиональное развитие личности: обретение опыта и постоянного профессионального развития на протяжении всей жизни, то есть профессионализация – это динамичный, непрерывный процесс обучения, который никогда не заканчивается;

- ◆ индивидуальная результативность и эффективность: профессионализация содержит в себе обеспечение того, что отдельные профессионалы-практики достигают указанного уровня компетентности и знают, как действовать правильно с помощью индивидуально усвоенных знаний, отношений, методов и стратегий (тактики) для выполнения конкретных задач;

- ◆ обмен опытом: не только знания и навыки общие для всех, но и этические отношения, способы решения проблемных ситуаций, которые формируют профессиональную культуру, определяющую ценности, убеждения, взгляды, связанные с работой;

- ◆ кодификация практических знаний, умений, навыков, основанных на рационализации рабочего процесса.

Второе измерение является социальным и внешним, если профессионализация рассматривается как стратегия для получения признания общества. Характеризуется определенной монополией на конкретный вид деятельности, ее престиж. Профессионализация как сложное образование имеет две составляющие – профессиональность и профессионализм. Профессиональность – процесс, который формирует профессиональные компетентности (организация и обретение профессиональных знаний, развитие, индивидуальная эффективность, ответственность и отношение человека к своей профессии, которой он занимается). Профессионализм – процесс, который предоставляет возможность приобрести социальное и юридическое признание статуса в обществе через профессию [4, с. 17].

Итак, актуальной становится проблема подготовки учителя–профессионала, который будет не только стремиться к собственной самореализации, но и гибко реагировать на изменения экономических, политических и социальных запросов общества.

Согласно с теоретическими исследованиями в Великобритании разработана концепция профессиональной подготовки учителей, иностранного языка в частности, специфика которой состоит в ее практической направленности. В соответствии с этой концепцией педагогическое профессиональное образование может осуществляться в определенной последовательности. Начальное фундаментальное педагогическое образование обеспечивается в стенах педагогических колледжей или университетов. Период адаптации и становление профессиональной деятельности молодого учителя под руководством более опытных учителей школы получил название – пробный год (тьюторинг). Повышение квалификации работающих учителей (а также учителей, которые прервали на время свою профессиональную деятельность и снова приступают к работе в школе) проходит на долгосрочных и краткосрочных курсах, организованных в вузах, специальных учреждениях повышения (или усовершенствования) квалификации, в учительских центрах и школах. Самообразование учителей включает в себя работу в библиотеках, консультации у более опытных учителей и ведущих преподавателей вузов, обмен мнениями на учительских совещаниях, семинарах, конференциях по обмену опытом и новейшими методиками и достижениями в педагогической науке. "Повышение квалификации в процессе самообразования не требует государственных затрат, но подходит лишь тем, у кого имеется высокая мотивация к обучению. Такая мотивация обеспечивается внедрением профессиональной "лестницы" [6].

Известные британские ученые Дж. Мартин, М. Мак-Клин, Дж. Ричардс сформировали модель учителя XXI века, формализация которого обеспечит потребности современного образовательного пространства в инициа-

тивных, творческих педагогах, способных к постоянному самообразованию, саморазвитию, поиску новых эффективных способов преподавания [7], [8], [5]. По их мнению, современный учитель должен иметь профессиональные, творческие, духовно–моральные и деловые качества, личностную ориентацию педагогической деятельности, умение ставить и решать задачи гуманистического образования, организовывать общий поиск общественных ценностей и норм поведения, уважительное отношение к ученику, которые являются составляющими профессиональной компетентности. В профессиональной подготовке учителей иностранного языка кроме указанных компетентностей, собственно языковой подготовки и лингвистического развития, необходимо формировать этническую толерантность, открытость по отношению к другим культурам и представителям этих культур. Такой подход конкретизируется за счет:

а) использования системы средств, которые обеспечивают единство процессуально–содержательных, мотивационно–ценностных аспектов подготовки (усовершенствование структуры, содержания, организации методов и средств обучения, стиль нового педагогического мышления, творческий подход к использованию педагогических технологий);

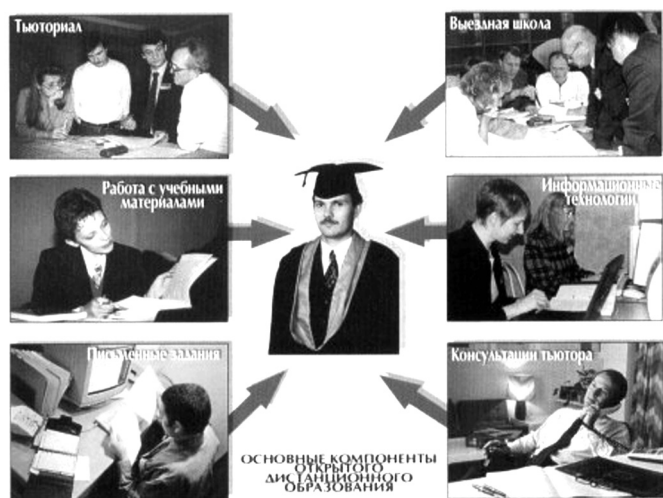
б) взаимосвязи теоретического и практического обучения, взаимодействия учебно–познавательной, учебно–практической и самостоятельной деятельности студентов, в процессе которой формируется профессиональная компетентность;

в) соблюдения определенных педагогических условий (учет индивидуальных особенностей, интересов студентов, систематический анализ качества их общепедагогической и языковой подготовки на разных этапах обучения и коррекция содержания методов обучения на основе полученных данных, стимулирование самоконтроля, самоанализа студентов).

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что под профессиональной подготовкой будущих учителей иностранного языка в Великобритании понимают целенаправленный, планомерный и организованный процесс педагогических влияний как в ходе обучения, так и во внеклассной работе, вследствие которого у студентов формируется профессионально–значимые и личностные качества, они овладевают профессией и специальностью.

Рядом с существующей традиционной практикой подготовки учителя иностранного языка в Великобритании активно внедряется дистанционное образование, которое имеет свою специфику, особенность и отвечает запросам времени.

Для организации и развития дистанционного образования имеют большое значение результаты исследований Д. Вердуина, Т. Кларка, Л. Макгреса, Р. Ховарда. Осо-

бый интерес представляют исследования О. Симпсона, которые касаются изучения отдельных психологических аспектов дистанционного образования. Некоторые авторы концентрируют внимание на терминологии системы дистанционного образования, другие – на вопросах его рентабельности (Дж. Вердуин, А. Вудли, Д. Гаррисон, Дж. Даниэль, Дж. Зигерел, Г. Керсли, Д. Киган, А. Кирквуд, Т. Кларк, М. Мур, Г. Рамбл, Ф. Сейб и Б. Холмберг).

Термин "дистанционное образование" (distance education) еще не приобрел широкого употребления в украинской и в англоязычной научной педагогической литературе.

В исследованиях, посвященных проблемам дистанционного образования, приводятся многочисленные, зачастую разноречивые его определения. Это, с одной стороны, является признаком многогранности и масштабности этого явления, а с другой – указывает на то, что предмет и объект дистанционного образования, его понятийный аппарат еще не до конца изучен.

Как отмечает Д. Шейл, "дистанционное образование является украшением с впечатляющим парадоксом, оно отстояло свое существование, но не может определить самого себя" [9]. Среди наиболее употребляемых терминов, которые используются в англоязычной научной и методической литературе, встречаются: open education (открытое образование), open access (открытый доступ к образованию), distance education (дистанционное образование), correspondence education (корреспондентское образование), home education (домашнее образование), independent education (независимое образование), external education (внешнее образование), self-education (самостоятельное образование), adult education (образование для взрослых), technology based or mediated education (образование на основе технологий), learner-centered education (образование, сосредоточенное на студенте), flexible education (гибкое образование), distributed education (распространенное образование) и др. На наш взгляд, все эти термины являются синонимами и относятся к одному и тому же виду деятельности, но различаются в зависимости от того, чему отводится особое внимание, какой цели необходимо достичь и каким путем это сделать. Тем не менее, все эти способы получения образования претендуют на термин "дистанционные", поскольку означают обучение на расстоянии.

Для большинства терминов дистанционного образования общим есть то, что первостепенное внимание уделено таким характеристикам: обособлению учителя и ученика во времени или месте; аккредитации учебного заведения; применению разных средств обучения; двустороннему общению, которое разрешает студентам и тьюторам взаимодействовать между собой (синхронно или асинхронно); возможности встречаться для консультаций; использованию производственного процесса.

Вместе с тем определение каждого термина имеет что-то свое, существенное, особое, что характеризует дистанционное образование как многомерную категорию. Обобщение терминологического многообразия дефиниции дистанционного образования, которое наблюдается в исследованиях ученых и практиков Великобритании, предоставляет нам возможность определить его как процесс и результат усвоения на расстоянии систематизированных знаний, умений и навыков, то есть овладение интеллектуальными, культурными, моральными и материальными ценностями, накопленными человечеством, которые характеризуются непрерывностью, универсальностью, унифицированностью, интегральностью, гуманизмом, открытостью, комфортностью, творчеством и комплексностью предоставленных образовательных услуг.

Как известно, дистанционное образование реализуется через соответствующий учебный процесс, основой которого является инновационность. Инновационные, в частности интеграционные, процессы в системе профессиональной подготовки именно учителей иностранного языка оказывали содействие распространению дистанционных технологий обучения, которые поддерживают и обеспечивают дистанционное образование, существенно разнообразят рынок образовательных услуг.

Отдельные аспекты дистанционного обучения иностранных языков исследовали А. Дискинсон, Р. Оксфорд, С. Уайт, М. Уолес, Дж. Хигинс, Б. Холмберг. В работах А. Кейа, Е. Машбица, Р. Мейзона, С. Ниппера, рассматривается роль новых информационных технологий в дистанционном обучении и дидактические свойства компьютерных средств. Проблемам сравнения разных моделей организации дистанционного обучения посвящены научные труды А. Кей, Г. Рамбл, Д. Сьюарт. Вопросы повышения качества и эффективности дистанционного обучения раскрываются в работах Р. Аткинсона и Д. Грина, Б.Г. Дейла, Р. Льюиса и К. Макбиса, А. Макилроя, Д. Мичема и Ф. Ноуенса, Дж. Оукланда и Р. Робинсона, Р. Уолкера, Р.

Фримана и Л. Харви.

Опыт педагогической мысли Великобритании, который нашел отображение в работах Д. Кигана, Холмберга Р. Деллинги, Ф. Ведемеера, М. Мура, О. Петерса, Дж. Бота, Дж. Даниэля, К. Смита, а также других авторов (основная зарубежная библиография из проблем дистанционного образования содержит свыше 2 000 работ), содержит значительный материал для раздумий, обобщений, поиска закономерностей и путей использования технологий дистанционного образования в педагогической практике, например, в части профессиональной подготовки учителей иностранного языка (Р. Деллинги А. Ведемеер), в части ее организации как "индустриализованного и технологизированного обучения" (О. Петерс), в части формирования требований к средствам обучения и характером взаимодействия (коммуникаций) участников учебного процесса (Б. Холмберг).

В работе известного исследователя О. Петерс "Learning and teaching in distance education: analysis and interpretations from an international perspective" ("Изучение и обучение в дистанционном образовании: анализ и интерпретации точки зрения международной перспективы") описаны не только методы дистанционного обучения, но и их социальные предпосылки, психологические выводы и социальные следствия. Это исследование ориентируется на практику, получает свои теории из этой практики, стремится обеспечить комплексный подход к дистанционному обучению [10].

Английский ученый О. Симпсон в своей работе "Student retention in online, open and distance learning" ("Удержание студента в он-лайн, открытом и дистанционном обучении") системно рассматривает проблемы дистанционного обучения, объединяет теорию с практическими советами относительно стратегий его организации и развития [11].

Коллективное исследование английских ученых в области дистанционного образования "Advanced methods in distance education: applications and practices for educators, administrators and learners" ("Передовые методы дистанционного образования: приложения и практика для преподавателей, администраторов и учащихся") демонстрирует глубокие знания в данной области. Авторы рассматривают современные исследования проблем дистанционного обучения, которые служат теоретической основой, и обеспечивают многочисленные практические принципы для его усовершенствования, утверждая при этом, что не средство, а метод является главнейшим для эффективного обучения на расстоянии [12].

На протяжении последних лет в исследованиях английских ученых доминируют практико-ориентированные разработки в области дистанционного образования. Так, Ч. Мехротра, Д. Холлистер, Л. Макгаhey в своей кни-

ге "Distance learning: principles for effective design, delivery and evaluation" ("Дистанционное обучение: принципы эффективной организации, осуществления и оценивания") стали гидами для тех, у кого недостаточно опыта работы в системе дистанционного образования. Их рекомендации помогают педагогам подобрать методы подачи материала для тех, кто учится на расстоянии; предлагают средства обеспечения студентов свободным доступом к библиотекам и другими возможностями, которыми могут пользоваться учащиеся. Не менее интересными являются рекомендации относительно контроля качества дистанционного обучения [13].

К. Морган, М. О'Райли исследовали проблему педагогического оценивания в контексте дистанционного обучения. Они обосновали теории и модели оценивания и их применение в дистанционном обучении, раскрыли все аспекты процесса оценивания – от разработки критериев оценивания к методам оценивания, которые сегодня широко используются при подготовке учителей иностранного языка в Великобритании [14].

Как видим, приведенные определения дистанционного обучения большей мерой имеют общий описательный характер, отображая при этом какую-то одну или несколько сторон этого многогранного и сложного явления. Такой подход приводит к мнению, что в дистанционном обучении будущих учителей иностранного языка вообще невозможно применять традиционные технологии, которые предусматривают использование учебных материалов в печатной форме, а в процессе обучения совсем отсутствует контакт преподавателя и студента.

Термин "дистанционное обучение" в контексте профессиональной подготовки учителей иностранного языка, на наш взгляд, означает такую организацию учебного процесса, при которой преподаватель разрабатывает учебную программу, базирующуюся главным образом на самостоятельном обучении студента; ученик в основном, а часто и совсем отдален от преподавателя в пространстве или во времени; в то же время, студенты и преподаватели имеют возможность осуществлять диалог между собой с помощью средств телекоммуникации. Это дает возможность будущим учителям иностранного языка получать качественную профессиональную подготовку.

Нами исследовано, что при подготовке учителей иностранного языка в Открытом Университете Великобритании используются специальные технологии и средства обучения, среди которых распространены кейс-технологии (основываются на пакетах учебных материалов для самостоятельного изучения и контрольных задачах и тестах для самоконтроля), телевизионные технологии (базируются на замкнутых телевизионных системах с обратной связью), технологии видеоконференций (базируются на средствах обеспечения двусторонней или многосторонней аудио- и видеосвязи на значительных расстояни-

ях), компьютерно–телекоммуникационные технологии (технологии "клиент – сервер" на основе широкого использования компьютерной и телекоммуникационной техники), комбинированные технологии (объединение двух или больше предшествующих). С педагогической точки зрения технологии дистанционного обучения практически интегрируют большинство существующих методов обучения и предоставляют им качественно новый, высокий просветительно–технологический уровень [15].

Определяющей составной технологий профессиональной подготовки учителей иностранного языка являются средства дистанционного обучения, компьютерно–ориентированные, информационные. Естественно, что в современных образовательных технологиях дистанционного обучения учителей иностранного языка используются средства обучения, которые отражают последние достижения мировой педагогической науки. К спектру средств дистанционного обучения учителей иностранного языка входят печатные издания, электронные издания на гибких магнитных, лазерных или жестких дисках, компьютерные учебные системы в обычном и мультимедийном вариантах, аудио– и видеоматериалы, лабораторные дистанционные практикумы, программы–тренажеры, базы данных и знаний с отдаленным доступом, электронные библиотеки с отдаленным доступом, дидактические материалы на основе экспертных и геоинформационных учебных систем, компьютерные сети, телевизионные передачи и т.д.

Центральным звеном в дистанционном обучении учителей иностранного языка являются средства телекоммуникаций и их транспортная основа. Они используются для обеспечения учебного процесса необходимыми учебно–методическими материалами; обратной связи между преподавателем и студентами; обмена управленческой информацией в границах системы дистанционного обучения; выхода в международные информационные сети, а также для подключения к системе дистанционного образования широких слоев пользователей, в том числе заграничных.

Итак, в результате исследования особенностей профессиональной подготовки учителя иностранного языка в системе дистанционного обучения в Великобритании можно констатировать, что ей присущ целенаправленный, планомерный и организованный процесс педагогических влияний, который происходит на расстоянии, на основе интенсивной самостоятельной работы субъектов познавательной деятельности в удобном для них месте и времени, по индивидуальному графику взаимодействия с использованием компьютерно–ориентированных, телекоммуникационных технологий и средств обучения. Вследствие этого процесса у студентов формируются общепедагогические, общекультурные и иноязычные коммуникативные умения как интегрированные качества личности будущего учителя, способного профессионально организовывать обучение учеников общению на иностранных языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Професійно–методична підготовка вчителя іноземних мов у педагогічному університеті: навч. посібник / [Л.В.Калініна та ін.]. – К.: Пед. думка, 2000.
2. Баркасі В.В. Формування професійної компетентності в майбутніх вчителів іноземних мов: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. пед. наук: спец. 13.00.04 "Теорія і методика професійної освіти" / В.В. Баркасі. – Одеса, 2004. – 21 с.
3. Загальноєвропейські Рекомендації з мовної освіти: вивчення, викладання, оцінювання / Науковий редактор українського видання доктор пед. наук, проф. С.Ю. Ніколаєва. – К.: Ленвіт, 2003. – 273 с.
4. Martinet M.A. Teacher training: orientations, professional competencies / M.A. Martinet, D. Raymond. – Gouvernement du Quebec Ministere de l'Education, 2001.
5. Richards J.C. Professional Development for Language Teachers / J.C. Richards, T.S.C. Farrell. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
6. Авшенюк Н.М. Стандартизація професійної підготовки вчителів у Англії й Уельсі (кінець XX – початок XXI ст.): дис. ... канд. пед. наук: 13.00.04 / Авшенюк Н.М. – Інститут педагогіки і психології професійної освіти АПН України. – К., 2005.
7. Martin J. R. Working with Discourse: Meaning Beyond the Clause / J. R. Martin, D. Rose. – London: Continuum, 2003.
8. McLean M. Becoming a university teacher: evidence from teaching portfolios (how academics learn to teach) / M. McLean, J.E. Bullard // Teacher Development. – 2000. – Vol.4, №1. – P.79–97.
9. Shale D.G. Toward a reconceptualization of distance education / D.G. Shale // The American Journal of Distance Education. – 1988. – Vol.2, №3. – P. 25–35.
10. Peters O. Learning and teaching in distance education: analysis and interpretations from an international perspective / Otto Peters. – London: Kogan page Limited, 2001.
11. Simpson O. Student retention in online, open and distance learning / Ormond Simpson. – London: Kogan page Limited, 2003.
12. Dooley K.E. Advanced methods in distance education: applications and practices for educators, administrators and learners / K.E. Dooley, J.R. Linder, L.M. Dooley. – Idea Group Inc., 2005.
13. Mehrotra C. Distance learning: principles for effective design, delivery and evaluation / C. Mehrotra, C.D. Hollister, L. McGahey. – UK: Page Publications Ltd., 2001.
14. Morgan C. Assessing open and distance learners / C. Morgan, M. O'Reilly. – London: Kogan page Limited, 2002.
15. Сайт Открытого Университета Великобритании. – Режим доступа: <http://www.open.ac.uk/>

СУЩНОСТЬ ОЦЕНИВАНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ УКРАИНЫ И США

ESSENCE OF EVALUATION THE TEACHERS' PEDAGOGICAL COMPETENCE IN UKRAINE AND USA

I. Zvarych

Annotation

This article is focused on the essence of evaluation the teachers' pedagogical competence; contradictions of diagnosis the level knowledge quality and effectiveness of teaching the subjects are found out; the basic components of evaluation structure is analyzed; the determinations of teachers' pedagogical competence and "teacher's portfolio" are formulated; the progress of education and its financing trend is indicated.

Keywords: evaluation, knowledge, pedagogical competence, teachers or (lecturers), the Institutions of Higher Learning, quality, educational process, education, students, foreign experience.

Зварич Ирина Николаевна

К.п.н., преподаватель

Киевского национального университета

им. Т.Г.Шевченко

Аннотация

В статье рассмотрено сущность оценивания педагогической компетентности преподавателей; выяснено противоречия диагностирования качественного уровня знаний и эффективности преподавания учебных дисциплин; определено основные компоненты структуры оценивания; сформулировано определения педагогической компетентности преподавателей и "портфолио преподавателя"; указано тенденцию развития образования и финансирования.

Ключевые слова:

Оценивание, знание, педагогическая компетентность, преподаватели, высшее учебное заведение, качество, учебный процесс, образование, студенты, зарубежный опыт.

Образование – основа развития государства, которое всегда отображает интересы общества и выполняет его социальный заказ на поставленные задачи, формирует общественный спрос на знание и перспективы. Для его успешного развития необходимо изучать зарубежный опыт и внедрять передовые новейшие технологии к учебному процессу, в частности, оценивание педагогической компетентности преподавателей, чтобы повысить качество обеспечения образовательных услуг. Однако не стоит прибегать к попытке механического заимствования и копирования зарубежного опыта, поскольку необходимо удостовериться в его действенности и адаптации к общекультурным, социально-экономическим и институциональным условиям в высших учебных заведениях Украины и осуществить необходимую диагностику относительно преимуществ и недостатков его внедрения. Необходимо учитывать собственные традиции и достижения в деятельности высших учебных заведениях Украины. И, чтобы добиться реальной попытки внедрения зарубежного опыта необходимо удостовериться в том, что эти желаемые и необходимые изменения являются возможными, доступными и они повлияют на развитие национального образования и его совершенствование. Именно для успешного развития образования в Украине целесообразно изучать зарубежный опыт и внедрять передовые новейшие технологии в учебном процессе.

Изучая дидактическую и методическую зарубежную

литературу можно подчеркнуть, что проблему педагогической компетентности преподавателей рассматривают В.Лейви (Lavy V.), М.Грей (Gray M.), Б.Бердманн (Bergmann B.), Дж. Розенсал (Rosenthal J.), Г.Стрикленд (Stricland G.), М.Еффрик (Afric M.), I.Хеммонд (Hammond E.), Д. Миллер, (Miller D.), М.Снидр (Snyder M.), Х.Марш (Marsh H.), Л.Роче (Roche L.), У.Кешин (Cashin W.), Ф.Фич (Fich F.), Г. Андрущак, А. Маркова и другие. Все они, в некоторой степени, рассматривают учебный процесс, подчеркивая низкое качество преподавания учебных дисциплин и необходимость повышения педагогической компетентности преподавателей, их знания, умения, навыки и отношение к исполнению профессиональных обязанностей.

Цели и задания статьи. Рассмотреть сущность оценивания педагогической компетентности преподавателей; выяснить противоречия диагностирования качественного уровня знаний и эффективности преподавания учебных дисциплин; определить основные компоненты структуры оценивания; сформулировать определение педагогической компетентности преподавателей и "портфолио преподавателя"; указать тенденцию развития образования и финансирования.

Образование является определяющим фактором научного, культурного, экономического, политического, социально-экономического потенциала нации, общества и

государства, поэтому оно считается основой стратегического развития благосостояния людей, умного использования национальных ресурсов, утверждения конкурентоспособности, на международном уровне.

Глобализация, изменение разного вида технологий, переход, к постиндустриальному, информационному обществу, утверждения приоритетов страны обусловили развитие личности как главный показатель и ключевой рычаг современного прогресса и развития государства. Необходимость реформирования высшего образования и потребность в радикальной модернизации высших учебных заведений, ставят перед обществом и государством обеспечить приоритетность развития образования и науки, которые зависят от качества компетентности преподавателей, их педагогического мастерства. Именно поэтому оценивание педагогической компетентности преподавателей – одна из важных проблем повышения качества учебного процесса.

В этом отношении немало успехов достигнуто в системе высшего образования США. Оценивание педагогической компетентности преподавателей США – важный инструмент контроля и стимулирования педагогов относительно эффективности преподавания учебных дисциплин, повышения качества учебного процесса и обеспечения образовательных услуг. Благодаря реформам в американском обществе, образование стало более открытым, разнообразным, разносторонним. Особенно важным стал процесс оценивания педагогической компетентности преподавателей США в ходе, которого привлеченные работники образования, администрация высших учебных заведений, студенты, родители.

Оценивание педагогической компетентности преподавателей в высших учебных заведениях США непосредственно связанное с проблемой обеспечения качества высшего образования, экономическими, политическими и общественными факторами влияния на его функционирование, которое характеризуется научно обоснованными и практически проверенными педагогическими принципами диагностирования.

В соответствии с Лиссабонской стратегией в Европейском Союзе предусматривалось финансирование науки в объеме не менее как 3% ВВП. Согласно статистическим данным, расходы на образование в США составляют 7% валового национального дохода, или почти 350 млрд. долларов на год. В начале XXI века бюджетное финансирование высшего образования в США покрывало 42,5 % общих расходов ВУЗА, в том числе 12,4 % – за счет федерального бюджета, 27,5 % – за счет бюджетов штатов, 2,6 % – за счет местных бюджетов. Государственные учебные заведения получают от администрации штата до 50 % всех финансовых поступлений, а частные ВУЗы работают на самофинансировании [6].

Сегодня в США насчитывается 3190 только университетов без филиалов и 7000 институтов и колледжей, в которых можно получить высшее образование. Например, в штате Калифорния (California) – 365 высших учебных заведений, в штатах Флорида (Florida) – 163, в штате Иллинойс (Illinois) – 177, в штате Нью-Йорк (New York) – 289 и т.д.

Образовательные заведения США, в которых осуществляется преподавание учебных дисциплин по программе "после получения среднего образования", правомерно называются высшими учебными заведениями. Именно поэтому в США не существует существенной разницы между колледжами и университетами. Но стоит различать колледжи, в которых происходит учебный процесс по программе, рассчитанной на два или четыре года учебы. Колледжи США, которые готовят специалистов в течение двух лет учебы, можно приравнять к техникумам и профессиональным лицеям в нашей стране, а те, которые работают по программе четырех лет учебы, – к профильным институтам. Колледжи, в которых осуществляется учеба по двухгодичной программе, – это американский подход к профессиональной подготовке специалистов.

В настоящее время в Украине существуют 854 высших учебных заведений, причем их количество I – II уровней аккредитации в последние годы стало уменьшаться, а именно: 754 – в 1991/1992 у. г., 664 – в 2000/2001 у. г., 511 – в 2009/2010 у. г., 505 – 2012/2013, а количество заведений III – IV уровней аккредитации выросло более чем в два раза: 156 – в 1991/1992 у. г., 315 – в 2000/2001 у. г., 350 – в 2009/2010 у. г., но – 349 в 2012/2013. Подчеркнем, что учебные заведения I – II уровней аккредитации – это техникумы, училища и колледжи, которые осуществляют подготовку специалистов за специальностями образовательного квалификационного уровня младшего специалиста и бакалавра. Высшие учебные заведения III – IV уровней аккредитации – это институты, консерватории, академии и университеты, кото-

рые проводят подготовку бакалавров, специалистов и магистров.

Интересной является динамика количества учебных заведений за годы независимости, в частности за 20 лет количество учебных заведений I – II уровней аккредитации уменьшилось с 742 до 505, а заведений III – IV уровней аккредитации наоборот выросла с 149 до 349. Такое количество высших учебных заведений в Украине на 46 млн. населения, которое уменьшается, является неуместным, потому что не обеспечено достаточно качественным преподавательским составом.

Финансирование у высших учебных заведениях Украины обеспечивается за счет: средств государственного и местного бюджетов; юридических и физических лиц, общественных организаций и фондов, в том числе благотворительные взносы и пожертвования; полученные от предоставления учебными заведениями дополнительных образовательных услуг; кредитов на развитие учебных заведений всех уровней и получения образования; кредитов от осуществления учебными заведениями экономической деятельности, регламентированной государством.

Однако, средства получены из государственного бюджета не в состоянии полностью удовлетворить расходы на организацию образовательных услуг в отечественных высших учебных заведениях, потому источником финансирования высшего образования Украины является поступление от физических лиц, что составляет около 62 % от общего финансирования и почти в два раза превышает государственное поступление и только 1 % от общей суммы финансирования – средства юридических лиц [4]. В связи с реформирование высшего образования в Украине происходит становление рыночных отношений, поэтому внедряется смешанное финансирование высших учебных заведений, которое используется на развитие ВУЗА в соответствии со своими уставами и потребностями, в частности расходы на оценивание педагогической компетентности преподавателей и определения их рей-

тинга.

Главным приоритетом развития украинского образования является курс на превращение его в обстоятельную и качественную отрасль обслуживания населения. Поэтому важно приблизить отечественное образование к международным стандартам, обогатить его действенными теоретическими, практическими, методическими работками и разработками, оптимизировать структуру, обеспечить высококачественными кадрами, в частности, и преподавателями.

Перед руководством высших учебных заведений существенно появится вопрос качественного уровня преподавания учебных дисциплин, компетентности и профессиональности каждого преподавателя. Изучение научных исследований, которые связанные с тематикой оценивания педагогической компетентности преподавателей, убеждает в наличии определенных противоречий, присущих диагностированию качественного уровня знаний и эффективности преподавания учебного предмета, а именно:

- ◆ между потребностью обеспечить эффективность педагогической компетентности преподавателей и отсутствием всесторонней объективной системы оценивания педагогической деятельности педагогов;
- ◆ между необходимостью создать условия для профессиональной педагогической деятельности преподавателей и возможностями обеспечить оценивание уровня качества их профессиональности и компетентности;
- ◆ между функциями и подходами к диагностированию педагогической компетентности преподавателей;
- ◆ между требованиями высшего образования к педагогической компетентности преподавателей и реальным профессиональным уровнем преподавания учебных дисциплин;
- ◆ между качественным, техническим обеспечением и реальным уровнем подготовки высококвалифицированного специалиста, его компетентностью;
- ◆ между новейшими технологиями учебы и общим качественным уровнем подготовки специалистов, опытом работы с новейшими технологиями.

Необходимость решения вышеупомянутых противоречий, нуждается в изучении достижений зарубежного опыта, в частности, американского относительно оценивания педагогической компетентности преподавателей в высших учебных заведениях США.

Учитывая, что педагогическая компетентность преподавателей – это высокая внутренняя культура и духовная красота, широкое мировоззрение и интеллект, гармоничное сочетание всех профессиональных характеристик педагога, его опыта, знаний, умений и навыков, которые комплексно используются в учебных, организационных,

методических, научных, культурных мероприятиях учебно-воспитательного процесса и основываются на высоких моральных, демократических принципах учебы и воспитания студентов, доброжелательного общения, творческого научного поиска, обоснование прогрессивных современных идей и внедрение новейших технологий учебы, личностной ответственности, за качество учебного процесса и осознанности полномочий для определения качественного уровня знаний студентов и научно педагогического состава в высшем учебном заведении [2, с. 131].

Поэтому изучая оценивание педагогической компетентности преподавателей США, можно выделить три основных направления: знание учебной дисциплины и умение её передать; личностное качество преподавания учебной дисциплины; профессиональность педагога. За этими направлениями студенты США активно диагностируют каждый компонент педагогической компетентности преподавателей и выражают свои собственные оценочные суждения по каждому в частности.

Таким образом, сущность оценивания педагогической компетентности преподавателей состоит в диагностировании их знаний, умений, навыков, отношения к выполнению профессиональных обязанностей.

Изучая зарубежный опыт с оценивания педагогической компетентности преподавателей в высших учебных заведениях США, при всех их достижениях, можно подчеркнуть, что процесс диагностирования имеет некоторые недостатки: совпадают рейтинги оценивания педагогической компетентности преподавателей опытных и начинающих; прослеживается влияние на рейтинг педагогов и показатели студентов; существует недоверие к оцениванию студентами педагогической компетентности преподавателей; непрофессиональность педагогов-экспертов; использование результатов педагогической компетентности преподавателей лишь в интересах высшего учебного заведения; прослеживается неточность информации на веб-страницах Интернет-сайтах [2, с.33]. Несмотря на недостатки системы оценивания педагогической компетентности преподавателей США, изучение лучшего в их опыте поможет осуществлять целеустремленно работу по стабилизации системы образования в высшей школе Украины, повысить процесс реформирования национального образования в контексте глобализации и евроинтеграции, поднять конкурентоспособность украинских высших учебных заведений в европейском образовательном пространстве

К сожалению, оценивания педагогической компетентности преподавателей в высших учебных заведениях Украины не осуществляется систематически, не применяются проверенные опытом стандарты диагностирования, которое затрудняет практическую деятельность

ВУЗА, в частности, определение рейтинга преподавателей и установления показателей их педагогической компетентности. Полученные показатели указывают преимущественно лишь на количество баллов, которые считаются средствами диагностики. Однако они могут влиять на формирование оценочных суждений и входить в статистические данные, которые освещают конкретную информацию о функционировании и результативности системы оценивания педагогической компетентности преподавателей.

О.Г. Величко, В.И. Иващенко, О.Г. Ясев, О.Д. Рожков подчеркивают, что в НМетАУ (Национальной металлургической Академии Украины) проводится анонимное анкетирование студентами услуг, которые относятся к учебному процессу, в частности анкетирование студентов относительно уровня проведения учебных занятий и личных качеств преподавателя. Однако мнение учёных стоит расширить, поскольку личные качества преподавателя могут быть разные и даже те, которые не достаточно характеризуют преподавание учебной дисциплины и учебный процесс в частности.

Хотя педагог совмещает в себе качества: преподавателя-профессионала, человека, личности, однако их нужно разграничивать, потому что они имеют похожие характеристики, но разное призвание в обществе. Например, педагог-профессионал, обычно в педагогической деятельности характеризуется: знающим, профессиональным, талантливым, хорошим, умным, современным, мобильным, суровым, объективным, снисходительным и т.д. Характеризуя педагога как человека и, рассматривая его человеческие качества в сфере педагогической деятельности, можно добавить, что преподаватель доброжелателен, эгоистичен, настойчив, неуравновешен, категоричский, имеет плохой или хороший нрав, завидует, может сплетничать и т.д. Соответственно, личность педагога в обществе можно характеризовать так: целеустремленная, сильной воли, карьерная и так далее. Таким образом, когда студенты определяют качества преподавателя, то они оценивают его как человека или личность, а

не как педагога–профессионала, поскольку не являются экспертами этой профессиональной отрасли.

В НМетАУ студенты оценивают педагогическую деятельность преподавателей, учитывая его компетентность, коммуникабельность, требовательность, импозантность, эрудированность и, в известной мере, харизматичность. Такие качества широко характеризуют педагогическую деятельность преподавателя и его компетентность. О.Г. Величко, В.П. Иващенко, О.Г. Ясев, О.Д. Рожков считают, что наиболее рациональным способом учета педагогической составной деятельности педагога является оценивание преподавателей студентами – основным потребителем услуг образования [1, с. 80]. Мнение ученых заслуживает определенного внимания, однако не стоит полагаться лишь на оценивание педагогической компетентности студентами. Безусловно, студенты – основной потребитель услуг образования, а преподаватели – источник накопленной информации, которую они профессионально передают своим воспитанникам. Однако любые оценочные суждения сделаны личностью являются субъективными, поскольку на них влияет человеческий фактор. Поэтому для объективного оценивания педагогической компетентности стоит учитывать мнение студентов, преподавателей, экспертов, администрации, и так далее.

В НМетАУ оценивания педагогической компетентности преподавателей осуществляется за такими основными критериями: написание статей в отечественных и зарубежных изданиях, монографий, пособий и тому подобное; руководство аспирантами и соискателями, научно-исследовательскими работами; выполнение учебной нагрузки. Нужно заметить, что отмеченные критерии оценивания педагогической компетентности преподавателей, определяют количественные показатели, а не характеризуют качество преподавания учебной дисциплины. Чем больше опубликовано научных статей и защищено диссертаций и научных проектов, тем высший рейтинговый показатель у преподавателей, кто занимается научной деятельностью. Преподаватели, которые меньше уделяют внимания научной работе, имеют низший рейтинг из педагогической компетентности, несмотря на то, что они значительно повышают свое педагогическое мастерство путем введения новых курсов, поиска новой учебной информации, и тому подобное. Именно поэтому научную работу стоит совмещать с учебной, процессом опроса студентов, прислушиваться к мнению экспертов, администрации и педагогов, в процессе оценивания педагогической компетентности преподавателей.

В процессе организации анонимного опроса студентов необходимо учитывать многосторонность критериев оценивания, которые имеют соответствующее влияние на определение баллов из педагогической компетентности. Показатели, которые определяют умение педагога преподавать учебный материал и характеризуют его, как

профессионала, должны быть высокими в процессе оценивания его педагогической компетентности.

По мнению ученых, удельный вес оценки свойства "ясность и доступность преподавания учебного материала" должен быть существенно больше, чем "доброжелательность, вежливость и пунктуальность" [1, с. 82]. "Ясность и доступность преподавания учебного материала" – это характеристика преподавателя–профессионала, а "доброжелательность, вежливость и пунктуальность" – человеческие качества педагога, которые можно отнести к его этическому воспитанию. Учебный процесс в высшем заведении образования предусматривает изучение предмета этика, поэтому преподаватель должен быть образцом этических отношений и воспитывать молодежь на высоких моральных принципах: Добра, Вежливости, Справедливости. Преподаватель – это образец, на которого равняется молодежь, потому ему нужно совмещать профессиональные знания из учебной дисциплины, собственный кругозор с принципами высокой морали. Таким образом, сущность этического воспитания, значимость человеческих качеств педагога не стоит уменьшать за счет профессионализма наставника, поскольку профессиональные качества – это одна из составляющих педагогической компетентности преподавателя.

О.Г. Величко, В.П. Иващенко, О.Г. Ясев, О.Д. Рожков подчеркивают, что расчеты всех рейтинговых оценок, что осуществлялся в автоматизированном режиме, позволяя проводить аранжировку преподавателей разных категорий за результатами их деятельности, поощрять победителей и стимулировать других наставников к достижению лучших показателей. Однако, научные работники подчеркивают, что в процессе оценивания педагогической компетентности преподавателей в течение шести лет проявились определенные недостатки. Выяснилось, что контингент победителей почти не изменился, стабильными были показатели у преподавателей, которые проводили научные исследования, публиковали результаты поисков в научных журналах, имели темы для работы с аспирантами, магистрами и студентами, которые готовили к защите диссертации и научные проекты. Такие результаты наталкивают на мысль, что преподаватели, которые имеют диплом кандидата наук или доктора, значительное внимание уделяют педагогической деятельности и меньше совершенствуют педагогическую компетентность.

За счет количественных показателей при публикации научной продукции и консультации с будущими научными работниками, они набирают баллы, которые определенным образом влияют на рейтинг педагогической компетентности. Поэтому желательно измерять педагогической компетентности преподавателей в процессе оценивания.

Измерение педагогической компетентности преподавателей – это сложный процесс, который предусматрива-

ет принятие решений относительно формата заданий, процедуры проведения тестирования педагогов, включения дополнительного материала, из учебной дисциплины и педагогики, формирования портфолио, использования компьютерных технологий.

"Портфолио преподавателя" – это совокупность учебных и видео материалов педагога, которые используются в процессе преподавания учебной дисциплины и диагностирования качественного уровня знаний студентов, необходимых для оценивания педагогической компетентности преподавателей и получения подтверждения степени магистра согласно стандартам Национального совета [2, с. 69].

К качественным показателям оценивания педагогической компетентности преподавателей нужно отнести: содержательные знания из учебной дисциплины, которую читают в высшем учебном заведении; способность передать свои знания, навыки, опыт студентам; возможность осуществлять преподавание учебной дисциплины как для индивидуального восприятия студентов, так и групповой учебы, уделяя внимание общему развитию воспитанников; умение квалифицированно осуществлять оценивание качественного уровня знаний студентов; возможность отвечать за управление процессом учебы и контролировать его; умение и возможность определить образовательные цели учебных программ, анализировать и совершенствовать их по мере производственной необходимости и запросами государства; способность осмысливать свою педагогическую деятельность и учиться на основе своего опыта и способствовать содружеству с другими высококвалифицированными специалистами. Учитывая такие показатели в процессе диагностирования, можно измерять педагогическую компетентность преподавателей и определить ее качественный уровень.

Оценивание педагогической компетентности преподавателей желательно внедрять в высших учебных заведениях Украины, чтобы модернизировать образовательные заведения и потенциально реформировать высшее образование; повысить качество преподавания учебных

предметов и учебного процесса; улучшиться профессиональные, научные, этические качества научно педагогического состава; усовершенствовать методику оценивания, учитывая мнение внешних потребителей образовательных услуг. Позитивные показатели оценивания педагогической компетентности преподавателей будут способствовать последующему имиджу высших учебных заведений на рынке образовательных и научных услуг Украины в контексте глобализации и евроинтеграции.

В связи с развитием общества появляется потребность реформированием высшего образования, модернизации высших учебных заведений, повышения качества образовательных услуг, в чем имеет значение изучения зарубежного опыта. Особенно относительно тех преобразований в отрасли инновации, которые добавляют весомость дипломам украинских специалистов к требованиям определенных в общих чертах мировых стандартов.

Таким образом, можно сделать выводы, что для успешного развития образования в Украине целесообразно изучать зарубежный опыт и внедрять передовые новейшие технологии в учебном процессе. Однако необходимо учитывать собственные традиции и достижения в деятельности высших учебных заведениях страны.

Оценивание педагогической компетентности преподавателей в высших учебных заведениях Украины целесообразно осуществлять не для того, чтобы обнаружить лучшего преподавателя, а для определения потенциальных его возможностей, которые способны повысить качество преподавания учебной дисциплины.

Внедряя опыт зарубежных стран в высшие учебные заведения Украины, необходимо заимствовать все-то необходимое, что повысит качество учебного процесса и будет иметь позитивное влияние на модернизацию учреждений системы образования. Поэтому использовать рейтинг преподавателей нужно для внедрения новых учебных дисциплин, которые будут необходимы в ближайшем будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Величко О.Г. Розвиток рейтингового оцінювання діяльності науково-педагогічних працівників / О.Г. Величко, В.П. Іващенко, О.Г. Ясев, О.Д. Рожков // Вища школа. – 2011. – № 3. – С. 78 – 84.
2. Зварич І.М. Теоретичні і методичні основи оцінювання педагогічної компетентності викладачів США: Навч. посібник. – К.: Фенікс, 2012. – 148 с.
3. Budget. Budget of the United States Government. – FY2010. – Wash. – 2009. – P. 2 – 60.
4. Eurostat [электронный ресурс]. – Режим доступа до журн. : <http://www.epp.eurostat.ec.europa.ua>
5. Statistical Abstract of the United States – Wash. – 2009. – P. 140 – 161.
6. Statistical Information on Higher Education in Central and Eastern Europe [электронный ресурс]. – archive.nbu.gov.ua/portal/chem_biol/...6/291_Bosak_17_6.pdf
7. European Center for Higher Education [электронный ресурс]. – Режим доступа до журн. : <http://www.cepes.ro>

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ ЮНЫХ СПОРТСМЕНОВ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ СПОРТИВНОГО ВОСПИТАНИЯ В УСЛОВИЯХ ДЮСШ

SOCIAL ACTIVITY FOR YOUNG ATHLETES AS PART OF SPORTS EDUCATION IN SPORTS SCHOOL

E. Maksachuk

Annotation

The paper reveals the importance of social activity and social courage, and the results of the survey, indicating the components of personal data among young athletes today. Discusses criteria for assessing both the coaching staff and dealing with Sports School. Sports School is to create optimal conditions for the formation of the social potential of the pupils, through the implementation of their social activity. Classes at the Youth Academy, which do not affect the mechanism of self-education and self-education and reduces the desire to realize their abilities, can not create a solid foundation for developing a distinct personality.

Keywords: young sportsman, social activity, social boldness, sports education.

Максачук Екатерина Павловна
Кандидат педагогических наук,
Московская государственная академия
физической культуры и спорта

Аннотация

В статье раскрывается значение социальной активности и социальной смелости, а также приведены результаты социологического исследования, указывающего на данные личностные компоненты среди юных спортсменов в настоящее время. Рассматриваются критерии оценки данных показателей как тренерского состава, так и занимающихся ДЮСШ. Спортивная школа должна создать оптимальные предпосылки для формирования социального потенциала своих воспитанников, путём реализации их социальной активности. Занятия в ДЮСШ, которые не затрагивают механизм самообразования и самовоспитания и снижает стремление к реализации своих способностей, не может создать прочный фундамент гармонично развивающейся личности.

Ключевые слова:

Юный спортсмен, социальная активность, социальная смелость, спортивное воспитание.

Развитие общества в значительной степени определяется уровнем социальной активности его граждан, являющейся одним из результатов воспитания. В условиях ДЮСШ обучающимся предоставляется право выбора вида деятельности, уровня сложности и темпа освоения программы в избранной сфере деятельности.

Юный спортсмен как субъект воспитания представляет собой постепенно формирующуюся личность, усваивающую общественное сознание, идеи, и как следствие этого, формирующую собственные мотивы и стимулы поведения, совершающую все более осознанный и сознательный выбор поступков.

Спортивное воспитание представляет собой целенаправленный процесс формирования личности средствами спорта, когда воспитательный, образовательный и тренировочный компоненты объединяются.

Со временем формируются личностные качества, потребности, активная жизненная позиция, которые способствуют осуществлению собственного критического анализа влияний, отношений, взаимодействий. Появляется возможность ставить перед собой цели для сознательного самосовершенствования и осуществлять самовоспитание.

Наиболее развернутым и реализующим главный смысл социальной активности представляется опреде-

ление ее В.З. Коганом – социальная активность – это сознательная и целенаправленная деятельность личности и ее целостно-социально-психологическое качество, которые, будучи диалектически взаимообусловлены, определяют и характеризуют степень или меру персонального воздействия субъекта на предмет, процессы и явления окружающей действительности. Деятельность выступает как способ существования социального субъекта и является реальным проявлением его социальной активности.

Развитие социальной активности юных спортсменов является одной из важнейших задач тренировочного процесса. Главная цель формирования социальной активности подрастающего поколения связана с формированием гражданина, личности, способной полноценно жить в новом демократическом обществе и быть максимально полезным этому обществу.

Формирование социальной активности происходит благоприятно в условиях атмосферы эмоционального подъема, при высокой организации деятельности в процессе взаимодействия с другими людьми. Необходимым условием эффективной работы по формированию социальной активности является его включенность в коллектив [3]. Поэтому занятия в ДЮСШ являются комфортной средой для повышения социальной активности ребенка. Именно здесь в результате совместной деятельности осуществляется обмен информацией, согласование об-

щих целей, взаимный контроль, развивается способность понимать состояния и мотивы поступков товарищей по команде и соответственно на них реагировать.

Важно отметить, что социальную активность и мировоззрение человека взаимосвязаны, что предает деятельности организованный, осмысленный и целенаправленный характер [2]. Практический уровень мировоззрения определяют поступки человека, с учетом норм, ценностей и убеждений.

Целью исследования было определить уровень социальной активности и социальной смелости среди юных спортсменов. Для этого было проведено социологическое исследование среди 587 учащихся ДЮСШ г. Москвы и Подмосковья.

Согласно полученным результатам наиболее высокие показатели социальной смелости наблюдаются на предварительном и начальном этапах тренировки: около 65,2% мальчиков и 53,3% девочек. Далее этот процент несколько снижается, но у юношей более выражен (58,1%), чем у девушек (43,2%).

Уровень социальной активности среди учащихся ДЮСШ более выражен в группах углубленного этапа, а также спортивного совершенствования у юношей (28,5%), чем у девушек (24,2%). В группах предварительной и начальной подготовки преобладает низкий уровень социальной активности – около 69,2% среди мальчиков и 67,3% среди девочек.

Социальная активность проявляется в заинтересованности чем-либо, в готовности осуществлять деятельность. Как справедливо писал Е. А. Аркин, "когда ребенок погружается в поток коллективной жизни, тогда всплывают такие стороны детской индивидуальности, которые при всевозможных других условиях не могут проявиться или быть обнаружены. В коллективе, достойном своего имени, ребенок не растворяется, а, наоборот, находит условия для выявления и расцвета своих лучших сторон" [1]. В детских спортивных в повышении социальной активности большую роль играет творческое сотрудничество.

Принцип инициативы и творчества как тренеров, так и юных спортсменов, требует:

- ◆ формирования ярко выраженного индивидуального стиля деятельности каждого тренера;

- ◆ освоения поисково-исследовательской функции; преодоления стереотипности и инертности мышления и поведения;
- ◆ поощрения личностей нестандартности, таланта тренера, распространения новаций;
- ◆ сотворчества со спортсменами.

Можно выделить критерии эффективности организации воспитания социальной активности юных спортсменов:

- ◆ высокий уровень культуры тренерского состава, владеющего действенными технологиями воспитания социальной активности юных спортсменов;
- ◆ высокая результативность спортивной деятельности;
- ◆ наличие системы сотрудничества с членами семьи спортсмена, образовательным учреждением;
- ◆ действенность воспитательных технологий, используемых для воспитания социальной активности детей.

В свою очередь определить степень социальной активности юного спортсмена помогают следующие критерии:

- ◆ когнитивные: знания о социокультурной деятельности человека;
- ◆ мотивационные: потребность в познании и преобразовании социума;
- ◆ коммуникативные: понимание и принятие норм и правил общения;
- ◆ эмоциональные: любознательность, эмоционально-чувственные реакции, позитивное мироощущение;
- ◆ креативные: творческая созидательная деятельность.

Как актуальная потребность социальная активность реализуется в системе целевых установок, ценностных ориентации, определяющих мотивационную сферу личности, направленность ее интересов, выбор способов деятельности по удовлетворению возникших потребностей. Любая деятельность может быть активной только в том случае, если она является следствием внутренних побуждений и потребностей личности в реализации своего социального потенциала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аркин, Е.А. Родителям о воспитании : пути воспитания // Хрестоматия по педагогике : учебное пособие / Ред. З.И. Равкин ; Сост. М.Г. Бушканец, Б.Д. Леухин. – Москва : Просвещение, 1976. – С. 170–171.
2. Бим-Бад, Б. М., Петровский, А. В. Образование в контексте социализации // Педагогика. – 1996. – №1. – С.4–12.
3. Фельдштейн, Д. И. Психология взросления: структурно-содержательные характеристики процесса развития личности. – М.: Флинта, 1999.

СТРУКТУРНО-ЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДМЕТА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

STRUCTURAL-LOGICAL CONTENT THE SUBJECT OF THE POLITICAL PHILOSOPHY

V. Volkov

Annotation

The author examines issues related to the definition of "politics", "political power", "political freedom".

Historical understanding of the political terms is compared to their modern interpretation and the newly arisen categories, such as liberalism and the political forces, the subject of politics, state, independence, sovereignty, justice.

Keywords: State, politics, political power, political freedom, political philosophy, justice.

Волков Виталий Александрович

Д.пол.н., профессор,

*Северо-Западный институт РАНХиГС
при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург*

Аннотация

В статье автор исследует проблемы, связанные с определением понятий "политика", "политическая власть", "политическая свобода".

Историческое понимание политической терминологии сопоставляется с современной их трактовкой и с вновь возникшими категориями, такими как либерализм, политические силы и политические субъекты, государство, независимость, суверенитет, справедливость.

Ключевые слова:

Государство, политика, политическая власть, политическая свобода, политическая философия, справедливость.

Парадокс политической практики начала нового тысячелетия заключается в том, что наличие самых благоприятных условий для социально-экономического развития государства, обыкновенно отсутствующих в критические исторические периоды, не реализуется в особо значимых результатах общественного процесса.

Как правило, парадокс – это всегда видимость. Мы наблюдаем некий процесс, его составляющие, и только заблуждаемся в определении субъекта этого процесса, ресурса заинтересованных акторов, в распределении особенных и единичных составляющих этого процесса.

Идеологемы модернизации и кризиса закольцевали политическую рефлексию в нерасторжимый цикл предельных представлений о внешней и внутренней политике. Конституционные основы государственности, несмотря на прописанные в них ценностные ориентиры развития, не дают исчерпывающего ответа о содержании современной государственности. Все сферы общественного бытия, будь то экономическая, социальная, религиозная, национальная сегодня становятся ареной политики, на которой главные игроки отнюдь не спешат легитимировать свои статусы и лица [10].

Отсутствие политической философии – это всегда угроза будущему. Вместе с этим понимание политики само приобретает черты проблемы. Определение политики как разумной, эффективной, прогрессивной или, наоборот, пагубной, разрушительной, самоубийственной, реакционной предполагает признание того, что последняя в себе содержит онтологические определения. Адекватное описание политических институтов и отношений может быть сколь угодно правильным, но это еще почти ничего

не дает для знания и понимания политики. Знание многообразия политических фактов само по себе не выявляет их смысла. Факты могут удваивать реальность, скрывать действительность. Даже признание их политическими возможно из понимания целого, и сам факт имеет значение, приобретает смысл события только во всеобщей связи, в связи с целым. О самой современности можно говорить, только подразумевая ее внутреннее единство, выходящее за рамки хронологической одновременности.

Здесь возникает новый ракурс проблемы. Где грань, отличающая современное понимание политики от ее понимания в различные исторические эпохи? Развивается ли понятие политики в истории и зависит ли это только от прогресса в познании, или и от своеобразия исторической эпохи? Неизбежно придется предположить, что историческое исследование понятия политики опирается на некоторое понятие единства истории и внутреннего различения ее на периоды. Следовательно, философия истории выступает не только как предпосылка, но и как органическая часть политической философии. Политическая философия еще со времен Аристотеля относилась к практической философии в том смысле, что свой конечный смысл познание находит не в самом себе, а в практике, опирающейся на нравственное основание [13], когда сама действительность выступает в форме противоречия, воспринимаемого как борьба различных социальных сил.

Таким образом, мы сталкиваемся с проблемой всеобщей связи, целого, предельного единства политики. Такое единство в философии определяется как идея. Идея политики есть условие и результат познания мира политического.

Мышление постоянно имеет дело с идеями. Мыслить предмет и означает выразить его единство в понятиях, в форме конкретно всеобщего. Следует с самого начала избавиться от психологических представлений об идее, имеющих силу предрассудков. Идея в философии не понимается как нечто сугубо субъективное, как только мыслительная конструкция, результат психической активности. Идея формируется и осмысливается в структуре человеческой деятельности и в естественно-исторической определенной системе общественных отношений. Следовательно, идеи не только отражают политические процессы, но и сами являются общественными отношениями в их идеальной форме.

Понятие идеи также развивалось в истории, и это существенно определяет понимание идеи политики. Политическое знание, будучи одним из древнейших, довольно поздно конституировало себя в качестве отдельной научной дисциплины и ведет свою историю с конца XIX в.

Рождается политология в лоне расцветающего позитивизма, и первоначальные устремления ее связаны, по иронии истории и вопреки логике самоопределения любой предметности, именно с усилиями по элиминации идей, метафизических предпосылок из позитивного знания. Много энергии затрачивается на обоснование ценностно-нейтрального характера политического знания. В ходе дальнейшего развития политология постепенно изживает естественно-научный пуризм, особенно с помощью активизации исследований в рамках истории политической мысли. Однако стремление к искусственной отдельности, особенности политического знания делают чрезвычайно актуальными проблемы единства политического знания в историческом развитии. Следует только заметить, что речь идет не об абстрактном единстве, а о конкретном единстве, выражающем себя через различие исторических форм и противоречивое развитие логических определений.

Что является принципом, позволяющим развернуть понимание политики в целостную систему знания? Как этот принцип раскрывает себя в определенных понятиях, фиксирующих реальные политические отношения? Каков результат развития этого принципа? Как различие политических учений отдельных представителей политической философии реализует себя как конкретное единство в понимании идеи политики? Смысл исследования духовного наследия, истории мысли замечательно выразил И. Кант: "Замечу только, что нередко и в обыденной речи, и в сочинениях путем сравнения мыслей, высказываемых автором о своем предмете, мы понимаем его лучше, чем он сам, если он недостаточно точно определил свое понятие и из-за этого иногда говорил или даже думал несогласно со своими собственными намерениями" [7, с. 350].

Проблемы политической философии, предполагая академический интерес, далеко не исчерпываются последним. Современная Россия снова стоит перед вопросом о том, что такое свободное государство, государство свободы. Каким образом свобода индивида осуществля-

ет себя в свободном государстве? Государство все еще представляется строительной конструкцией, которую можно разобрать до размеров будки для "ночного сторожа". Представления же о государстве как о "нравственной действительности" конкретного народа воспринимаются как темные и неуместные. И окончательных ответов все еще нет.

Актуальность политико-философского исследования для современной политической мысли вызвана также и драматизмом той ложной альтернативы, перед которой оказались сегодня многие политические субъекты: либо либеральная демократия с дальнейшим вхождением в глобальную мировую экономику с угрозой потери политической субъектности, либо деспотический режим с утратой всех свобод и уходом с исторической арены. Либерализму нет альтернативы, все политические цели известны, а потому известна и судьба народов, ведущая их в "перспективу многовековой скуки", – писал один из "пророков" однополярного мира Ф. Фукуяма [14, с. 148]. Политика начинает пониматься как технология достижения целей. Однако концептуальная незначимость, позитивистский технологизм современной политической мысли порождает дезинтеграционные процессы, воспроизводящие исторические формы кризисов. Именно поэтому сегодня актуализированы цивилизационные и религиозно-фундаменталистские прочтения современных политических процессов

Политика обычно понимается как борьба за власть, в которой взаимоотношения, в конечном счете, определяются господством и подчинением. "Protego ergo obligo – это cogito ergo sum государства, и учение о государстве, которое не имеет систематического осознания этого положения, остается недостаточным фрагментом" [19, с. 53]. Понятия власти и свободы всегда сосуществовали в истории политической мысли. Различия в их понимании зависели от того, какое понятие выступало определяющим принципом для политического дискурса.

Именно различное понимание свободы (и само понимание идеи как некой абстракции) радикально разводит либерализм как идеологию и традицию политической философии. Это противостояние не является чем-то исключительно особенным для истории политической мысли. Оно восходит еще к античности. "В Греции, – замечает К. Ясперс, – правда, только кратковременно – существовала свобода, не возникавшая более нигде. Содружество свободных людей устояло под натиском универсальной деспотии, тотальной организации, облагодетельствовавшей народы" [20, с. 85]. Однако свобода в античности не выступала в качестве фундаментальной проблемы. Свобода стала политической проблемой в новейшей истории тогда, когда индивидуальная, частная свобода потребовала своей легитимации в качестве общественной ценности, когда индивид становится единицей политических отношений, их субъектом. Мыслители этого периода размышляли в рамках общей задачи создания научной философии, научного мировоззрения и поиска однозначных законов истории в рамках идеи по-

зитивного господства человека над природой и обществом, что приводило к тенденции рассматривать политику как технологический процесс.

"Такого человека, – пишет Р. Гвардини, – каким его представляло Новое время, нет. Оно неустанно пыталось заключить его в рамки не соответствующих ему категорий: механических, биологических, социологических; все это вариации основной установки Нового времени сделать из человека существо, которое было бы "природой", будь то даже "духовная природа". Теперь же человек в своей свободе незаместим, даже если не признает ее" [5, с. 152].

Заслуга немецких мыслителей заключается в логико-философском обосновании свободы как практической и политической идеи. Политические учения этого периода являются не просто набором политических убеждений и взглядов. Речь идет о политической философии в буквальном смысле этого слова. Антиномическое противостояние понятий власти и свободы могло закончиться только тогда, когда возникла возможность снять рассудочный характер их противопоставления. А для этого было необходимо возникновение учения о мышлении и разумном познании. Власть, разлагая в себе самое особенное содержание, должна обнаружить свободу как свое собственное основание.

И понятие власти, и понятие свободы фиксируют в себе отношение всеобщего и особенного. Но фиксируют его противоположным образом. Философия И. Канта и, в особенности, его "Критика способности суждения" дали теоретическое обоснование для различения определяющей и рефлектирующей силы суждения. Последняя, в свою очередь, выступила исходным пунктом для познания конкретно всеобщего, действительно разумного, идеи в немецкой классической философии. Кант "определенно приходит к представлению об интуитивном (созерцающем) рассудке, который, давая всеобщие законы, определяет вместе с тем особенное; это – глубокое определение, истинно конкретное, реальность, определяемая присущим ей понятием, или, как это называет Спиноза, адекватная идея" [6, с. 455]. Мысль о свободе как имманентной цели человека дополняется мыслью о возможности единства человеческой деятельности и целесообразности природы. История стала необходимой составляющей политической философии.

Понятие власти остается категорией, характеризующей сущностное противоречие в организации общества. Его содержание исчерпывается подведением особенного под данное всеобщее [8].

Обращение к прошлому, отличному от современного мира, позволяет человеку вырваться за пределы собственной субъективности, придает ему духовные силы, необходимые для решения современных проблем. Нет политической философии вне нас. Историческое наследие мертво без порождения его в нашем духе. Каждая эпоха, поколение, индивид принимает такую определенность духа, какой она предстает в их деятельности. Порождая ее в себе, они обогащают ее своей единствен-

тью. Это единство самоопределения всеобщего и единичной формы рефлектирующего сознания манифестируется как постоянная борьба преодоления единичности всеобщим. В этом заключен смысл всех усилий. Различие заключается в том, какое формообразование духа снимает субъективность познающего, какова определенность выступающего в единичной форме и что остается в результате как материал для следующего шага.

Политика есть деятельность по производству и воспроизведению социальных структур, разрешающих противоречия, которые угрожают свободе общества как целого. Этимологически термин "политика" восходит к названию основной формы древнегреческого сообщества "полис" и означает то, что относится к гражданским, государственным делам. Термин "политика" включает в себе отношение общества и индивида. "Закольцовывание логического движения от политического целого к гражданину и обратно одновременно противопоставляет и соединяет гражданина (polites) и град (polis)" [18, с. 220]. Эта взаимная зависимость и противопоставление усложняют и обогащают политику, а термин делают многомерным. В современной англоязычной политической литературе употребляют три термина, "отдельно выражающих формальное (Polity), процессуальное (Politics) и содержательное (Policy) измерения политики" [21, с. 702].

Непосредственно политическая деятельность не содержит в себе ничего специфически политического. Сначала любой простейший анализ сталкивает нас с устойчивыми социальными образованиями, внутренне расчлененными и находящимися во взаимодействии между собой.

На уровне бытия деятельность социальных структур как "феноменология" политики распадается на три момента: ресурсы, организацию, коммуникацию. Качественное многообразие деятельности, воплощенное в ресурсах, в организации представлено как их определенное количественное соотношение. Коммуникация есть мера взаимодействия организаций, количество которого определено требованиями воспроизводства самих организаций.

Бытие политического не имеет неизменного образа. Субъектами политического действия выступают социальные структуры самого различного характера. Политическое носит исторический характер и выступало в форме греческого полиса, эллинистических государств, Римской империи, королевств средневековья, современных национальных государств. И в рамках каждой исторической эпохи возникали и воспроизводились социальные структуры религиозного, экономического, национального характера, претендующие на роль носителя идеи целостности сообщества людей. Политическое сообщество состоит из большого числа людей, взаимодействующих друг с другом. Сообщество людей представляет систему систем человеческих связей. Системы связей людей базируются на основе определенных ресурсов – человеческих, материальных, финансовых, информационных и образуют социальные институты. Их взаимодействие вклю-

чает в себя как элементы сотрудничества, так и конфликта. Социальные институты создают и исчерпывают поле социально-политических сил и действий. Институты регулируют многообразие действий через систему поощрений и принуждения. Они производят и воспроизводят обычаи, традиции, законы, акты, договоры, носящие нормативный характер.

Все институты существуют благодаря взаимозависимости и своему собственному основанию. Они суть агенты политики. Во взаимозависимости проявляются их функции и свойства.

Тотальность функций политических агентов образует поле политических сил. Совокупность политических агентов во всем их индивидуальном многообразии составляет мир политического. В мире политического агенты политики обнаруживают себя как со стороны своего собственного основания, так и со стороны своих многообразных связей. Таким образом, политические агенты определяются двояким образом: как внешними условиями существования, так и внутренним законом. Они оказываются как устойчивыми, так и изменчивыми. Внутренняя форма политического агента составляет его закон. Закон связи политических агентов в единстве с их многообразием есть коммуникация или политическая система. Именно коммуникационные характеристики политической системы представляют собой содержательную проблему, которая требует ухода от тривиальных типологий [2, с. 5–12].

Все многообразие социальных элементов еще не указывает на специфику политического [9]. Только возможность конфликта сил, ставящая под угрозу существование целого, проявляет структуру сущности политического. "Всякая религиозная, моральная, экономическая, этническая или иная противоположность превращается в противоположность политическую, если она достаточно сильна для того, чтобы эффективно разделять людей на группы друзей и врагов. Политическое заключено не в самой борьбе, которая опять-таки имеет свои собственные технические, психологические и военные законы, но, как сказано, – в определяемом этой реальной возможностью поведении, в ясном познании определяемой ею собственной ситуации и в задаче правильно различать друга и врага" [19, с. 45].

На уровне сущности политическое выступает как рефлексия противоречивого отношения в определениях интереса, конфликта, власти, отражающих моменты различия, противоположности, тождества. Отношение, порождающее политическое, может находиться не в самой крайней стадии развития, создавая различные структуры сущности.

Термин "интерес" имеет древнеримское происхождение и первоначально "interesse" означало "esse" – быть "inter" – между, присутствовать, отличаться [17]. В политическую лексику понятие "интерес" вошло значительно позже, в эпоху Возрождения, и стало связываться с целедостижением правителей, причем с негативным антиэтистским оттенком. Далее понятие интереса начинает

связываться с концепциями общественного интереса, государственного интереса и, наконец, национального интереса.

Наличие у социальных структур своих интересов говорит о нетождественности их с самими собой. Иметь национальный интерес – это значит полагать и снимать границу своего существования. Достижение ни одной цели не исчерпывает деятельность субъекта. Политический субъект не существует только как некое физическое тело. Он находится в системе отношений как в своей системе. И это нахождение "между" и составляет его особый интерес. Дифференциация субъекта в поле политических сил фиксируется в определении интересов, сфер интересов, сфер влияния и т. д. Сферы влияния указывают на неравновесность различных структур.

Реальная возможность конфликта между различными силами указывает на политические субъекты, самостоятельно определяющие политические силы и отношение к ним [4].

Конфликт является наиболее простым, по видимости, отношением, в котором происходит политическое размежевание. "Хотя сам по себе антагонизм не является источником социальных отношений, этот социологический элемент почти всегда в них присутствует. <...> Вероятно, эта ситуация зачастую связана с так называемым внутрigrупповым смещением в одно целое совместимых и несовместимых мотиваций. <...> То есть структура может быть sui generis <...>, и лишь для того, чтобы описать и понять ее, мы в действительности сводим ее воедино, post factum, из двух тенденций, одной – монистической, а другой – антагонистической. <...> Но то, что исследователь или сам участник разделяет на две взаимосвязанные тенденции, в действительности может являться одной единственной" [22, р. 22–23, 25].

Противоречие, которое открывается в конфликте, указывает на основание, которое оказывается расколобразующим принципом для общества. Такими принципами в истории выступают последовательно цивилизационно-этическое, религиозное, национальное, экономическое, экологическое основания [15, с. 20–27]. На определенном историческом этапе определенная подсистема общества становится основанием политики. Это то, что называют парадигмами политического мышления. Под политической парадигмой следует понимать исторический способ осмысления основания, по которому человеческое сообщество делится на политические единства. Поэтому для начала XXI в. остается актуальным суждение о том, что "хозяйство стало политикой "Politicum", и в силу этого – "судьбой" [19, с. 67].

Основание детерминирует определенность и специфику существования различных институтов, носящих политический характер.

Политическая власть также является отношением. Это отношение отчужденной формы единства общества к нему самому и составляющим его индивидам. В идеале всеобщая воля, которую призвано выражать правительство, должна быть в единстве с единичной волей каждого

индивида. Это тождество характеризует нравственность данного общества. В действительности, в силу различных причин, такое единство не безусловно.

Сложность организации современного общества, развитое личное начало индивидов не позволяют и в то же время лишают необходимости стремиться к непосредственному единству воли. Поэтому государственная власть и претендует на исключительное легитимное насилие в обществе, которое является первым моментом властных отношений. Право государственного насилия или принуждения нуждается в нормативной легитимации, поскольку необходимо различение справедливых и несправедливых властных отношений. Принудительное регулирование в обществе между индивидом и социальными структурами, создающее сложное целое, образует систему господства, характеризующуюся взаимными правовыми обязательствами различных уровней власти.

И, наконец, иррациональный характер господства снимается в отношении управления, базирующемся на распределении компетенции и коммуникации. Управленческие отношения выступают как интегративный фактор многообразных интересов социальных структур, общностей, отдельных личностей, взаимодействующих в процессе управленческой деятельности. Эти отношения устанавливаются в форме многообразных связей и взаимодействий, которые могут носить как линейный, так и неллинейный характер. В структуре управленческих отношений принято выделять отношения централизма и самостоятельности, субординации и координации, дисциплины и ответственности, состязательности и др. [12, с. 146–155].

Несмотря на то, что, осуществляя функции управления, субъекты сознательно регулируют свои действия во имя достижения заранее поставленной цели, управленческая деятельность и отношения управления объективно обусловлены. Именно через них практически реализуются объективные тенденции развития социально-политических и экономических условий, которые, в свою очередь, определяют рамки и ограничения целенаправленной деятельности субъектов управления. Управление, таким образом, не может быть самодостаточным, оно есть производное самоорганизации власти и контролируется ею. Результатом властных отношений и их имманентным моментом является политический порядок

Политическая власть имеет сложную внутреннюю структуру и никогда не сводится к одному из ее моментов. Как пишет М. Туровский: "Социальное существование людей повседневно подтверждает, что жизнедеятельность индивида выступает по отношению к общественному укладу, порядку возмущением. И это не только в смысле различных антиобщественных проявлений, правонарушений. Не менее конфликтным оказывается любое творческое деяние личности, потому что оно вносит перебои в налаженный ритм общественных технологий, будь то производственные процессы, устоявшиеся социальные взаимодействия или даже принятые формы общения. И как бы странно ни звучало такое утверждение,

опыт общественной жизни свидетельствует, что общество тратит массу энергии на нормализацию возможных возмущающих инициатив со стороны личностных отклонений, будь то правонарушения или творчество.

Указанная коллизия образует неистребимое, постоянно возобновляемое противоречие, потому что для хода истории равно органичны и творческая инициативность личности – источник общественных новаций, и упорядоченность во всем диапазоне сотрудничества между людьми – условие эффективности их совместного существования" [11, с. 113–114].

На уровне идеи политика развивается как целевое отношение независимости (суверенитета), справедливости и свободы. Идея выступает как единство субъективного и субстанциального. Политическая практика начинает осуществлять себя как идею тогда, когда она достигает самосознания в своем осуществлении и отличии себя от другого. Иначе говоря, осуществлять себя как свободную практику.

Свобода субъекта сначала выступает как независимость от всякого иного. Это отрицательное понятие свободы. Независимость может трактоваться как суверенитет субъекта. Понятие суверенитета в его классическом определении состоит в том, что: "Суверенитет есть высшая, независимая от закона, [ни из чего] не выводимая власть" [18, с. 31]. И если о внутреннем суверенитете начинают размышлять со времен Ж. Бодена, то о внешнем суверенитете было известно значительно раньше. Понятие суверенитета имеет сложные импликации и сегодня трактуется далеко неоднозначно.

Суверенитет проистекает из власти, но не тождествен ей, и "когда возникает спор о праве (в отношениях сущности – прим. автора) между ли отдельными лицами, между ли частями политического союза, между ли индивидом и политическим союзом, должна быть определенная инстанция, определенная власть, решающая окончательно спорный вопрос о праве" [15, с. 182].

Вторым определением свободы, или идеи как положительного отношения к окружающему миру политического, является справедливость. Понятие справедливости характеризует порядок в обществе и соразмерность воздаяния за общественные деяния. Понятие справедливости подчеркивает именно всеобщеправовую природу организации общественных отношений в противоположность отношениям неправовым, основанным на насилии и произволе. Как неоднократно указывает О. Хеффе, "справедливость можно рассматривать как категорический императив для обладающих полномочиями на принуждение социальных отношений, а политическую справедливость – как категорический императив для государственно-правового порядка, короче говоря, – как государственно-правовой императив" [16, с. 44]. Справедливость – это то, что задает правовое поле для выстраивания отношений между субъектами. Только в рамках таких отношений возможно самоопределение субъектов через признание других агентов политического порядка. Это касается как внутренней, так и внешней политики.

Справедливость как отношение права к идее целого, устанавливающее "hierarchia humana", может быть выражено в следующих положениях:

1. Каждая реализованная ценность находится в ценностном отношении к любой из других реализованных ценностей.

2. Каждая реализованная ценность имеет право на полноту своего достойного существования и развития в пределах общей системы ценностей.

3. Каждая реализованная ценность, в случае нарушения нормальных отношений с другой ценностью, имеет право на установление равновесия.

4. Отношения реализованных ценностей определяются мерой достоинства, присущей каждой из ценностей.

5. Отношения эти составляют общий порядок реальной солидарности" [1, с. 117].

Политическая справедливость оценивает право и государство, а не наоборот, тем самым обнаруживая свою нравственную природу. Именно поэтому уместно говорить о справедливом правовом и государственном устройстве.

И, наконец, единство суверенности и справедливости образует действительную свободу субъектов. Идея свободы – это абсолютное условие, при котором разумное политическое действие становится возможным. Свобода

тематизируется в понятиях самоопределения и самоосуществления [3].

Осуществление политической свободы требует постоянного переопределения. Политическое действие требует поиска такого всеобщего, которое одновременно было бы и особенным. Если свобода полагается как нечто данное, она сразу же выступает в форме произвола, требующего технологии власти для своего обеспечения. В таком случае политика неизбежно превращается в технику завоевания и удержания власти. Вследствие этого государство оказывается носителем особенного интереса и ищет свой базис в наиболее эффективном социальном классе гражданского общества. Свобода, будучи условием политического бытия современного общества, оказывается инструментальной ценностью для достижения других политических целей, порождаемых в сфере особенных интересов. Государство, отождествляясь с интересом слоев и групп гражданского общества, становится инструментальным государством, сжимающимся до аппарата управления.

Логическая структура понятия политики позволяет диагностировать частичность политической практики. Политическая философия, удерживая свой предмет, раскрывает тотальность определений, которая снимает видимость парадоксов современной государственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб.: Юридический институт, 1998.
2. Волков В.А. Идея политики как предмет политической философии // Научные труды Северо-Западной академии государственной службы. 2011. Т. 2. Вып. 3 (4). С. 90–101.
3. Волков В.А. Демократия как проблема в политической философии И. Ильина // Управленческое консультирование. 2012. № 2.
4. Волков В.А. Методологические основания разрешения социальных конфликтов // Управленческое консультирование. 2010. № 2.
5. Гвардини Р. Конец нового времени // Вопросы философии. № 4. 1990.
6. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Соч. Т. XI. М.–Л., 1935.
7. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964.
8. Ледяев В.Г. Политика и власть // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2010. № 1.
9. Ледяев В.Г. Политическая власть: концептуальный анализ // Управленческое консультирование. 2009. № 4.
10. Путин В.В. Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2012. № 1.
11. Туровский М.Б. О зависимости культуры от философии // Здесь и теперь. 1992. № 1.
12. Управленческие отношения и самоуправление в обществе // Общая теория управления. М.: Луч, 1994. С. 146–155.
13. Филиппов Г.Г. Философские вопросы нефилософских наук, или о пользе философии для отраслевых научных исследований для подготовки управленческих решений // Научные труды Северо-западного института управления. 2011. Т.2. Вып. 3.
14. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3.
15. Хесле В. Философия и экология. М.: Наука, 1993.
16. Хейфе О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства. М.: Гнозис, 1994.
17. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. Т. 1–2. М.: Русский язык, 1994.
18. Шмитт К. Политическая теология. Сборник. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000.
19. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1.
20. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.
21. Pipers Wörterbuch zur Politik. B. 1. München-Zürich, 1992.
22. Simmel G. Conflict. Glencoe, 1955.

"ДЖИАР" И ЛОББИЗМ - ДИАЛОГ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВОМ, ОБЩЕСТВОМ И БИЗНЕСОМ

GR AND LOBBYING AS A DIALOGUE BETWEEN STATE, SOCIETY AND BUSINESS

S. Chimarov

Annotation

The specific area of mutual relations of administrative, political and economic structures is considered in the article: lobbying in its various aspects. According to the author, the expert in the field of GR is called for building effective relations between the employer and the power structures. Various forms of promotion of beneficial administrative decisions and their features are considered.

Keywords: GR, PA, PR, lobbying, state, business, society.

Чимаров Сергей Юрьевич

Д.и.н., профессор,

*Северо-Западный институт
 РАНХиГС при Президенте РФ,
 г. Санкт-Петербург*

Аннотация

В статье рассмотрен лоббизм – специфическая область взаимоотношений управленческих, политических и хозяйственных структур – в его различных проявлениях. Автор настаивает, что специалист в области GR призван выстраивать эффективные отношения между своим работодателем и властными структурами. Рассмотрены различные формы продвижения выгодных управленческих решений и их особенности.

Ключевые слова:

GR, PA, PR, лоббизм, государство, бизнес, общество.

В своде коммуникационных технологий политиков и деловых людей России значимое место отведено технологиям триады "пиар (PR)–лоббизм–джиар (GR)". Наибольший интерес в плане установления функциональной взаимосвязи между отдельными элементами вышеотмеченной триады занимает лапидарная формула директора Департамента экономического анализа и перспектив планирования Министерства промышленности и энергетики РФ С. Наумова: "GR – это пиар и лоббизм в одном флаконе: взбалтывать, но не смешивать" [15].

По мнению И. Дмитриева, специалист в области GR призван к тому, чтобы выстраивать эффективные отношения между своим работодателем и властными структурами. Более того, избегая "банального подкупа", "джиарщик" ориентирован не столько на решение конкретной проблемы, сколько на обеспечение эффективного диалога. "Джиарщики" – это строители прочных мостов, ведущих из корпораций во властные структуры. Когда надо, по этим мостам пойдут простые лоббисты с конкретными "интересными" предложениями" [15].

В когорту высокопрофессиональных джиар-специалистов, по оценке руководителя Департамента политического консультирования "PRопаганды" М. Виноградова, по-прежнему входит ""аппаратный зубр" в возрасте за пятьдесят, обладающий набором в несколько тысяч визиток и выступающий элементарным провайдером между интересами корпоративного заказчика и государственного чиновника" [16]. При этом на конкурентном поле политики и бизнеса наблюдается феномен неизменного возрастания кулуарности проводимых дискуссий и принимаемых решений. Данное обстоятельство

коррелирует целесообразность предъявления повышенных требований к качеству аргументации джиарщиками всего комплекса лоббируемых вопросов. "Если раньше было сравнительно легко без концептуальных обоснований продвигать те или иные решения, то теперь джиар-менеджеру все чаще приходится доказывать в глазах чиновников экономическую, политическую и социальную целесообразность лоббируемой инициативы. Поэтому рядом с "аппаратными зубрами" в российском джиаре появляются более молодые специалисты (30–40 лет), которые тонко понимают идеологический "мейнстрим", конъюнктуру взглядов в среде чиновничества и могут вписать в нее продвигаемый проект. Кроме того, им приходится заниматься консультированием чиновников по вопросам того, как это решение может быть обосновано в публичном пространстве" [16].

Обращаясь к упомянутой выше триаде "пиар–лоббизм–джиар", уместно в самых общих чертах охарактеризовать каждый ее элемент в отдельности. Под "пиаром" (PR – Public Relations) понимается деятельность, направленная на организацию благоприятного для базисного PR-субъекта (конкретной организации, учреждения, компании, фирмы и т.д.) коммуникационного пространства.

"Лоббизм" или "лоббирование" (lobby) обычно рассматривают в качестве однонаправленного процесса, имеющего в своей основе интерес и подразумевающего давление в явной или неявной форме.

"Джиар" (GR – Government Relations) следует понимать как "общественную или корпоративную деятельность, направленную на поиск вариантов взаимовыгод-

ного сотрудничества с органами государственной власти и управления, продвижение инициатив государственно-частного партнерства, лоббизм интересов тех или иных федеральных и региональных структур и организаций" [12, с. 138].

Распространенный в профессиональном сообществе политиков и бизнесменов перевод термина "Government Relations" является не совсем точным. Более того, этот неточный перевод приводит к поверхностному выводу о том, что джиар-специалист курирует лишь работу с органами исполнительной власти: аппарат Правительства и профильные для его отрасли министерства. Между тем понятие "Government" в рассматриваемом контексте следует переводить не как "правительство", а как "государственная система управления" в целом, которая включает в себя все ветви государственной и муниципальной власти. Дело в том, что вплоть до середины XX в. под "правительством" понималась именно вся система государственного управления, данные термины считались идентичными, – замечает известный отечественный специалист в области теории и практики GR И. Минтусов [17].

Современная философия GR относит органы государственного управления к категории "стейкхолдера" (от англ. Stakeholder – посредник). В своей деятельности GR-специалист нередко использует элементы лоббизма, однако "джиар" не следует отождествлять с "лоббизмом". Лоббист, работая за гонорар или за процент от сделки (lobby on salari), как правило, обладает политическим весом и соответствующими ресурсами, в том числе авторитетом в конкретной отрасли, а, следовательно, и доступом к конкретному чиновнику. GR-специалист, являясь профессиональным наемным работником базисного GR-субъекта и работая за заработную плату и годовой бонус (lobby for a free), непосредственно занимается оценкой ситуации и помогает базисному GR-субъекту выстраивать конструктивные отношения с органами государственного управления.

Как правило, выделяют три основных категории GR-специалистов: переговорщики, советники и контролеры. В число переговорщиков входят специалисты, основное предназначение которых заключается в умении договариваться.

Советники помогают руководству базисного GR-субъекта грамотно сформулировать проблему и определить оптимальные пути ее решения.

Контролеры отслеживают исполнение принятых обязательств между базисным GR-субъектом и органом государственного управления, а также документооборот в формате ранее заключенных договоренностей.

В профессиональной среде специалистов по связям с органами государственного управления наряду с терминами "лоббизм" и "GR" используется также дефиниция "Public Affairs (PA)". Другими словами, если PR ориентируется на установление отношений со всеми стейкхолдерами [9], то PA "работает" только с теми стейкхолдерами,

деятельность которых сопряжена с публичной политикой.

В формате расширительного толкования феномена Public Affairs, в область последнего, как правило, включают:

1. issues management (управление делами) – решение вопросов в неполитической среде;
2. media relations – отношения с медиа-сферой;
3. grass roots (широкие массы) – продвижение интересов посредством задействования потенциала рядовых граждан и др. формы.

В целях обобщения накопленного опыта PR, GR и PA-деятельности, а также уточнения категориального аппарата PR, GR и PA-сфер авторитетное американское издательство Henry Stewart Publications с 2001 г. выпускает журнал "Journal of Public Affairs".

Среди трактовок дефиниция "Public Affairs" чаще всего выделяют следующие:

- ◆ "Public Affairs (PA, "общественные дела") – отдельное направление, связанное с налаживанием и поддержанием доброжелательных отношений между правительственными учреждениями, органами самоуправления и общественностью" [18].

- ◆ Public Affairs (PA) – направление деятельности по установлению и поддержанию связей организации и выстраиванию взаимоотношений (исходя из собственных интересов) с индивидуальными и солидарными стейкхолдерами в государственной, общественной и корпоративной среде, имеющими существенное отношение и/или влияние на текущую деятельность и стратегическое развитие организации [13].

- ◆ Public Affairs (PA) – это бизнес – функция проактивного (иногда реактивного) управления отношениями с органами власти для максимизации возможностей и минимизации угроз, которые может создать власть.

В первом случае область PA-деятельности солидаризуется с установкой известного английского PR-специалиста Сэма Блэка, автора формулы Public Relations – это искусство и наука достижения гармонии посредством взаимопонимания, основанного на правде и полной информированности" [2, с. 11].

"Социальный заказ больше не направляется к далеким властным чиновникам, глухим к зачастую легитимным требованиям. Граждане сегодня хотят найти партнеров, которые принимают во внимание их тревоги и реагируют на них. Один из путей – это использование новых технологий и электронная администрация. Другой путь – это процесс обновления и реформ государства. Самое важное в этом постоянном процессе обновления – чтобы каждый знал, что происходит в публичной службе, – замечает П. Жевар [5, с. 7–8]. Основными сферами приложения усилий PA являются: связь с местным сообществом ("Community Relations") и социальная ответственность ("social responsibility").

Второй поход к определению Public Affairs заключает в себе формулу П.А. Толстых – составителя "Профессио-

нального словаря лоббистской деятельности". Автор-со-ставитель, в частности, большое значение придает этимологическому смыслу слова "affairs" и апеллирует к тому, что английское слово "affairs" (дела) следует воспринимать как дела "с большой буквы". "Значение слова – не столько процесс, сколько действие. Переводится как "дела", "деятельность", "занятия". Причем дела "с большой буквы" – к примеру, Министерство Иностранных Дел = Ministry of Foreign Affairs. Вот этот высокий смысл и определяет, почему термин "Affairs" в принципе выше "Relations" и отсюда Public Affairs стоит над Public Relations (PR) и Government Relations (GR)", – утверждает П.А. Толстых.

Таким образом, второй подход к определению Public Affairs основывается на том, что PR, GR и иные технологии коммуникативного характера выступают в качестве частного случая PA. Более того, П.А. Толстых исходит из того, что в корпоративной иерархии положение PA-специалиста является более высоким, чем положение его коллег, работающих в области PR и GR.

Согласно другой точке зрения, отождествление понятий "PA", "GR" и "лоббирование" наиболее приемлемо для европейского опыта, в котором категория "лоббизм" наполнена негативными коннотациями, и в силу этого наблюдается подмена термина "лоббизм" термином "PA", а далее термин "PA" подменяется термином "GR". В формате данного подхода в пределы компетенции PA-менеджеров входит решение задач как собственно в области лоббизма, так и в областях неполитической сферы ("issues management"), связей с медиа-сообществом ("Media Relations"), продвижение интересов базисного GR-субъекта при помощи простых граждан и др.

Существует и третья точка зрения о месте GR в системе отношений, которую, в частности, разделяет эксперт-аналитик в области PR Ю.М. Михайлов. Так, по его мнению, инициатором (субъектом) PR-процесса являются "органы государственной власти (органы государственного управления – общегосударственные, субъектов Федерации и местные), а указанную разновидность связей с общественностью можно обозначить как стейт-PR или GR (от англ. "State" – "государство" или "Government Relations")" [7, с. 6].

Функциональная дифференцированность GR-деятельности позволяет говорить о типологии GR

По характеру деятельности различается GR институциональный (стратегический) и GR персональный (тактический). В первом случае речь идет о системности работы и ее планировании на перспективу, во втором – о доминировании тактических и точечных приемов разрешения проблемной ситуации (как правило, посредством задействования потенциала статусной персоны).

По масштабу деятельности выделяют GR корпоративный и отраслевой. Корпоративный GR ориентирован на продвижение интересов конкретного учреждения или бизнес-структуры в конкретном регионе и по характеру своей деятельности является тактическим и целевым.

Доминантой отраслевого GR выступает деятельность по продвижению интересов отрасли в целом посредством воздействия на законодательные и исполнительные органы власти федерального уровня.

По степени алармизма (от англ. "alarmism" – "паника", "тревога") GR подразделяется на антикризисный и регулярный. Сущностный подход к определению антикризисного менеджмента наиболее приемлем с позиций его толкования в контексте Government Relations. В данном случае возможна солидаризация с позицией К. Стокера, понимающего под антикризисным менеджментом процесс подготовки и реализации стратегий и тактик, содействующих предотвращению или видоизменению отрицательного влияния кризиса на организацию [14]. Антикризисная модель GR-деятельности "предполагает работу с госструктурами в чрезвычайном режиме, зачастую при существенном дефиците времени" [12, с. 9]. Алармизм регулярного GR минимизирован, а сама модель означенного типа предполагает упорядоченное и размеренное взаимодействие базисного GR-субъекта с властными структурами.

Степень прозрачности GR-деятельности позволяет проводить грань между транспарентным (цивилизованным) и нетранспарентным (нецивилизованным) подходом к реализации GR-услуг. Если "в начале 2000-х гг. цивилизованный GR был практически не востребован: гораздо легче было решить вопросы непосредственно с заинтересованными представителями государства в "коррупционном ключе" [12, с. 9], то в современных условиях "процесс "российского GR" становится более цивилизованным: при некоторых министерствах появляются прозрачные площадки, где бизнес может открыто выразить свое мнение и повлиять на чиновников (например – экспертные советы в Минпромэнерго)" [19].

Технологический круг GR-деятельности включает в себя следующие сегменты:

- ◆ формирование первичных коммуникационных отношений с представителями властных структур;
- ◆ вовлеченность в деятельность рабочих групп и комиссий при соответствующих властных структурах;
- ◆ организация работы с общественными организациями;
- ◆ позиционирование позитивного имиджа в среде представителей властных структур;
- ◆ законодательная активность;
- ◆ организация взаимодействия с государственными структурами посредством участия в государственно-частном партнерстве;
- ◆ долгосрочное планирование – форсайт;
- ◆ информационно-аналитическое обеспечение GR-деятельности;
- ◆ участие в социально ориентированных проектах и др.

Рассмотрим эти технологические сегменты более подробно.

1. Формирование первичных коммуникационных отношений с представителями властных структур предусматривает:

- ◆ установление контактов в ближайшем окружении государственного служащего лично или посредством профессионального лоббиста-посредника;
- ◆ неформальное "проникновение" в непринужденной форме в ближайшее окружение или в круг "знакомых" соответствующего государственного служащего;
- ◆ инициирование базисным GR-субъектом привлекательных для представителя властных структур бизнес-проектов или общественных инициатив, сопряженных с аппаратными или политическими интересами соответствующего государственного служащего;
- ◆ концентрация усилий по учреждению профильных "ассоциаций", фондов, обществ, партнерств, союзов и др., выступающих в качестве стейкхолдера во взаимодействии с представителями властных структур и др.

"Более рискованным является вариант "срачивания" чиновника с вашим бизнесом (например, предоставление ему членства в совете директоров). Это возможно лишь в том случае, если у вас есть гарантии в отношении того, что представитель власти впоследствии не начнет игру против вас", – замечают А.Б. Шатилов и А.С. Никитин [12, с. 103].

2. Вовлеченность в деятельность рабочих групп и комиссий при соответствующих властных структурах. Инициирование участия, а в дальнейшем и само участие представителей базисного GR-субъекта в деятельности соответствующих рабочих групп и комиссий позволит ему донести до корпорации чиновников свои важнейшие проблемные послания и даже быть непосредственно задействованным в решении отдельных особо значимых вопросов.

3. Организация работы с общественными организациями. Наибольшее значение для продвижения интересов базисного GR-субъекта имеют следующие организации:

- ◆ мультипрофильные организации, отражающие интересы многих отраслей и компаний ("Деловая Россия", "Опора России", РСПП, ТПП и др.);
- ◆ отраслевые организации, отражающие интересы профессионального сообщества или отдельных отраслей (Ассоциация банков, РАСО (Российская ассоциация по связям с общественностью), Росдорсервис, Ассоциация "Строительно-промышленный комплекс Северо-Запада и др.);
- ◆ аналитические центры (Центр Карнеги, ИНСОР, Институт общественного проектирования, Центр стратегических разработок Северо-Запада и др.);
- ◆ общественные организации, выражающие интересы различных групп общественности (Общественная палата РФ, общественные советы при различных министерствах и ведомствах и др.);

- ◆ общественные организации, выражающие интересы конкретных групп общественности (Гринпис, Всемирное общество защиты животных, Всероссийское общество охраны природы и др.).

Выстраивая GR-отношения с мультипрофильными и отраслевыми общественными организациями, базисный GR-субъект получает уникальную возможность продвижения и государственной поддержки наиболее значимых программ своего развития, а также может рассчитывать на снижение или повышение таможенных пошлин, налоговых льгот и т. п.

Обеспечивая сотрудничество с организациями аналитического толка базисный GR-субъект вправе рассчитывать на участие в качестве заказчика или исполнителя конкретных работ, а также на обеспечение необходимого градуса "возбуждения" медийного пространства в выгодном для базисного GR-субъекта варианте.

Установление консенсуса с общественными организациями последних двух типов в перспективе позволяет базисному GR-субъекту минимизировать репутационный ущерб в случае нарушения интересов различных групп общественности.

4. Позиционирование позитивного имиджа в среде представителей властных структур. В качестве ключевых презентационных блоков позиционирования позитивного имиджа базисного GR-субъекта выступают: история становления и развития базисного GR-субъекта и его достижения; социально-экономическая значимость товара или услуги базисного GR-субъекта; краткосрочные планы и перспективы развития (см.: [3; 4; 6; 8]).

5. Законодательная активность. Законодательная активность базисного GR-субъекта является важнейшим элементом предзаконодательного процесса (первой стадии законодательного процесса), охватывающего "этап от появления идеи, предложения о необходимости разработки нового закона до поступления этого предложения на рассмотрение соответствующего органа и подготовки законопроекта" [1, с. 251].

Демонстрируя законодательную активность, базисный GR-субъект взаимодействует с субъектами права законодательной инициативы, в число которых, согласно ст. 104 Конституции РФ, входят Президент РФ, Совет Федерации, члены Совета Федерации, депутаты Государственной Думы, Правительство РФ, законодательные (представительные) органы субъектов РФ. По вопросам их ведения право законодательной инициативы принадлежит также Конституционному суду РФ, Верховному суду РФ, Высшему арбитражному суду РФ. При этом важно заметить, что работа в области проявления законодательной активности должна проходить в плоскостях юридического сопровождения, экспертного сопровождения, организационного сопровождения и PR-сопровождения.

6. Организация взаимодействия с государствен-

ными структурами посредством участия в государственно-частном партнерстве (ГЧП). Под государственно-частным партнерством обычно понимается совокупность форм средне- и долгосрочного взаимодействия государства и бизнеса для решения общественно значимых задач на взаимовыгодных условиях.

В широком смысле, к основным формам ГЧП в сфере экономики и государственного управления относятся любые взаимовыгодные формы взаимодействия государства и бизнеса, государственные контракты, арендные отношения, финансовая аренда (лизинг), государственно-частные предприятия, соглашения о разделе продукции (СРП) и концессионные соглашения. По состоянию на июль 2011 г. определения ГЧП присутствуют в законах о ГЧП, принятых в 35 субъектах РФ (общепринятого определения ГЧП, как и федерального закона о ГЧП, на сегодняшний день не существует).

В число важнейших инструментов ГЧП входят: концессия, контракты жизненного цикла; инфраструктурные облигации; особые экономические зоны, инвестиционный фонд РФ, Внешэкономбанк (ВЭБ).

7. Долгосрочное планирование – форсайт. Форсайт (от англ. Foresight – взгляд в будущее) является эффективным инструментом формирования приоритетов и мобилизации большого количества участников для достижения качественно новых результатов в сфере науки и технологий, экономики, государства и общества. Сущностными элементами форсайта являются метод Дельфи (опросы экспертов в два этапа), дорожные карты, экспертные панели, анкетирование экспертов, круглые столы и мозговые штурмы.

Консолидация на одной площадке усилий представителей базисного GR-субъекта и представителей властных структур приводит к согласованию как поведенческих реакций всех игроков, так и заинтересованных сторон GR-проекта.

8. Информационно-аналитическое обеспечение GR-деятельности. Информационная составляющая информационно-аналитического обеспечения GR-деятельности содержит:

- ◆ сбор информации об эвентуальных каналах коммуникации с наиболее значимыми фигурами чиновничьего аппарата;
- ◆ уточнение потенциальных ресурсов конкретного представителя властных структур;
- ◆ разведывательная деятельность в отношении возможных действий конкурентов в формате запланированного проекта и их возможностях;
- ◆ определение степени заинтересованности властной структуры в реализации намеченного проекта базисного GR-субъекта. Аналитическая компонента информационно-аналитического обеспечения GR-деятельности предлагает:
- ◆ анализ политической и социально-экономической ситуации на федеральном и (или) региональном

уровнях и соответствия намеченного проекта базисного GR-субъекта "мейнстриму", характерному для конкретной властной структуры;

- ◆ определение потенциального круга лиц из числа "агентов влияния" и лоббистов-посредников;
- ◆ исследование "расклада сил" с позиций возможного участия "групп влияния" в лоббировании проекта базисного GR-субъекта;
- ◆ формирование психологического портрета представителя властных структур, интересующего базисный GR-субъект, и уточнение его политических и мировоззренческих приоритетов;
- ◆ анализ и учет возможных рисков и барьеров в случае реализации планируемого проекта;
- ◆ определение тактики и стратегии достижения запланированных целей в процессе продвижения GR-инициативы.

9. Участие в социально ориентированных проектах. Примером, иллюстрирующим содержание означенного технологического сегмента, является деятельность созданного Федеральным агентством по техническому регулированию и метрологии при участии РСПП Технического комитета по стандартизации № 417 "Социальная ответственность", целью которого является разработка национальных стандартов в области социальной ответственности. Российский союз промышленников и предпринимателей разработал Социальную хартию российского бизнеса – свод основополагающих принципов социально ответственной деловой практики, которые приемлемы для деятельности любой организации, независимо от профиля деятельности и формы собственности.

Социальный отчет любой российской компании структурирован в соответствии с принципами и стандартами GRI (Global Responsible Initiative – глобальные инициативы в области отчетности).

В структурном плане основными элементами социального отчета (по версии GRI) являются показатели:

- ◆ экономической отчетности;
- ◆ экологической результативности;
- ◆ результативности в области прав человека;
- ◆ результативности подходов к организации труда;
- ◆ результативности в области ответственности за продукцию;
- ◆ результативности взаимодействия с обществом.

Политический маркетинг предполагает осуществление планомерной работы по продвижению корпоративных интересов организации в правительственных кругах и достижению успеха в случае участия в конкурсах на получение госзаказа. "Сделать государство своим постоянным заказчиком – важнейшая стратегическая задача любой корпорации. В нынешних условиях сюда же следует отнести и работу, направленную на возможное получение государственной антикризисной поддержки. Успех на этом направлении во многом зависит от квалификации и

степени обладания технологиями Government Relations (GR)".

Выступая в качестве неотъемлемого атрибута управления социально-экономическими процессами в современной России, "магия" GR представляет высокие требования к профессиональным компетенциям GR-специалиста. "Среди качеств, которыми должен обладать джигарщик, способный организовать диалог с представителями государственного органа, можно отметить высокие коммуникативные способности, навыки эффективного межличностного общения, стратегическое мышление, умение формулировать проблемы и задачи, лидерские качества. Можно также добавить глубинное понимание

особенностей функционирования законодательной и исполнительной власти, специфики межведомственных отношений и навыки лоббирования, а также и креативность, способность нестандартно мыслить", – замечают аналитики Recruitment Company [20].

Итак, следует говорить о тесном взаимодействии GR и лоббизма, о диалоге между государством и бизнесом. Институты PA и PR выступают в качестве ключевых элементов взаимодействия, с одной стороны, бизнеса и общества и государства, с другой. Общий же фрейм – взаимодействие государства и общества – свидетельствует о безусловной включенности в это взаимодействие общества, бизнеса и власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барихин А.Б. Большая юридическая энциклопедия. М.: Книжный мир, 2010.
2. Блэк С. Паблик Рилейшнз. М.: Сириус, 2003.
3. Востряков Л.Е. Имидж в структуре коммуникативного пространства // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 1. С. 65–73.
4. Востряков, Л.Е. Особенности индивидуального имиджа // Государственная Служба. Вестник Координационного совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 61–67.
5. Жевар П. Основные вопросы публичной службы. Париж: L'Etudiant, 2003.
6. Магомедов К.О. Имидж государственной службы как образ государственной власти // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2010. № 1. С. 45–55.
7. Михайлов Ю.М. Связи с общественностью по-русски. М.: Бератор, 2007.
8. Попова О.В. Особенности формирования имиджа государственного служащего // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2009. № 2. С. 60–73.
9. Чимаров С.Ю. Российский опыт организации связей с общественностью в условиях экономического кризиса начала XXI в. // Научные труды Северо-Западной академии государственной службы. 2011. Т. 2. Вып. 1. С. 245–258.
10. Чимаров С.Ю. Связи с общественностью: из истории становления профессии // Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления. 2011. № 4. С. 156–169.
11. Чимаров С.Ю. GR: типология и технология деятельности // Научные труды Северо-Западной академии государственной службы. 2011. Т. 2. Вып. 3. С. 3. С. 181–191.
12. Шатилов А.Б., Никитин А.С. GR для эффективного бизнеса. М.: Форум, 2011.
13. PR: Современные технологии / под ред. С. П. Бровко. СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2008.
14. Stocker K.P. A strategic approach to crisis management // The Handbook of Strategic Public Relations and Integrated Communications / C.L. Caywood (Ed). N. Y.: McGraw Hill, 1997. P. 189–203.
15. Дмитриев И. Джиар в России больше, чем пиар // Версия. 2005. 14 марта.
16. Бычихин Д. Джиар в России: "молодые волки" против старых и аппаратных зубров [Электронный ресурс] // HeadHunter. URL: <http://www.planetahr.ru/publication> (дата обращения: 28.02.2013).
17. Толстых П. Лоббизм, Government Relations (GR) и Public Affairs (PA): к истокам понятий [Электронный ресурс] // Lobbying.ru: Российский профессиональный портал о лоббизме и GR. 2007. 26 июня. URL: http://lobbying.ru/index.php?article_id=1451 (дата обращения: 28.02.2013).
18. Public Affairs (PA). [Электронный ресурс] // AGT: коммуникативное агентство: официальный сайт. URL: http://www.agt-agency.ru/services/public_affairs/ (дата обращения: 26.02.2013).
19. Фокин В. Особенности отношений бизнеса и власти в России // Международные процессы. 2011. Т. 9. № 1 (25). URL: www.intertrends.ru/twenty/012.htm (дата обращения: 28.02.2013).
20. Алеева Е. Ходоки во власть // Коммерсантъ. Деньги. 2007. 22 октября.

НЕТРАДИЦИОННЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ СООБЩЕСТВА КАК РЕФЕРЕНТНЫЕ ГРУППЫ

NON-TRADITIONAL RELIGIOUS COMMUNITIES AS REFERENCE GROUPS

Y. Yakovleva

Annotation

In the article the author examines the main socio-psychological and socio-cultural factors of the non-traditional choice of a man. The problem of the non-traditional religious identity is analyzed with the help of the theories by R. Merton, R. Niebuhr, Ch. Glock and R. Stark. The characteristics of the missionary work of the non-traditional communities are also examined in the article.

Keywords: non-traditional religious community, reference group, deprivation.

Яковлева Юлия Александровна

*К.соц. н., ассистент
Национальный минерально-сырьевой
университет "Горный",
Санкт-Петербург*

Аннотация

В статье рассмотрены основные социально-психологические и социокультурные факторы, определяющие религиозно нетрадиционный выбор человека. Проблема принадлежности индивида к определенной нетрадиционной религиозной группе проанализирована автором сквозь призму концепций Р. Мертон, Р. Нибура, Ч. Глока и Р. Старка. В статье также уделено внимание характеру миссионерской деятельности современных религиозных новаций.

Ключевые слова:

Нетрадиционное религиозное сообщество, референтная группа, депривация.

Механизмы воспроизводства нетрадиционных религиозных сообществ (далее – НРС) – в частности, связанные с привлечением новых последователей – подчиняются общим законам духовного (религиозного) производства.

Деятельность религиозных виртуозов (основателей религии, пророков), заключающаяся на в первое время прежде всего в выработке определённых религиозных идей, фундирует процесс религиозного производства. Своё продолжение он (процесс) получает в работе профессиональных религиозных служителей, теологов, рядовых верующих, направленной на упорядочение и систематизацию религиозных представлений и их дальнейшее распространение. При этом функционирование агентов религиозного производства находится в прямой зависимости от потребностей и интересов социальных общностей, институтов, общества в целом. Другими словами, процесс религиозного производства не возможен в условиях отсутствия на него социального спроса.

В основе потребления религиозных идей и ценностей, являющегося неотъемлемой частью религиозного производства, лежит, на наш взгляд, поиск индивидами социокультурной, в том числе религиозной, идентичности.

Встреча с носителями инокультурных образцов (традиций, обычаев, норм, ценностей) не редко заставляет личность осмыслить свой культурный опыт, разобрать свой духовный (интеллектуальный, этический, эстетический) багаж, проанализировать своё "Я", его устремления, ожидания и т. д. Соприкасаясь с различными культурными системами и их представителями (отельными индивидами, социальными группами, институтами), сопоставляя

их позиции по широкому кругу вопросов, разделяя представления одних и отвергая взгляды других, индивид – порой незаметно для самого себя – конструирует свою личностную (включая религиозную) идентичность [8].

Формирование религиозной идентичности индивида, как нам представляется, связано с его ориентацией в процессе духовных исканий на конкретную религиозно референтную группу. При этом следует оговориться: ввиду того, что нас интересует в данном случае стадия религиозного поиска, под референтной группой мы подразумеваем не-членскую групповую структуру, т. е. общность, к которой индивид формально не принадлежит, но которая обладает для него рядом привлекательных черт. Обзор религиозных Интернет-форумов показывает, что нередко в референтную категорию попадают сразу несколько объединений: в целях религиозной идентификации индивид одновременно посещает встречи (богослужения, молитвенные собрания) двух и более организаций. Не проходя официальной процедуры присоединения (например, крещения), он остаётся внешним субъектом по отношению к сообществу, претендентом, но не-членом, даже если его вступление оказывается растянутым на годы.

И здесь перед нами встаёт вопрос о детерминантах выбора не-членской референтной группы, которая, как правило, рано или поздно становится для индивида членской референтной группой, т. е. общностью, знакомство с которой заканчивается официальным вхождением в неё.

Как отмечает Р. Мертон, большое влияние на выработку облика личностной (включая религиозной) идентичности индивида исходит от конкретных референтных

личностей, идеи и поведенческие модели которых рассматриваются "реципиентом" в качестве эталонных [5. С. 454–457]. Даже беглый обзор наиболее распространённых НРС показывает, что их основателями являются харизматические люди, которые благодаря личностным особенностям приобрели последователей, более того, смогли придать движению своих поклонников институциональный характер. Назовём некоторых "пророков": Ч. Рассел (Исследователи Библии, известные сегодня как свидетели Иеговы), Прабхупада (Международное общество сознания Кришны), Р. Хаббард (Саентология), С. Мун (Всемирная ассоциация семей за мир во всём мире), Махариши Махеш Йоги (Трансцендентальная Медитация), В.Я. Береславский (Православная Церковь Божией Матери "Державная"), С.А. Тороп (Церковь Последнего Завета).

Американский исследователь Р. Нибуру, анализируя причины, обуславливающие религиозный выбор человека – факторы религиозной идентификации, – разделяет духовных искателей на две группы [7. С. 505–506].

Одни верующие сконцентрированы главным образом на своём внутреннем мире, своих духовно–нравственных проблемах, болезненно переживают своё личностное несовершенство и духовную слабость в борьбе с пороками, с чем связывают свои жизненные проблемы. Для таких людей религиозно референтной оказывается община, которая, по их мнению, способна удовлетворить их духовно–нравственные потребности, община, делающая акцент на индивидуальную этику, индивидуальную вину и ответственность перед Богом. Примечательно, что описываемая разновидность богоискателей зачастую направлена в своих религиозных поисках не на традиционные церкви и деноминации, а на секты/ культы. На наш взгляд, одна из главных причин этого кроется не столько в теологической (вероучительной) сфере – совпадении религиозных взглядов индивида и общности (хотя исключать этот момент нельзя), – сколько в социально–психологической сфере – привлекательности для человека тесных отношений с единоверцами, недостаток которых наблюдается в церковных структурах.

Согласно Нибуру, для сект, заостряющих внимание на проблемах нравственного несовершенства своих приверженцев, на их индивидуальной ответственности перед Богом за собственные духовные падения, характерна тенденция к преобразованию в деноминации. Что касается демографического среза подобных сообществ, то среди верующих преобладают люди, принадлежащие к среднему классу [там же]. Если обратиться к истории протестантских церквей, то примером этически ориентированной общины может служить методизм, возникший в XVIII столетии в интеллектуальной и образованной среде последователей Англиканской церкви как сектантское движение, упрекавшее государственную церковь за слабую евангелизаторскую деятельность и ставившее своей целью новую евангелизацию английского общества. Сегодня же методисты – одна из уважаемых деноминаций

во многих странах мира: в США, Австралии и т. д.

Другая группа верующих сосредоточена в основном на вопросах социального характера: на проблемах социального неравенства, дисфункциональности социальных институтов, призванных регулировать взаимодействие индивидуальных и групповых акторов в обществе. Тема индивидуальной морали остаётся в поле их зрения, но она (тема) приобретает социальную окраску: духовно–нравственный облик отдельного человека связывается с социальным климатом. Как следствие, верующие с такими взглядами проявляют интерес к религиозным объединениям, уделяющим значительное внимание социальной проблематике. Социальная направленность той или иной религиозной общности может приобретать разные формы: от радикальных призывов и действий до умеренных теорий. В качестве исторического примера социального радикализма в религии можно указать на такое заметное явление религиозно–реформационных процессов XVI века, как создание Мюнстерской коммуны. В связи с этим интересна речь Т. Мюнцера, сыгравшего заметную роль в истории коммуны: "Мы все – братья, так как мы имеем одного отца в Адаме. Откуда происходит это различие в общественном и имущественном положении? Зачем нам изнемогать в бедности, [...] в то время, как они (дворянские и церковные феодалы. – Ю.Я.) утопают в роскоши? Разве мы не имеем права на равенство имущества [...]?" [3. С. 98]. Если говорить о социально–умеренных религиозных практиках, то подходящими примерами здесь являются Адвентисты Седьмого Дня, Армия Спасения и последователи Виссариона. Так, адвентисты–"субботники" наряду с религиозной деятельностью осуществляют широкое социальное служение: содержат на свои средства около пятисот благотворительных медицинских учреждений во многих странах мира, оказывают гуманитарную помощь при стихийных бедствиях и т. д. Благотворительные социальные программы адвентистов Седьмого Дня рассчитаны на всех нуждающихся, независимо от национальности и религиозных убеждений. Озабоченность адвентистов Седьмого Дня социальными вопросами выражается и в так называемой "санитарной реформе" Э. Уайт (Ellen White), обязывающей адвентистов вести здоровый образ жизни, отказавшись от пагубных привычек (алкоголя и т. д.). Армия Спасения реализует такие социальные проекты, как предоставление продовольственной, медицинской, психологической и юридической помощи бездомным (бесплатные столовые, решение проблем со здоровьем, психологическая поддержка, восстановление документов), работа с инвалидами и заключёнными. "Виссарионовцы" связывают духовно–нравственное преображение человечества с реализацией принципа гармоничного взаимодействия с природой. Достичь этого, по их мнению, возможно с помощью экопоселений, в которых должно уделяться особое внимание сельскому хозяйству и художественно–народному промыслу. На практике, как показало исследование Л.И. Григорьевой, эти идеалы–устремления орга-

низационно результируются в форме классической религиозной коммуны, уделяющей серьёзное внимание экологической проблематике [6. С. 5, 6, 26].

Как правило, религиозные секты с умеренной социальной ориентацией, которые не склонны связывать спасение человека исключительно со степенью совершенства социальной реальности, которым чужды идеи радикальных социальных изменений, организационно эволюционируют в деноминации (Адвентисты Седьмого Дня, Армия Спасения).

Специфической разновидностью социально ориентированных сект являются общности, обладающие следующими особенностями. В своей вероучительной литературе такие объединения последовательно, систематически критикуют сложившуюся социальную структуру, демонизируют те или иные социальные институты и группы и, как следствие, призывают своих последователей противостоять "миру сатаны". Однако подобные установки не получают прямого разрешения на практике: в виде реальных попыток резкого изменения социальной действительности, что характерно для религиозных сообществ с радикальными социальными программами. В рассматриваемом нами случае практическим следствием подобных установок является разной степени социальный изоляционизм. Последнее обстоятельство затрудняет организационное развитие секты в деноминацию.

Хотелось бы подчеркнуть, что две вышерассмотренные категории духовных искателей – этически ориентированные и социально ориентированные – являются, выражаясь языком М. Вебера, идеальными типами. Они не встречаются в "чистом" виде в религиозной сфере жизни общества. Как правило, для одного и того же верующего характерна двунаправленность: к примеру, стремясь к духовно-нравственному пробуждению своей личности, он рассматривает его как посильный личный вклад в изменение социального образа мира. Следовательно, выделение двух групп НРС – акцентирующих духовно-нравственный компонент и акцентирующих необходимость социального реформирования – условно. В реальности наблюдается преобладание, доминирование одной из направленностей, что и позволяет нам различать людей, находящихся в духовном поиске, и секты/ культы, предлагающие "ищущим" пути спасения.

Заслуживает пристального внимания объяснение процесса обретения индивидом религиозно нетрадиционной идентичности (доминирующих факторов, характерных условий и т. д.), предложенное так называемой депривационной концепцией, разработанной американскими социологами Ч. Глоком и Р. Старком и связанной, на наш взгляд, с ориентацией индивида на религиозно референтную группу. Принадлежность к религиозной секте/ культу объясняется, по мнению американских исследователей, феноменом индивидуальной или групповой депривации (от лат. *deprivatio* – лишение, потеря) [10. С. 242–252]. Под депривацией понимается состояние, при котором отдельный индивид (или группа индивидов)

болезненно переживает свою обделённость (в самом широком смысле) в сравнении с другими индивидами и группами [2. С. 252].

Неравный доступ к производству и распределению материальных благ влечёт за собой неравномерное распределение доходов в обществе, что, в свою очередь, ограничивает возможности удовлетворения потребностей определённых индивидов и групп. Такая ситуация порождает у индивидов или групп, оказавшихся "не у дел", экономическую депривацию.

С экономической депривацией тесно связана социальная депривация. Ключом к пониманию факторов социальной депривации служит социальная дифференциация, ядром которой является социальный статус. Социальный статус определяется такими показателями, как размер собственности, объём властных полномочий, престиж профессии. Эти – то характеристики и являются основными компонентами социального неравенства, неизбежно влекущего за собой у отдельных индивидов и групп чувство социальной обездоленности – социальную депривацию. На наш взгляд, взаимосвязь экономической и социальной деприваций позволяет их объединить в один тип депривации – социально-экономический.

Люди, имеющие врождённую или приобретённую инвалидность (физическую или психическую), индивиды, сталкивающиеся с проблемами со здоровьем и невозможностью их разрешения медициной, становятся жертвами так называемой телесной (*organismic*) депривации.

Одни индивиды, сталкиваясь с финансово-материальными затруднениями или испытывая проблемы со здоровьем, пытаются разрешить их доступными "мирскими" средствами: повышают уровень образования, профессиональную квалификацию, меняют место работы (при социально-экономической депривации), ищут наиболее эффективные методы лечения, посещают авторитетные медицинские учреждения (НИИ, центры, клиники) с целью получения высококвалифицированной медицинской помощи (при "телесной" депривации), присоединяются к общественным движениям, деятельность которых нацелена на совершенствование определённых сфер жизни общества: например, повышение качества жизни таких незащищённых групп населения, как инвалиды, многодетные семьи, одинокие пенсионеры, безработные и т. д. (при "телесной" и социально-экономической депривациях).

Другие же возлагают свои надежды по устранению возникающих жизненных трудностей на религию, причём на её нетрадиционные формы. Последнее обстоятельство объясняется тем, что традиционные религиозные сообщества оказываются скомпрометированными в их глазах тесным сотрудничеством с государственной властью, ответственной, по их мнению, за существование различных социальных "болезней". Взаимодействие традиционных конфессий с государством расценивается как одобрение его социальной политики, в том числе неспособности ликвидировать социальное неравенство. Нега-

тивное восприятие традиционных религиозных структур приобретает у ряда граждан устойчивый характер в случае, если церковно–государственные отношения имеют многовековую историю (например, Католическая и Православная церкви). Неприятие традиционной религиозной культуры стимулирует поиск альтернативной религиозной идентичности, который приводит духовных искателей в НРС – оплот мировоззренческого неконформизма и "духа" оппозиционности по отношению к традиционным социальным институтам (религии, экономике, государству, морали и другим).

Однако попытки выхода из депривированного состояния путём вхождения в определённую религиозную общность мало эффективны. Религиозная принадлежность не решает ни финансовые, ни жилищные, ни профессиональные, ни другие проблемы социально–экономического характера, вызывающие социально–экономическую депривацию.

Вышесказанное распространяется и на "телесную" депривацию. Некоторые НРС привлекают людей заявлениями устранения имеющихся у них соматических заболеваний, обещаниями улучшения психического самочувствия, обретения душевного равновесия, гармонизации отношений с родственниками, сослуживцами и т. д. Например, саентологические центры предлагают потенциальным клиентам пройти разработанные ими психологические тренинги и процедуры "аудитинга" – авторской методики избавления от отрицательных наслоений, накапливающихся в "бессознательном" психике человека. Медитативная практика, если верить саморекламе "Международного университета Махариши" (ТМ), способствует психологической релаксации, увеличению интеллектуальных способностей, обретению ощущения полноты и радости жизни [1. С. 261]. Христианские харизматические объединения проводят эмоционально эффективные массовые сеансы призвания Св. Духа для исцеления недугов. Благодаря постоянно "подогреваемой" пасторами вере, члены подобных сообществ убеждены в неминуемом выздоровлении.

Вслед за Ч. Глоком и Р. Старком принадлежность к НРС представляется нам своего рода психологической компенсацией экономической, социальной и телесной деприваций, но не действенным способом устранения причин депривации, а значит, и самой депривации.

Этическая депривация имеет место быть тогда, когда индивид (или группа индивидов) остро переживает несоответствие своей системы ценностей и идеалов общественному этосу. Другими словами, этическая депривация появляется тогда, когда индивид оказывается в состоянии ценностного конфликта с отдельными индивидами, отдельными группами и институтами, обществом в целом. При этом человек крепко держится за свою систему ценностей и оберегает её от влияния извне.

Однако часто мы можем наблюдать совершенно противоположное явление: людей, страдающих от духовно–нравственной пустоты, от отсутствия ценностной систе-

мы, которая могла бы ориентировать их на жизненном пути. Они находятся в состоянии психической депривации, вследствие чего в максимальной степени подвержены социальному влиянию, восприимчивы к различным философским, этическим, религиозным и другим теориям.

Именно этическая и психическая депривации являются аутентичными причинами вступления индивида в религиозное объединение, независимо от его структурно–организационной формы (будь то секта или церковь). Именно в этом случае религия успешно устраняет депривацию, а не просто компенсирует её, как в ситуации с экономической, социальной и телесной депривациями [10. С. 242–259].

Другие мотивы индивидуальной ориентации на конкретную референтную религиозную общность можно объединить в две условные группы: 1) социально–психологические и 2) социокультурные. Под социально–психологическими причинами мы понимаем стремление человека элиминировать социально–проецируемые проблемы психологического характера: к примеру, нехватку общения, отсутствие собственной семьи т. д.

Среди социокультурных детерминант имеет смысл различать религиозно–мировоззренческий, социально–экономический, политический, эстетический, этический и некоторые другие факторы.

Лидирующее положение религиозно–мировоззренческого компонента в социокультурном блоке мотивационной структуры конфессиональных предпочтений индивида обеспечивает формирование аутентичной религиозной идентичности. Принятие определённых религиозных воззрений предполагает согласие и с другими элементами религиозной системы: морально–этическими принципами, социальными, политическими идеалами и установками, художественными диспозициями, т. е. ценностно–нормативной подсистемой религии, регламентирующей взаимодействие между верующими, верующими и "внешним миром". Другими словами, религиозный выбор в этом случае характеризуется целостностью.

В результате доминирования иных социокультурных ориентиров происходит формирование фрагментарной – в противовес целостной – религиозной идентичности: нерелигиозные составляющие религиозной системы представляют для индивида больший интерес по сравнению с собственно религиозными идеями. К примеру, одни духовные искатели в вопросе конфессиональной принадлежности серьёзное внимание уделяют форме обрядов и ритуалов (песнопения, музыка, одежда клира) (эстетический фактор), другим импонирует позиция группы по тем или иным социальным проблемам (социальное неравенство, высокий уровень преступности, военная напряжённость) (социально–экономический, политический факторы), третьих привлекает групповое понимание нравственных норм, регулирующих семейную жизнь, взаимодействие полов и поколений (этический фактор).

Эмпирической иллюстрацией вышесказанного могут

послужить материалы социологического исследования жизнедеятельности Санкт-Петербургского филиала "Церкви Христа" (не путать с Бостонским движением), осуществлённого в 2003–2004 гг. под руководством Г.В. Еремичевой [4]. Полуформализованные глубинные интервью, взятые в ходе обследования у членов общины, освещают наряду с другими вопросами и интересующую нас проблему конфессионального выбора, конфессиональной принадлежности.

Как показывают интервью, некоторые респонденты были хорошо знакомы с учением и культовой практикой Православной церкви, были практикующими верующими. Но, несмотря на "воцерковлённость", они, как показал опыт, не были застрахованы от разочарования в вероучении или от чувства неудовлетворенности той или иной стороной церковной жизни. "...Вот православная церковь, – рассуждает одна из прихожанок "Церкви Христа", – всё время говорит о том, что мы тут рождены для того, чтобы мучиться, страдать, замаливать свои грехи, что мы все грешны, что только на небе мы обретем счастье и радость, и все прочее. А эта церковь говорит, что надо жить и радоваться, помогать другим людям и другие хорошие дела делать, а там уже на небе это все будет хорошо само собой, если ты здесь живешь по христианским заповедям, хорошо себя ведешь и веришь всему этому. [...] Поэтому такой положительный настрой, я бы сказала, этой церкви мне очень импонирует" (Ж. 69 л.). А вот, что говорит другая верующая, имеющая православный опыт: "...Я считала себя знатоком иконописи, по разным церквям и храмам разъезжала. Я пыталась ходить тогда в православную церковь, вот в 90-х годах сделаться прихожанкой, но у меня это плохо получалось" (Ж. 65 л.) [4. С. 183–184]. Данные интервью иллюстрируют выделенный нами религиозно-мировоззренческий фактор, когда человек в выборе конфессии сосредоточен главным образом на вероучении и практике религиозной организации.

Среди респондентов встретились и верующие, на чей религиозный выбор повлияли другие социокультурные факторы. Индивидуальные культурные предпочтения личности порой не совпадают с культурными образцами, предлагаемыми обществом (религия, искусство, философия, мораль, право, политика и т. д.). "Культурный" диссонанс неминуемо провоцирует поиск социокультурной альтернативы. "Я пришёл в церковь Христа, – делится своим опытом один из респондентов, – на волне отрицания всего советского. Меня все раздражало в те годы здесь. Я отвергал все советское, и как теперь понимаю, даже хорошее. Но тогда я был очень увлечен Западом, западной демократией, культурой, образом жизни. И когда я познакомился с американскими проповедниками из Церкви Христа, я подумал, что это идеальная церковь и она для меня" (М. 57 л.) [Там же].

Изучая тексты интервью, мы пришли к заключению, что принадлежность некоторых респондентов к "Церкви Христа" изначально была продиктована социально-психологическими факторами. Одних привлекала возмож-

ность изучения английского языка с "носителями" (среди старейшин велика доля иностранцев; кроме того, в организации часто гостят миссионеры из США), другие стремились разрешить брачный вопрос (создать семью с порядочным человеком). Для кого-то была важна реальная разносторонняя помощь и поддержка со стороны общины. В подтверждение нашего вывода о существенной роли социально-психологического фактора в религиозном поиске человека приведём выдержки из некоторых интервью. "Я тоже начала ходить в церковь после программы по изучению английского. Но потом как-то прижались, стала ходить на богослужения воскресные, а потом на занятия по Библии. Вы, помните, какое было время? Ни работы, ни денег. Все бросились спасаться, кто куда может... А церковь мне тогда очень помогла во всех отношениях. И морально, и духовно, но могу честно сказать, и материальная тоже была поддержка. Я им (американским миссионерам) очень благодарна. Это то, что мне было нужно тогда, да и теперь стало необходимым делом" (Ж. 53 г.). "На самом деле мне это все помогло достичь того, что я хотела изначально. Я хотела создать семью на здоровой основе, чтобы муж мой вел здоровый образ жизни [...]. Был духовно близок мне. Вот сейчас у нас с Н. и духовные цели одни и те же, и интересы у нас очень схожи. [...] И поддержка всегда у меня от мужа идет" (Ж. 29 л., жена американского проповедника) [4. С. 189–190].

Размышления о референтном характере НРС были бы неполны без упоминания активной миссионерской позиции религиозных новаций.

Независимо от институциональной (культ, секта, устойчивая секта, деноминация) специфики НРС воспитывают в своих членах миссионерский дух – стремление проповедовать всем, везде и всегда. В то время, как представители главных религий и конфессий страны предпочитают "академические" способы распространения своих взглядов (издание апологетических работ, проведение конференций, выступление в СМИ и т. д.), религиозные новообразования "идут в народ", отдавая предпочтение непосредственному контакту с потенциальными последователями. И объяснение последнему обстоятельству нужно искать, на наш взгляд, не столько в дискриминации религиозных меньшинств, а следовательно, и в ограниченных возможностях проповеди, как полагают некоторые исследователи и правозащитники, сколько в том, что религиозные новации принципиально делают акцент на миссии, организованной по принципу "от человека к человеку". Результат подобной стратегии вполне себя оправдывает: теперь на конфессиональной карте наших городов можно встретить не только христианские и мусульманские культовые здания, но и саентологические центры, залы царств свидетелей Иеговы, медитативные центры и т. д.

НРС с целью пропаганды своих учений эффективно используют возможности информационного общества: сотрудничают с СМИ, арендуют крупные спортивно-концертные комплексы для проведения конгрессов, прово-

дят культурологические, экономические, образовательные, экологические семинары (круглые столы, конференции) в залах для деловых встреч в комфортабельных гостиницах, организуют концерты, фестивали, спортивные мероприятия.

Благодаря развитию информационных технологий у нетрадиционных религиозных объединений в последние несколько десятков лет появился новый эффективный миссионерский инструмент – возможность виртуальной проповеди во всемирной сети "Интернет". Современная миссионерская деятельность НРС не мыслима без создания и поддержания работы мультязычного интернет-сайта, содержащего сведения по истории данной конфессии, о ее вероучении и культовой практике, освещающего основные события из жизни объединения и предоставляющего своим посетителям возможность общения в режиме "форума". Наиболее активные адепты создают свои интернет-сайты и/ или блоги (интернет-дневники), которые вместе с официальным Интернет-ресурсом выступают единым фронтом в деле распространения групповых религиозных взглядов.

По мнению канадского социолога религии Лорни Доусона, благодаря виртуальному пространству у религиозных образований появились серьезные перспективы в деле пополнения своих рядов. Прежде всего, отмечает Доусон, Интернет решает географическую и временную проблемы. Единомысленники со всех уголков Земли могут виртуально встречаться и общаться друг с другом в режиме реального времени (on-line). Руководители имеют возможность оперативно обмениваться текстовой, фото-, аудио-, видео- и другой информацией круглосуточно за относительно небольшие деньги. Затем, общение в Интернете носит в большинстве случаев анонимный характер, благодаря чему ликвидируются социальные барьеры – врожденные (пол, раса, национальность) и приобретенные (размер властных полномочий, размер

собственности, престиж профессии и т. д.) социальные статусы, которые определяют характер социального взаимодействия в реальной жизни. В-третьих, религиозным объединениям предоставляется возможность увеличить свой состав не только в количественном отношении, но и качественном, так как наибольшую группу пользователей Интернета составляют люди молодого и среднего возраста, имеющие высокий интеллектуальный и образовательный уровень и проживающие в развитых странах мира. В-четвертых, наличие собственного интернет-сайта расширяет круг потенциальных потребителей-покупателей вероучительной литературы и культовых предметов.

Присутствие в виртуальной среде даёт НРС бесценную возможность привлекать к своим проблемам общественность в лице исследователей религии, представителей органов власти, общественных деятелей и т. д. Нельзя не отметить тот факт, что интернет-технологии всесторонне используются религиозными меньшинствами для создания имиджа респектабельных, прогрессивных, идущих в ногу со временем религиозных объединений. Кроме того, что не маловажно, благодаря наличию официального интернет-портала – тем более, если он предоставляет своим гостям площадку для обмена мнениями в виде форума и/ или гостевой книги, – деятельность не объединяется приобретает "прозрачность", падает занавес, сотканный из мифов и легенд СМИ, и, в конечном итоге, открывается перспектива перехода из разряда закрытой религиозной группы в открытую религиозную общность [9].

Таким образом, осуществленный в статье анализ – с опорой на концепции Р. Мертона, Р. Нибура, Ч. Глока и Р. Старка – убедительно показывает, что НРС, удовлетворяя социально-психологические и социокультурные запросы духовных искателей, выступают для последних в роли референтных религиозных групп, благодаря чему и обеспечивают собственное воспроизводство в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баркер А. Новые религиозные движения. – СПб.: РХГИ, 1997
2. Возрастная психология: личность от молодости до старости: Учебное пособие / М.В. Гамезо, В.С. Герасимова, Г.Г. Горелова [и др.]. – М.: Педагогическое общество России, Издательский дом "Ноосфера", 1999
3. Григоренко А.Ю. Эсхатология, миллениаризм, адвентизм: история и современность. Философско-религиоведческие очерки (научное издание). – СПб.: Европейский Дом, 2004
4. Еремичева Г.В. Тенденции религиозного поиска и новые религиозные движения (на примере Церкви Христа в Санкт-Петербурге) // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2005. – Т. VIII. – № 3. – с. 174–192.
5. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006
6. "Нетрадиционные религии" в посткоммунистической России ("круглый стол") // Вопросы философии. – 1996. – № 12. – С. 5, 6, 26.
7. Религиоведение: социология и психология религии / Самыгин С.И., Нечипуренко В.И., Полонская И.Н. Ростов-н/ Дону, 1996
8. Эрвье-Леже Д. Социология религии во Франции: от социологии секуляризации к социологии современной религиозности // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1999. – Т. 2. – Специальный выпуск (современная французская социология). – С. 232–241.
9. Dawson, Lorne L. Doing Religion in Cyberspace: The Promise and the Perils // The Council of Societies for the Study of Religion Bulletin. – 2001. – Vol. 30. – № 1. – P. 3–9 [Электронный ресурс]. URL: <http://sociology.uwaterloo.ca/relybercsss.html> (дата обращения: 15.02.2013)
10. Glock, Ch., Stark R. Religion and Society in Tension. – Chicago: Rand McNally, 1965. P. 242–259.

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ В НЕТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ СООБЩЕСТВАХ

THE SOCIAL CONTROL IN NON-TRADITIONAL RELIGIOUS COMMUNITIES

Y. Yakovleva

Annotation

In the article the author has examined the main directions of the social control in modern non-traditional religious communities. The author has also showed that the social control is an effective tool which ensures the reproduction of the non-traditional religious communities.

Keywords: a non-traditional religious community, social control, reproduction of a non-traditional religious community.

Яковлева Юлия Александровна

*К.соц. н., ассистент
Национальный минерально-сырьевой
университет "Горный",
Санкт-Петербург*

Аннотация

В статье рассмотрены основные направления социального контроля в современных нетрадиционных религиозных сообществах: поведение, мысли, чувства верующих и групповые информационные потоки. Автором также показано, что групповой контроль является эффективным инструментом, обеспечивающим воспроизводство нетрадиционных религиозных сообществ.

Ключевые слова:

Нетрадиционное религиозное сообщество, социальный контроль, воспроизводство нетрадиционных религиозных сообществ.

Формирование нетрадиционной религиозной идентичности индивида связано с его ориентацией в процессе духовных исканий на конкретную религиозно референтную группу. То или иное нетрадиционное религиозное сообщество (далее – НРС) приобретает в глазах богоискателя референтный характер в том случае, если оно способно – по крайней мере, на первом этапе групповой идентификации – удовлетворить его социально-психологические и социокультурные запросы. Первые связаны со стремлением человека элиминировать социально-проецируемые проблемы психологического характера (нехватку общения, отсутствие собственной семьи т.д.). Вторые – с необходимостью удовлетворения религиозно-мировоззренческих, эстетических, этических и некоторых других личностных потребностей [см.: 7, 9, 10].

Однако с течением времени НРС может терять былую привлекательность для верующего, о чем свидетельствует свойственное им непостоянство численного состава [9]. Учение, внутригрупповые принципы взаимодействия, нормы поведения в социуме, особенности группового восприятия "основного" общества и другие элементы религиозных новообразований подвергаются новому осмыслению. Объектом интенсивной рефлексии оказываются нравственное состояние совершающих, а также собственные духовные успехи. Малейшее расхождение между наблюдаемым положением дел и первоначальными ожиданиями способно спровоцировать кризис веры, вызвать сомнения в правильности религиозного выбора.

Одних религиозные колебания подталкивают к поиску информации, которая могла бы пролить свет на волнующие их вопросы. Наведение детальной исторической (о культурно-исторических условиях зарождения общины), биографической (основные вехи жизненного пути основателя и последующих руководителей), теологической (наличие заимствований из других традиций, позиция крупных религиозных организаций и отдельных теологов об учении конкретного НРС) справки, а также изучение отношения общественного мнения к данной религиозной новации выступают основными средствами разрешения накопившихся проблем. Другие, испытывая настойчивую потребность поделиться с кем-нибудь своими переживаниями, обращаются за советом к друзьям-единоверцам. Люди с чувствительной совестью, осознавая "еретичность" своих мыслей и действий, приходят с повинной к наставникам в надежде, во-первых, "облегчить душу" и, во-вторых, получить поддержку и духовное ободрение. У импульсивных и решительных личностей закравшиеся сомнения могут поставить под удар их дальнейшую принадлежность к сообществу. Энтузиазм начальной стадии "обращения" сменяется чувствами неудовлетворенности, разочарования, обиды, которые часто подталкивают индивида к выходу из объединения. Если одни покидают НРС тихо, без скандалов и эксцессов, то уход других может сопровождаться открытым разоблачением доктрины, лидеров, организации в целом.

Сомнения, усиленный сбор информации, принятие кардинальных решений и неадекватные (с точки зрения

окружения) поведенческие реакции сигнализируют о наличии у человека когнитивного диссонанса – состояния психологической напряжённости, возникающего вследствие несоответствия (диссонанса) между отдельными когнициями личности (знанием, мнением, убеждением, верованием, ценностями и т. д.) об окружающей (социальной, физической, психологической) среде, приводящего к конкретным действиям. Автор теории когнитивного диссонанса – Л. Фестингер – обращает внимание на следующие моменты: во-первых, когнитивные элементы всегда испытывают влияние определённых реалий, однако (и это, во-вторых) не всегда наблюдается полное соответствие когниций требованиям (ожиданиям) социального окружения, что (в-третьих) заставляет его (окружение) увеличивать своё воздействие на личность в целях достижения когнитивного консонанса [5, с. 25–27].

В нашем случае речь идёт о психологическом дискомфорте, вызванном несоответствием групповых верований, ценностей, установок, целей и т. д. когнитивной системе индивида, в результате чего последний демонстрирует неприемлемое для сообщества поведение (несоблюдение групповых норм, игнорирование предупреждений со стороны "старших", попытки дискредитации учения и объединения в целом, заявления о выходе из него).

Получивший широкую огласку религиозно нетрадиционный опыт Р. Франца (экс-Свидетель Иеговы), Дж. Армстронга (экс-саентолога), Л. Семёнова (экс-мунита) и истории многих других людей, покинувших НРС, известные небольшому кругу лиц, изучающих феномен нетрадиционной религиозности, убеждают в том, что "диссонирующие" последователи способны выступать фактором групповой дезинтеграции как в идейном, так и структурно-организационном отношениях.

Одна из задач руководителей и групповых активистов заключается в своевременном выявлении членов, испытывающих когнитивный дисбаланс, и восстановлении "консонантных" отношений в когнитивной структуре личности. Следует подчеркнуть: изменению подвергается не социальная (в нашем случае – групповая) реальность, а знания индивида об этой реальности и его действия, порождённые процессом познания.

Если выражаться более популярно, регуляция распространяется на мысли, чувства и поведение сторонника конкретной нетрадиционной религиозной общности в целях приведения их к единому знаменателю. Сбалансирование указанных "компонентов" личности направлено в конечном итоге на поддержание её религиозной идентичности.

Работа с мышлением верующих сводится к внесению корректив в процесс осмысления ими доктрины, лично-

стных качеств руководящего звена и рядовых членов, этического кодекса общины, служащего ориентиром поведения с единоверцами (с учётом их статусно-ролевой характеристики), не-членами и различными социальными структурами. Посредством литературы, аудио-, видеолекций и проповедей у последователей развивается убеждение в "божественности" учения и его сотериологической уникальности; альтернативным системам верований приписывается человеческое либо "дьявольское" происхождение.

Самостоятельное изучение вероучительных текстов, без опоры на имеющиеся толкования групповых теологических авторитетов, настоятельно не рекомендуется. В результате независимого исследования могут быть подняты нежелательные для объединения вопросы: например, о противоречащих друг другу доктринальных элементах, неправильном переводе отдельных мест священного для данного сообщества писания и т. д. В целях пресечения распространения "еретических" взглядов запрещается обсуждение возникающих недоумений с рядовыми единоверцами. Для прояснения непонятных идей следует обращаться непосредственно к учителям, которые, в отличие от рядовых верующих, компетентны в данной сфере и официально уполномочены комментировать учение.

Открытые критические замечания – даже конструктивного свойства – в адрес наставников и структуры объединения воспринимаются как угроза принципу послушания, который определяет характер интеракций в НРС.

Кроме того, не будем забывать, что во многих НРС личность основателей и последующих руководителей, как правило, мифологизированы – отчасти самими лидерами, отчасти их последователями – вследствие чего в сознании последних первые наделены божественными атрибутами: безграничной мудростью, всеведением и т. д. Для искренних, ревностных верующих сама идея каких-либо возражений представляется кощунственной. Тем не менее, обсудить появившиеся у того или иного члена предложения возможно приватным образом.

Не поощряются и публичное обсуждение черт характера, поступков и т. д. рядовых адептов, т. к. подобные действия приводят к распространению слухов, возникновению конфликтов, а, следовательно, нарушают групповое единство.

Тема ценностно-нормативной системы, тем более, табуирована, т. к. упомянутая система представляет собой, образно выражаясь, несущую конструкцию здания религиозного объединения. Попытка реконструкции может обернуться разрушением самого здания НРС.

Как видим, религиозные новообразования предпочи-

тают разрешать вопросы своих подопечных "с глаза на глаз". Такая стратегия нейтрализует неблагоприятных членов (а значит и поддерживает внутригрупповой мир), а также позволяет работать индивидуально с сомнениями личности, которые, как мы помним, являются признаком зарождающегося когнитивного диссонанса: устранить или, по крайней мере, минимизировать их путём убеждения в истинности учения, разумности установленных правил, духовно-нравственном прогрессе (пусть и не таком заметном и быстром, как хотелось бы) самого индивида и остальных верующих и т. д. Групповые агенты, осуществляющие социальную регуляцию, добиваются восстановления консонанса между мыслями, чувствами, поведением индивида, их соответствия групповым реалиям (религиозным, этическим, социальным требованиям). В результате человек с полной уверенностью заявляет: "Мы – путь! Мы – истина! Вы, те, кто не с нами, погибли. Мы знаем, а вы – нет" [6, с. 94].

Создание и поддержание психологически уютной атмосферы – одна из главных функциональных задач НРС, связанная с удовлетворением потребностей в братской любви и уважении, дружбе, взаимопонимании, искреннем общении – в общем, в гармоничных межличностных отношениях, недостаток которых и приводит зачастую людей в НРС. Однако было бы ошибкой думать, что реализация этой задачи целиком и полностью зависит от лидеров и членов с многолетним "стажем". Зарубежные и отечественные исследователи фиксируют в религиозных новообразованиях явление, получившее наименование "бомбардировка любовью": интересующимся и новообращённым оказывают явные знаки внимания (делают комплименты: например, хвалят за успехи в освоении доктрины, культовой практики), проявляют о них заботу (помогают освоиться в новом коллективе: знакомят с членами, подбирают место, разъясняют детали религиозных церемоний, обеспечивают необходимой литературой), демонстрируют дружелюбие, братское отношение. Некоторые авторы рассматривают данный феномен исключительно как один из действенных методов, с помощью которого НРС удаётся пополнять свои ряды [2, с. 78]. Согласиться с такой трактовкой можно лишь отчасти. Безусловно, "бомбардировка любовью" – эффективная миссионерская метода. Однако следует отметить, что в некоторых НРС благожелательность – норма внутригруппового взаимодействия, а не инструмент обращения в веру. Посещая в течение длительного времени встречи одной из петербургских общин свидетелей Иеговы с целью проведения включённого наблюдения, мы обнаружили, что взаимные уважение и поддержка, доброжелательность, непосредственность и в то же время деликатность в беседах, забота о престарелых и больных верующих – константа внутригрупповых отношений. В собрании существует своего рода "группа поддержки" (состав регулярно меняется, чтобы каждый мог в него войти), которая посещает заболевших Свидетелей, помогает старикам. Прав-

да, поддержка распространяется только на единоверцев, но важен тот факт, что практическое воплощение братских отношений – возможно, и не всегда удачно осуществляемое – перманентная составляющая деятельности такого дискуссионного сообщества, как "Свидетели Иеговы".

Продолжая рассуждения о психологическом климате объединения, отметим, что он создаётся не только политической руководством, но и усилиями рядовых верующих. Эмоциональное благополучие членов является залогом здоровой атмосферы, в то время, как эмоциональная напряжённость даже одного человека может послужить причиной конфликтных ситуаций в объединении.

Эффективным средством профилактики возможных бунтов, расколов на эмоциональной почве служит индивидуальная или публичная исповедь, которая позволяет верующему поделиться своими обидами, тревогами, страхами и другими негативными эмоциями – фигурально выражаясь, "выпустить пар", а старейшинам (учителям) быть в курсе эмоционального состояния каждого последователя. Задача духовных лидеров заключается в устранении эмоционального дисбаланса, согласовании когнитивной личности. С одной стороны, верующему может быть обещано тщательное расследование нарушений, совершённых конкретным лицом с последующим вынесением наказания (предупреждение, статусное понижение, исключение). С другой же стороны, ему может быть рекомендованы – для избавления от отрицательных чувств – усиленная молитва, медитация и другие релаксирующие техники. Но и в этом случае главным инструментом редукации когнитивного диссонанса будет убеждение – уверение в несовершенстве людей, необходимости прощать и т. д. – с целью вытеснения определённых чувств.

Другим направлением работы с эмоциональной сферой верующего является развитие веры в то, что вне общества невозможно реализовать духовные потребности: ведь все религиозные институты распространяют "ложные" воззрения, а общество построено на социальном неравенстве, насилии, обмане. Как следствие, среди членов подобных общностей бытует мнение, что достичь высшей цели – спасения – можно только в данном объединении. Обратной стороной такого психологического настроя является боязнь оказаться вне группы в прямом (быть исключённым) и переносном (потерять доверие старейшин и единоверцев, быть "выключенным" из коммуникационных процессов) смыслах, что равносильно лишению шанса на спасение. Поэтому "отступников" воспринимают как духовно "слабых" и "обречённых" на духовную смерть людей. Поддержание связи с "духовными мертвецами" может грозить собственной религиозности; по этой причине сознательные верующие стараются избегать с ними общения [6, с. 88–89, 96–99].

Ценностно–нормативная регуляция поведения верующих – особая статья в политике НРС, предполагающая упорядочение изолированных (вне связи с другими индивидами) действий членов, а также их взаимодействия. К основополагающему групповому правилу следует отнести послушание лицам, официально наделённым властью – правом обучать и воспитывать: старейшинам, наставникам, гуру и т. д. В терминологическом словаре свидетелей Иеговы мы можем встретить даже специальное понятие, описывающее групповую субординацию – "теократическое подчинение", под которым понимается повиновение рядовых верующих старейшинам, старейшин – надзирателям, надзирателей – руководству регионального филиала, идею которого Свидетели усматривают в Библии. В неориенталистских образованиях (например, у кришнаитов, последователей Саи Бабы) беспрекословное подчинение учителю – само собою разумеющееся явление, вытекающее из представлений о "божественности" гуру. Принцип "наставничества", состоящий в полной подотчётности новичка учителю, – краеугольный камень в "Церкви Христа" (Бостонское движение).

Обращает на себя внимание стремление ряда НРС унифицировать внешний вид адептов путём ограничений на одежду определённых фасонов и цветов, аксессуары к ней, модели причёсок, ювелирные украшения и косметические средства. Так, организация обязывает мужчин–Свидетелей посещать собрания только в строгих костюмах (джинсы, свитера, кроссовки, рюкзаки – подходящая одежда для отдыха, но не для встреч), женщин–Свидетельниц – в юбках (платьях) ниже колена. В холлах залов Царства (молитвенных домах свидетелей Иеговы) можно встретить плакаты, наглядно демонстрирующие, какая одежда и в каких ситуациях приемлема для мужчин, женщин и детей. Конечно, это можно расценить как подавление индивидуальности, творческого начала личности. Однако сами НРС относятся к этому иначе: простота и скромность в одежде – как впрочем, и в поведении в целом – позволяет избежать негативных эмоций (осуждения, зависти) в сообществе, а также со стороны не–членов.

Свойственные ряду НРС социально–изоляционистские интенции, продиктованные, прежде всего, неприятием социального неравенства и нравственного релятивизма современного общества, дают себя знать в требованиях полноценной религиозной жизни, подразумевающей серьёзную интеграцию в объединение. В процессе духовного воспитания акцентируется приоритет религиозных функций в ролевом наборе личности: проповедь, оказания всесторонней помощи общине (уборка, ремонт и т. д.) и нуждающимся членам, участие во всех групповых мероприятиях. В этой связи дополнительное свободное от работы, учёбы и прочих "мирских" обязанностей время (праздничные дни, отпуска, каникулы) рассматривается как прекрасная возможность для актив-

зации своего религиозного служения.

НРС, желая оградить последователей от негативного, как им кажется, влияния светского общества, не поощряют дружеские контакты – тем более, браки – с людьми из "внешнего" мира.

Действенным инструментом регулирования поведения верующих служат позитивные и негативные санкции. Добросовестное исполнение религиозных обязанностей (регулярное участие в культовой и внекультовой жизни общины), соблюдение этических, социальных и иных предписаний в повседневной жизни (в трудовом, школьном, студенческом коллективах, при взаимодействии с различными социальными структурами), а также в процессе внутригрупповой интеракции (подчинение "старшим") поощряются публичной похвалой, должностным назначением. Духовная пассивность, систематические проступки, пренебрежение пастырскими замечаниями, образ жизни, противоречащий групповым нормам морали, заставляют лидеров прибегнуть к различным мерам наказания правонарушителя: от прилюдного выговора до исключения из сообщества.

Возможности осуществляемого НРС социального влияния, направленного на устранение когнитивного диссонанса у последователей, угрожающего их религиозности, существенно расширяет регулирование внутреннего и внешнего информационного потоков. По замечанию Л. Фестингера, "наши поведение и чувства часто изменяются в соответствии с полученной новой информацией" [5, с. 37].

Убеждение членов в "истинности" учения можно отнести к основному направлению работы с внутригрупповой информацией. Для этого предпринимаются попытки рационализации доктрины – её логического объяснения: поясняются отдельные вероучительные элементы, выводится их взаимосвязь; привлекаются (в качестве доказательной базы) исторические и археологические данные и т. д. Параллельно подвергаются критике другие религиозные практики, в основном, традиционные. Хотя программы встреч НРС предполагают совместное чтение и разбор вероучительных текстов, верующие призываются и к самостоятельному домашнему изучению догматики, правда обязательным условием самообучения выдвигается требование использования в качестве подспорья трудов групповых теологов (философов), "пророков". Практика показывает, что рядовой член НРС христианского толка значительно лучше ориентируется в Библии по сравнению со среднестатистическим членом традиционной христианской конфессии.

Выстраивая своё информационное пространство, НРС ревностно оберегают его от нежелательного воздействия извне. Запрету подвергаются любые источники

– печатные, электронные, аудио–, видео, – исходящие от так называемых отступников (бывших членов, покинувших объединение по тем или иным причинам), представителей других конфессий (миссионеров, публицистов, теологов, простых верующих).

Следует подчеркнуть, ценностно–нормативная регуляция – неотъемлемая составляющая любой институционализированной религиозной системы, независимо от её типа (секты, церкви и т. д.) и исторического времени, в которое она возникла. История сектантства свидетельствует о том, что член конфронтационной общности XVI века точно также подвергается мощному групповому влиянию, как и член современной девиантной религиозной организации. Другое дело, что в XVI веке у религиозного объединения было значительно меньше возможностей для своего роста – отсутствие необходимой правовой базы для религиозного плюрализма, скудость "информационного" инструментария для распространения своих идей и т. д. – по сравнению с сегодняшними религиозными образованиями.

Если мы обратимся к эпохе Реформации, то в поле нашего зрения обязательно окажется один из интереснейших эпизодов в её истории, а именно: построение Ж. Кальвином и его единомышленниками теократического города–государства в Женеве, в результате чего сам Кальвин получил ироничное прозвище "женевского папы", а Женева стала именоваться "протестантским Римом". Главная властная структура Женевы – Консистория, – сосредоточив в своих руках светскую и духовную власть, осуществляла жёсткий контроль за образом жизни женевацев. Как отмечает Л.Н. Митрохин, жизнь рядового жителя Женевы оказалась регламентированной до мелочей: культивировался аскетический стиль в одежде (тёмные тона материи, отсутствие украшений),

аскетический подход к питанию, запрещались любые увеселительные мероприятия, браки с неединоверцами и т.д. – то, что сейчас мы называем регулированием поведения [4, с. 116–121].

Таким образом, и для религиозных новаций XVI века (на примере кальвинизма) и для многих современных НРС характерны нравственный ригоризм (повышенные требования к моральным качествам своих последователей, исключение из общины нарушителей групповых норм), религиозный максимализм (провозглашение своих религиозных взглядов как единственно истинных и не подлежащих сомнению, нетерпимость по отношению к представителям традиционных вероисповеданий), социальный изоляционизм (сведение к минимуму социальных контактов с людьми, не принадлежащими к религиозному сообществу, социальное взаимодействие с иноверцами допускается только в случаях большой необходимости: например, когда это связано с обеспечением процесса жизнедеятельности общины). Другими словами, и там, и тут человек оказывается подверженным групповому влиянию, его поведение, мысли и чувства контролируются лидерами (старейшинами, пасторами и т. д.), с одной стороны, и братьями и сёстрами по вере – с другой.

Логика исследования подводит нас к выводу о том, что ценностно–нормативная регуляция с ее сосредоточенностью на поведении, мыслях, чувствах верующих и внутригрупповых информационных потоках выступает действенным инструментом воспроизводства НРС. Являясь неотъемлемой составляющей любого религиозного объединения, групповой контроль в НРС отличается высокой интенсивностью: по отношению к нарушителю и образцовому верующему всегда применяются негативные и позитивные санкции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баркер А. Новые религиозные движения. – СПб.: РХГИ, 1997. – 289 с.
2. Дворкин, А. Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. – Н. Новгород: Братство св. Александра Невского, 2005. – 816 с.
3. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006.
4. Митрохин, Л. Н. Баптизм: история и современность (философско–социологические очерки). – СПб.: РХГИ, 1997. – 480 с.
5. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса; пер. с англ. – СПб.: Ювента, 1999. – 318 с.
6. Хассен С. Освобождение от психологического насилия. – СПб.: прайм–ЕВРОЗНАК, 2003. – 400 с.
7. Яковлева Ю.А. Социокультурная привлекательность нетрадиционных религиозных организаций // Вопросы культурологии. – 2009. – № 3. – С. 100–108.
8. Bainbridge W. The sociology of Religious Movements. – N.–Y: Routledge, 1997. – 474 p.
9. Barker, E. Responses to Cults, Sects and New Religious Movements in Western Europe [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusoir.ru/news.php?action=view&id=97> (дата обращения: 15.02.2013).
10. Glock Ch., Stark R. Religion and Society in Tension. – Chicago: Rand McNally, 1965. – 319 p.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ СПОСОБА ВЕРБАЛИЗАЦИИ МЕДИЦИНСКОГО КОНЦЕПТА

THE CULTUROLOGICAL CAUSATION OF THE VERBALIZATION METHOD OF THE MEDICAL CONCEPT

T. Solomennikova

Annotation

The article focuses on the cultural foundations of the reflection process of medical knowledge through the verbalization of medical concepts – both in scientific and in naive world views. This process depends on the specifics of the national consciousness and often has the objective character related to the use of common cultural national codes. This is especially true for the medical conceptsphere of the naive world view.

Keywords: medical concept, verbalization.

Соломенникова Татьяна Петровна
Аспирант, Новосибирский
Государственный Педагогический
Университет

Аннотация

В статье речь идет о культурных основаниях процесса отражения медицинского знания посредством вербализации медицинских концептов – как в научной, так и в наивной картинах мира. Этот процесс зависит от специфики национального сознания и часто имеет предметный характер, связанный с использованием общекультурных национальных кодов. Это особенно характерно для медицинской концептосферы наивной картины мира.

Ключевые слова:

Медицинский концепт, вербализация.

Окружающий нас мир во многих аспектах по-разному воспринимается и интерпретируется разными народами и этносами, что естественным образом отображается в языке, который, в свою очередь, также оказывает влияние на особенности мышления и восприятия реальности. Специфика мировоззрения обуславливает концептуальную картину мира, составными элементами которой являются концепты – некие мыслительные конструкты, представленные конкретными языковыми единицами. Посредством анализа содержания этих языковых единиц можно объяснить выбор способов отражения сознанием человека окружающей действительности или вербализации концептуальной картины мира в той или иной культуре.

Концепты, по мнению Е.С. Кубряковой, являются составными элементами концептосферы человека, своеобразными "квантами знания" [2]. Коммуникативно востребованные концепты, то есть такие, о которых люди хотят говорить, получают языковые номинации – вербализуются. При этом ядром концепта является чувственный базовый образ, выступающий как кодирующий образ универсального предметного кода. Этот образ принадлежит бытийному слою сознания и, как показывают наблюдения, имеет операционный или предметный характер, основанный на общекультурных национальных кодах.

Современное языкознание исследует пограничные темы, связанные с проблематикой, имеющей выход в другие области знания, в том числе научные, к которым

можно отнести и медицину. Медицинские реалии не находятся в изоляции от других сфер жизни, так как функционируют в едином культурном пространстве, так как терминосистема любого языка оказывает влияние на содержательную сторону слов обиходного языка, на презентацию их значения в словарях [1]. Восприятие и отражение медицинских концептов по-разному реализуется в разных культурах и, соответственно, по-разному отображается в языковых системах различных этносов.

Отметим, что сама форма языкового выражения концепта, его неизменная вербализация сохраняют устойчивость концепта, делают его общеизвестным благодаря распространенности слов, которыми он передается, что отражается непосредственно носителями языка и в словарях. В зависимости от способа вербализации концепты могут быть представлены лексемами, фразеологизмами, синтаксическими и морфологическими конструкциями.

Когда речь идет о медицинских концептах, важно отметить, что представления об этой сфере могут быть отражением как научного, так и обыденного знания, то есть язык передает наивную и научную картины мира. Научная картина мира в данном контексте представляет собой отражение совокупности выверенных научно-медицинских знаний. В отличие от научной, наивная картина мира не всегда соответствует той парадигме объективных данных, которые считаются общепринятыми на том или ином этапе развития науки, поскольку она часто бывает обусловлена представлениями о мире, сложившимися еще в

донаучный период развития рассматриваемого этноса. И если наивная картина мира представлена обиходными или даже просторечными нетерминологическими языковыми единицами, то научная картина мира передается терминами.

Особенности отношения к болезни выявляются в самих номинациях болезней – как в национальной научной, так и в наивной картинах мира. Языковые единицы отражают специфику понятия "болезнь", характерную для данного сообщества. Так, в процессе номинации болезней в наивной картине мира часто используются сложные транспозиции, синтезирующие метонимические и метафорические переносы. Такие переносы рассматриваются как метафтонимические транспозиции и трактуются как национально-специфичные, культурологические. Для вербализации медицинского концепта в наивной картине мира применимы такие семы как "симптом" или "предмет", а также "антропоморфизм", предполагающий элемент "национальности". Очень часто в основе номинации нетерминологических заболеваний положены яркие образы и характерные коннотации.

Так, концепт болезнь может отражать активное или пассивное восприятие действительности той или иной культурно-языковой общностью. Вычленение нескольких архетипов, то есть более абстрактных представлений о некоей реальности позволяет условно схематизировать концепт болезнь в виде таких ассоциативных пар как болезнь – путь, болезнь – работа, болезнь – война, болезнь – преступление. Подобное восприятие медицинских терминов является национально специфичным, например, для английского языка и англосаксов в целом, особенно для американцев.

В семантическом составе языковых единиц, относящихся к медицинским концептам, имеется очевидный культурный компонент. Так, например, для этносемантического исследования, направленного на выявление культурно-специфических особенностей восприятия действительности американцами, важны обе вышеупомянутых группы названий болезней – относящиеся как к научной, так и к наивной картинах мира, поскольку полиэтническое американское сообщество, похожее на "лоскутное одеяло" и возникшее в результате ассимиляционных процессов, в своей основе имеет англо-саксонское ядро [3]. Кроме этого, современные американцы интересуются своими корнями, наследственностью и поэтому обращаются к историческим источникам, в которые входят истории болезней, составленные выходцами из Британии [5]. Эти положения позволяют включить в исследование группу названий болезней с культурным компонентом, отражающим взаимосвязь культур.

Так, в разговорных названиях диареи *Montezuma's revenge* и *Aztec revenge* имплицировано знание истории

завоевания Мексики. Император ацтеков Монтесума был обманут и убит испанскими конкистадорами во главе с Кортесом в XIV веке. Эрнан Кортес со своим войском истребил практически всех ацтеков, а сам умер от дизентерии. Возможно, этот факт истории и был положен в метафорическое название диареи. Кроме знания истории в нетерминологических названиях болезни можно вычленить такую культурную модель, характерную для американского этноса, как традиция проводить свободное от работы время вне дома, путешествуя по Европе, Америке, и, в частности, по Мексике [4]. Эта культурная традиция отражена в синонимичных названиях диареи: *Delhi belly* (опыт путешествия по Индии), *Basra belly* (опыт путешествия по Ближнему Востоку), *turistas* (опыт путешествия за пределами США), в лексеме, означающей ноющую боль в плече, *Saturday nightitis* (опыт путешествия в машине по выходным дням), в американском медицинском термине *ripa*, означающем высокогорную болезнь (опыт путешествия в Перуанских горах).

Культурный компонент, относящийся непосредственно к американскому сообществу, вычленяется в медицинском термине *maple syrup urine disease* (валинолейцинурия). Компонент *maple syrup* является американской реалией. Из сока клена сахарного, произрастающего на юго-востоке США, варится кленовый сироп и подается обычно к завтраку (Томахин). Запах сиропа послужил ассоциатом в восприятии симптома болезни, что и было отражено в ее названии. В названии вторичного сифилиса *boogie-woogie* "вплетается" культурный компонент, связанный с массовой культурой: танец буги-вуги был придуман в Америке в 50-х годах. Культурный компонент, отражающий обычай современных американцев вычленяется в медицинском названии синдрома *Chinese restaurant syndrome*. Данное заболевание проявляется такими симптомами как боль в груди, гиперемия лица, жжение по телу и является результатом приема в пищу глутамата натрия, который используется в китайской кухне. В названии синдрома имплицирован обычай американцев питаться вне дома, а также популярность восточной кухни.

Культурный компонент, связанный с определенной прослойкой общества, вычленяется в нетерминологическом названии *yuppi flu* (синдром хронической усталости), в котором первый элемент означает молодых профессионалов, которые, не жалея сил, работают для достижения материальных ценностей.

Вторая группа слов, имплицированных культурный компонент, является британским наследием, которое является для англичан и американцев общим культурно-историческим источником. Рассмотрим, например, название болезни *Alice in Wonderland syndrome*. В названии данного неврологического заболевания, для которого характерно сочетание деперсонализации и галлюцинаций,

отражается знание одноименного произведения Л. Кэрролла, в котором девочка Алиса, постоянно изменяясь, путешествует в нереальном мире. Знание произведения Л. Кэрролла имплицитно в термине *Mad Hatter syndrome*, который характеризуется эмоциональной лабильностью и недостаточностью со стороны чувствительных нервов.

Термины *Don Juanism* (RHUD) и *Munchausen syndrome* (RHUD), являются примером влияния художественной литературы на создание названия болезни. В первом случае легендарный Дон Жуан послужил основой для образования психиатрического термина, который используется для обозначения поведения мужчины с навязчивой повышенной сексуальной активностью. Во втором случае – не менее известный литературный образ, известного своими выдумками, лег в основу названия болезни. Синдром Мюнхгаузена – постоянная клинически убедительная симуляция заболеваний с целью привлечения к себе внимания медиков [6].

Кроме литературных героев, в основу названий заболеваний могут входить компоненты, относящиеся к области истории, искусства, мифологии. Например, такие медицинские термины, из области психиатрии, как *Cain complex*, *Diana complex*, *Electra complex*, *Jocasta complex*, *Oedipus complex* и нетермин *cupid's itch* в основе названий имеют имена библейских и мифических персонажей. Так, знание древних мифов и легенд находит отражение в названиях психических и физиологических болезней. Так всем известно, что Купидон – божество любви, олицетворение любовной страсти в римской мифологии. Именно знание древней мифологии легло в основу метафорической номинации венерической болезни – *cupid's itch* – в американском варианте английского языка, которая является следствием любовной страсти. В американской наивной картине мира, таким образом, для номинации болезней продолжают традиции привлекать знания мифов, легенд, заложенные в научной картине мира.

Таким образом, национальная научная и наивная картины мира связаны общим культурным фоном. Культурный компонент "вплетается" в термины и нетермины названий болезней. Названия болезней отображают гео-

графическую среду, исторические условия, литературные предпочтения, которые специфичны для каждого этноса. Культурный компонент, характеризующий особенности того или иного этноса, представляет собой отражение культурных привычек и обычаев народа, а также исторические корни его культуры.

Характерно, что в наивной картине мира отражаются болезни, которые либо распространены в данном сообществе (простуда), либо воспринимаются как неприятные или осуждаемые обществом (диарея, венерические заболевания), либо опасные или смертельные болезни, прямое упоминание которых избегается (рак). В наивную картину мира включаются болезни, не описываемые наукой (воображаемые). Данная категория включается в народную таксономию. В наивной картине мира отражается отношение к болезни как к уважительной причине.

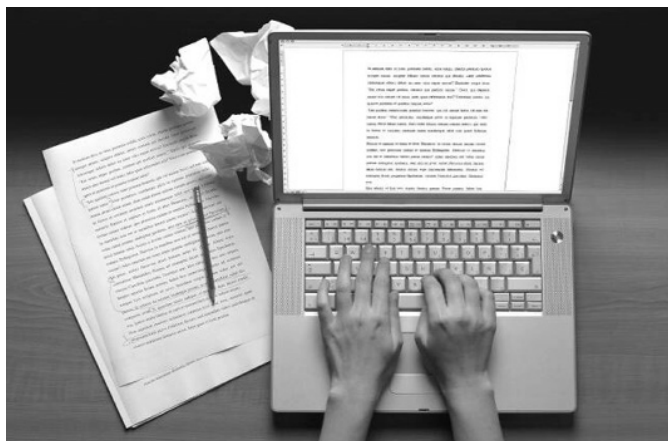
Нередко метафора, положенная в основу номинации нетерминологических названий болезней, придает шуточные, грубые или даже романтические коннотации, которые являются показателем отношения этноса к определенной болезни. В научной картине мира выделяется национальная картина мира, репрезентированная терминами, созданными на базе общеупотребительных слов.

Среди этнических особенностей в англоязычных терминах отмечается релевантность сем "профессиональная принадлежность", "явный симптом", "больной орган". Причем, сема "симптом" является основной метафорической транспозицией в номинации болезней. Условия жизни, культура являются общим фоном для наивной и национальной научной картины мира. Именно культурный компонент является объединяющим звеном для научного и наивного знания. Названия болезней отображают географическую среду, исторические условия, литературные предпочтения, которые специфичны для каждого этноса.

Таким образом, можно со всем основанием утверждать, что процесс вербализации медицинских концептов культурно обусловлен, что находит свое отражение в его объективации с помощью всей палитры языковых средств того или иного этноса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев Н. И. Методика работы классного руководителя: Учеб. пособие по спецкурсу для студентов пед. ин-тов. – М.: Просвещение, 1984.
2. Классному руководителю. Учеб. – метод. пособие. / Под ред. М.И. Рожкова. – М.: Гуманист. Изд. Центр ВЛАДОС, 2001.
3. Колесникова И.А. Теоретико-методологическая подготовка учителя к воспитательной работе в цикле педагогических дисциплин. Дис... докт пед. наук. – Л., 1991. – 493с.
4. Методика воспитательной работы. / Под ред. Л.И. Рувинского. – М.: Педагогика, 1989. – 442с.

НАШИ АВТОРЫ OUR AUTHORS

Chimarov S.

Doctor of History, Professor, Northwestern Institute RANHiGS the President of the Russian Federation, St. Petersburg

e-mail : chimarov@szags.ru

Garbuza T.

Institute of Pedagogics of National academy of pedagogical sciences of Ukraine, Kiev

e-mail : tanya.garbuza@mail.ru

Gusev A.

Applicant, Ural Federal University

e-mail : avgusev@list.ru

Ilyinykh V.

Doctor of Historical Sciences, head of the agrarian history, Institute of History of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences

e-mail : agro_iwa@mail.ru

Kovaleova M.

FBGOU VPO "The State university – an educational, scientific and industrial complex", Orel

e-mail : lenhorlens@mail.ru

Maksachuk E.

PhD, Moscow State Academy of Physical Culture and Sports

e-mail : Kate-Maksachyk@yandex.ru

Nikolaev A.

Doctor of Historical Sciences, Senior Research Fellow, Institute of History of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences

e-mail : agronicol@gmail.com

Novoselov M.

Postgraduate, Peoples' Friendship University of Russia

e-mail : max.helper@gmail.com

Pivovarov N.

Junior Research Fellow, Institute of History, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk

e-mail : pivo1988@gmail.com

Rynkov V.

Ph.D. of Historical Sciences, Senior Research Fellow, Institute of History of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences

e-mail : vadsvet@list.ru

Sikorskaya O.

Postgraduate, Maritime State University. adm. GI Nevel, Vladivostok

e-mail : cote@inbox.ru

Solomennikova T.

Postgraduate, Novosibirsk State Pedagogical University

e-mail : solom-t@mail.ru

Volkov V.

Doctor of Political Sciences, Professor, Northwestern Institute RANHiGS the President of the Russian Federation, St. Petersburg

e-mail : vitv@rambler.ru

Yakovleva Y.

National mineral-raw university "Gorniy", St. Petersburg

e-mail : yakovleva-ja@yandex.ru

Zaporozhchenko G.

Ph.D. of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences

e-mail : galinakoop@yandex.ru

Zvorych I.

Ph.D (Pedagogics) Chair of Theory and Practice of Translation Kyiv National University named after T.G. Shevchenko

e-mail : ZINA7@VoliaCable.Com

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно–практического журнала "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе "Антиплагиат".

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно–практический журнал "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением ".doc", или ".rtf", шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1–2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0–11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные – 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф–редактору научно–практического журнала "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" (e–mail: redaktor@nauteh-journal.ru).

ВэйтТэк–2013

Международная выставка-форум по управлению отходами,
природоохранным технологиям и возобновляемой энергетике

28-31 МАЯ 2013
МВЦ «КРОКУС ЭКСПО»

WWW.WASTE-TECH.RU